

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. ЛЕОНТЬЕВ

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА
В «КАПИТАЛЕ»
К. МАРКСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Л. ЛЕОНТЬЕВ

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА
В «КАПИТАЛЕ»
К. МАРКСА

МОСКВА — 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1921 г. В. И. Ленин в письме к В. В. Адоратскому, подготовившему сборник писем Маркса и Энгельса по важнейшим вопросам теории и политики марксизма, отметил необходимость подбора высказываний о равенстве, имеющих в «Капитале» Маркса¹. В первые годы Советской власти Ленин, срывая маски с меньшевистско-эсеровских предателей, прикрывавших свои черные дела лживыми разглагольствованиями о «свободе вообще» и «равенстве вообще», неоднократно ссылаясь на анализ буржуазной свободы и буржуазного равенства в «Капитале» и других работах Маркса и Энгельса.

С тех пор огромный исторический путь пройден нашей страной и всем человечеством. Советский Союз стал могучей социалистической державой. С отпадением ряда стран Европы и Азии от капиталистической системы социализм превратился в мировую систему, охватывающую более трети населения земного шара. Гигантски выросла притягательная сила идей социализма. Социализм стал безраздельным властителем дум сотен миллионов людей на всех континентах.

Но силы старого, отжившего мира ведут упорную борьбу против нового, высшего общественного строя. Как и несколько десятилетий назад, прислужники реакционной буржуазии выступают против социализма под прикрытием лживых лозунгов «свободы вообще» и «равенства вообще». Адвокаты современного капитализма, доведшего до чудовищных масштабов угнетение и несправедливости трудящихся масс, социальное неравенство между

¹ См.: В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 440.

ничтожной кучкой мультимиллионеров и подавляющим большинством неимущих, обездоленных трудящихся масс, охотно рядятся в тогу поборников свободы и равенства.

Под этим прикрытием они пытаются обелить самые черные дела международной империалистической реакции, как, например, организованный ею осенью 1956 г. контрреволюционный мятеж в Венгрии. Под этим прикрытием они занимаются клеветой на строительство социализма и коммунизма в Советском Союзе и странах народной демократии. Как в оправдании империализма, так и в поношении социализма особая роль отводится реформистам и ревизионистам, которые на словах объявляют о своей приверженности социализму, а иногда даже именуют себя марксистами.

В то же время практика великой преобразовательной работы, накопленная в Советском Союзе, а затем и в других странах социалистического лагеря, показывает, как в процессе строительства социализма и коммунизма успешно преодолеваются всевозможные уравнилельские иллюзии. В решениях XXI съезда КПСС и в докладе Н. С. Хрущева о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. подчеркивается важность принципа материальной заинтересованности всех тружеников в результатах своего труда и отмечается, что основоположники марксизма-ленинизма в свое время подвергали критике уравнилельный подход к распределению. Лишь на высшей фазе коммунизма, на базе огромного роста производительных сил, изобилия предметов потребления и превращения труда в первейшую внутреннюю потребность человека, возможно осуществить распределение по потребностям.

Отсюда ясно, что проблема равенства и анализ ее в «Капитале» Маркса представляет несомненный интерес и в наши дни.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАВЕНСТВЕ

1. АНТИЧНЫЙ МИР И ХРИСТИАНСТВО. 2. ЭПОХА КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН.
3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАВЕНСТВЕ.
4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАВЕНСТВЕ.
5. УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСПОДСТВА БУРЖУАЗИИ И ЛОЗУНГ «РАВЕНСТВА
ВООБЩЕ».

Научный подход к явлениям общественной жизни показывает, что представления людей не являются чем-то вечным и неизменным, а наоборот, носят исторически преходящий характер. Исторический материализм учит, что общественное бытие людей определяет их общественное сознание; последнее является отражением первого. Поскольку это относится ко всем явлениям общественного сознания людей, это относится также к их представлениям о равенстве.

В ходе исторического развития общества представления людей о равенстве изменяются. На различных ступенях общественного развития требование равенства носит различный характер и заполнено различным содержанием. Вместе с изменением общественного строя, вместе со сменой социальных форм коренным образом меняется и конкретное содержание, вкладываемое в требование равенства, и реальное значение этого лозунга в ходе борьбы классов. Условия материального производства, социальные отношения и классовая борьба—вот что обуславливает реальное содержание требования равенства на каждом данном этапе развития общества.

Блестящий исторический очерк развития представлений о равенстве в связи с развитием классового общества

дан Энгельсом в «Анти-Дюринге». Энгельс подходит к анализу идеи равенства как материалист-диалектик. Раскрывая несостоятельность метафизических взглядов Дюринга по этому вопросу, Энгельс показывает, что требование равенства является отнюдь не какой-то «вечной истиной», а наоборот, лишь выражением изменяющихся общественных отношений. В противовес абстрактным рассуждениям Дюринга о «равенстве вообще», он дает конкретную характеристику представлений о равенстве, развивающихся вместе с историческим развитием общества. Безжизненной застывшей формуле Дюринга противопоставляется конкретный разбор изменчивого характера представлений о равенстве в зависимости от различной исторической обстановки.

Характеризуя исторические условия возникновения, с одной стороны, буржуазного понимания равенства, а с другой — пролетарского, Энгельс вскрывает их действительное содержание. Он разъясняет, что представление о том, что равенство является выражением справедливости, возникло исторически, оно есть исторический продукт, для выработки которого необходима вся предшествующая история. Стало быть, это представление не существует испокон века как вечная истина. Если же оно воспринимается большинством людей как нечто само собою разумеющееся, то это не результат его аксиоматического характера, а следствие распространения идей, возникших вполне исторически. Равенство существует лишь в противоположности к неравенству, справедливость — в противоположности к несправедливости. Уже поэтому нелепо выдавать положение «равенство=справедливости» за высший принцип и за высшую истину.

Краткий исторический очерк идеи равенства, данный Энгельсом в «Анти-Дюринге», служит лучшей канвой при разборе этого вопроса.

«Представление о том, что все люди как люди имеют между собой нечто общее и что они, насколько простирается это общее, также равны, само собою разумеется, древнего происхождения. Но от этого представления совершенно отлично современное требование равенства. Это требование состоит, скорее, в том, что из того общего свойства людей, что они люди, из равенства людей, как людей, оно выводит право на равное политическое и —

соответственно — социальное значение всех людей, или, по крайней мере, всех граждан данного государства или всех членов данного общества. Должны были пройти и действительно прошли целые тысячелетия для того, чтобы из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе, для того, чтобы этот вывод стал казаться даже чем-то естественным, самоочевидным»¹.

1. Античный мир и христианство

В первобытных общинах представление о равенстве могло носить лишь весьма ограниченный характер, в соответствии с весьма ограниченным характером самой общественной связи той эпохи.

Люди жили небольшими по численности группами. Легенда о золотом веке, каким якобы был этот младенческий период в жизни человечества, родилась значительно позднее. На самом же деле первобытный человек был задавлен трудностями борьбы с природой. Люди трудились сообща, ибо только общий труд мог так или иначе обеспечить их существование, но «этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»². Имея в виду тот застойный тип общественного производства, который во многом сохранился вплоть до возникновения капитализма, Ленин писал: «Общественный характер производства обнимал *только членов одной общины*»³.

К числу самых отравленных измышлений апологетов капитализма принадлежит выдумка, будто частная собственность составляет вечное и неперемнное условие жизни общества, будто без нее люди никогда не могли, не могут и не смогут существовать. Эта злостная клевета на род людской опровергается всей действительной историей человечества.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 97.

² К. Маркс. Черновик письма В. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 681.

³ В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Сочинения, т. 2, стр. 198—199.

Частная собственность имеет свое начало и свой конец в ходе развития общества. На определенной ступени этого развития она возникает, на определенной ступени — уничтожается.

Люди жили на земле много сотен тысяч лет, не зная частной собственности, имущественного неравенства, разделения на классы. В первобытную эпоху власть человека над природой была ничтожна. При крайне низкой производительности труда единственно возможным способом распределения продуктов труда было уравнилельное распределение. Только совместно трудясь и сообщая потребляя скудный продукт своего труда, люди могли существовать и постепенно, хотя и крайне медленно, продвигаться вперед.

Как средства производства, так и продукт труда составляли общую собственность. Все, что добывалось, делилось поровну между членами первобытной общины. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования первобытной эпохи на основании памятников материальной культуры. Путешественники, описывающие жизнь первобытных племен, отмечают, что у этих племен глубоко укоренилась привычка к равному дележу. Так, Дарвин рассказывал, что когда жителям Огненной Земли подарили кусок холста, они разорвали его на равные части, чтобы всем досталось поровну.

До появления классовой эксплуатации, основанной на присвоении прибавочного труда группы ее верхушкой, не было места для сколько-нибудь существенных проявлений неравенства среди членов первобытных групп. Однако уже разделение труда между полями приводит к возникновению известного неравенства.

Смена примитивного земледелия кочевым скотоводством и более развитым земледелием ведет к переходу от матриархального рода к патриархальному: то самое разделение труда, которое раньше доставило господство женщине, теперь оборачивается против нее. Это, по словам Энгельса, *всемирно-историческое поражение женского пола*⁴ знаменует собой начало длительного периода

⁴ См.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, стр. 40.

порабощения целой половины рода человеческого, продолжающегося до тех пор, пока социалистическая революция не кладет конец всякому неравноправию и фактическому неравенству полов.

Столкновения между первобытно-родовыми союзами, переходя в вооруженные конфликты, влекут за собой обращение захваченных в плен врагов в рабство.

«В древнейших, первобытных общинах, — говорит Энгельс, — речь могла идти в лучшем случае о равноправии членов общины; женщины, рабы, чужестранцы, само собой разумеется, не входили в круг этих равноправных людей»⁵.

Но способы добывания средств к жизни совершенствуются, появляются новые орудия труда. В новых условиях семья может просуществовать, обрабатывая отдельный участок земли. Общая собственность на средства производства и продукт труда сменяется частной собственностью. Первобытная община уступает место классовому обществу, основанному на эксплуатации человека человеком.

В античном мире неравенства между людьми играли гораздо большую роль, чем какое бы то ни было их равенство. Общественный строй античного мира базировался на политическом и экономическом неравенстве. Даже после исчезновения ряда отживших свой век социальных делений (как, например, деления на римских граждан и римских подданных) все же оставалась в силе основная противоположность между свободными и рабами.

Расцвет наук и искусств в древнем мире происходил на базе рабовладельческого хозяйства. Идеология общества, основанного на рабском труде, имела своим краеугольным камнем представление о естественном неравенстве людей. Это представление характерно для крупнейших мыслителей классической древности.

Такой выдающийся мыслитель древности, как Платон, сделал принцип неравенства людей основой построения своего «идеального государства». Платон был создателем первой в истории социальной утопии, оказавшей существенное влияние на утопистов позднейшей эпохи, выступавших на заре буржуазного общества.

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 97.

Платон исходил в своем построении из того, что общество делится на классы, из которых один занят производительной деятельностью и живет в обычных условиях, другой же класс — воины, или стражи, — живет идеальным строем. Сословие воинов, освобожденных от производительного труда и имеющих своей функцией лишь защиту безопасности общества, живет на началах потребительского коммунизма. Они все равны, у них общность имущества и общность жен. Однако базой их «коммунизма» служит деятельность производительного класса. Этот последний занимается производством и обменом. Для этого класса сохранена частная собственность, а стремление к стяжательству является у него сильнейшей двигательной силой. В своем более позднем произведении Платон считал необходимым сохранить и рабство.

Величайший мыслитель древности Аристотель также считал рабство вечной и неизменной необходимостью для общества. Он полагал, что самой природой одни люди предназначены быть рабами, а другие — управлять ими. По его словам, для кормчего руль — инструмент неодушевленный, а раб — одушевленный. Если бы орудия работали по приказанию сами, например, если бы челноки сами ткали, тогда не было бы необходимости в рабах. Но так как в хозяйстве существует много занятий, требующих простого, грубого труда, то природа мудро распорядилась, создав рабов.

Эти воззрения Аристотеля получили широчайшее распространение в древнем мире. Римский писатель-энциклопедист Варрон, выражая общераспространенные среди рабовладельцев взгляды, делил орудия на 1) немые (повозки), 2) издающие нечленораздельные звуки (скот) и 3) оударенные голосом (рабы).

Аристотель не мог научно подойти к анализу явлений товарного обмена, довольно широко развитого в его время, именно вследствие того, что ему было совершенно чуждо представление о равенстве человеческого труда, воплощенного в обмениваемых товарах. Он пришел поэтому к неправильному заключению, что только деньги делают товары соизмеримыми. В работе «К критике политической экономии» и в «Капитале» Маркс раскрывает связь между этой ограниченностью понимания Аристотеля и общественными условиями его эпохи.

Развитие меновых отношений в древнем мире не уничтожило рабства. Однако в эпоху Римской империи постепенно исчезли сословные перегородки, разделявшие «свободных»; установилось то равенство частных лиц, на основе которого выросло римское право, эта, по характеристике Энгельса, наиболее совершенная форма права, покоящегося на частной собственности.

«Христианство знало только *одно* равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных, которое выдвигалось, однако, только в самый начальный период христианства. Следы общности имущества, которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии, объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве. Очень скоро установление различия между священником и мирянином положило конец и этому зачатку христианского равенства»⁶.

Христианство возникло как религия рабов и угнетенных. Классовое и национальное угнетение достигло в античном мире огромной остроты. Угнетенная масса не представляла собой монолитного класса, а наоборот, составляла конгломерат различных групп весьма разнообразного характера. В статье «К истории первоначального христианства» Энгельс дает яркую характеристику тех слоев, из которых рекрутировались первые христиане.

Это были, прежде всего, рабы, значительная часть которых состояла из воинов, попавших в плен и обращенных римлянами в рабство. Далее, в городах основной контингент составляли разорившиеся свободные люди, принадлежавшие к различным слоям населения, но объединенные общей судьбой: это были люди, выброшенные за борт жизни официального общества. В сельских округах христиане рекрутировались из мелких крестьян, попавших в долговое рабство, разоренных налогами и поборами. Железная пята римского владычества придавила все эти разнородные элементы, разрушив прежние условия их жизни.

⁶ Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг, стр. 97—98.

Для всех этих людей, указывает Энгельс, потерянный рай лежал позади. Для разорившихся свободных таким потерянным раем был город-государство, в котором жили их предки; для взятых на войне в плен рабов — время их свободной жизни перед покорением; для мелких крестьян — исчезнувший родовой строй и общее владение землей.

Историческая обстановка эпохи упадка античного общества не заключала в себе условий для действительного освобождения всей этой разнообразной массы «трудящихся и обремененных». Восстания рабов были наиболее ярким выражением противоречий, раздиравших античное общество. Эти восстания способствовали разложению рабовладельческого строя и тем самым приближали момент его гибели и смены одной формы классовой эксплуатации другой. Но в условиях рабовладельческого строя не было предпосылок для уничтожения эксплуатации.

Поэтому среди угнетенных масс ненависть к существующим порядкам была жгучей, но бессильной. В этой обстановке возникло и получило распространение христианское учение о справедливости в потустороннем мире, о наступлении тысячелетнего царства, которого первые христиане ожидали в самом ближайшем будущем. Неопределенные хилиастические представления как нельзя более соответствовали обстановке безвыходности и безнадежности, в которой находились угнетенные массы; обещание награды в потустороннем мире облегчало примирение с безнадежностью положения в земной юдоли скорби.

Именно поэтому характеру христианства как религии угнетенных и рабов соответствовало специфическое представление о равенстве — представление о равенстве первородного греха. Эта сторона дела прекрасно разъяснена Энгельсом в статье «Бруно Бауэр и раннее христианство». Христианство выдвинуло представление о всеобщей греховности, и этот мотив в тогдашних исторических условиях нашел живейший отклик. На бесчисленные жалобы по поводу невыносимости положения христианство отвечало: в испорченности мира виноваты сами люди, виноват каждый человек, виновата его испорченность, греховность, несовершенство.

Как указывает Энгельс, «общераспространенному чувству, что люди сами виноваты во всеобщей испорчен-

ности, христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека». Характерное для христианства представление о равенстве связано прежде всего с сознанием всеобщей греховности людей. «Ни один человек не мог отказаться от признания за собою части вины в общем несчастье, и признание это стало предпосылкой духовного спасения, которое в то время было провозглашено христианством»⁷.

Таким образом, христианское представление о равенстве носило по преимуществу отрицательный характер. В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс подчеркивает, что «в христианстве впервые было выражено *отрицательное равенство перед богом всех людей как грешников* и в более узком смысле равенство тех и других детей божиих, искупленных благодатью и кровью Христа. Как то, так и другое понимание вытекало из роли христианства, как религии рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных. С победой христианства этот момент отступил на задний план, наиболее важной стала прежде всего противоположность между верующими и язычниками, правоверными и еретиками»⁸.

Следы общности имуществ, встречающиеся в эпоху раннего христианства, были обычно связаны с аскетизмом; имущество не отбирали у богатых, его добровольно отдавали немногие из «прозревших». Отказом от имущества адепты новой религии выражали свое презрение ко всему земному, греховному, ненастоящему. Разрыв связей с земной суетной жизнью расценивался как приближение к царству божью. С другой стороны, аскетизм был суррогатом утешения для обездоленных, не видевших путей избавления от гнета в условиях тогдашней действительности.

2. Эпоха крестьянских войн

Средневековье, пришедшее на смену античной эпохе, надолго вытравило из общественного сознания, как указывает Энгельс, все представления о равенстве. Выра-

⁷ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. М а р к с и Ф. Энгельс. Сочинения. т. XV, стр. 609.

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 323—324.

стает сложная социальная пирамида, построенная на принципах иерархии, отличающихся большой консервативной силой. Христианство, ставшее государственной религией, служит важнейшим цементирующим элементом этой общественной иерархической пирамиды.

Вместе с тем эпоха средневековья создала в Западной и Центральной Европе, несмотря на всю феодальную раздробленность и разобщенность, «компактную культурную область, где впервые возникла система преимущественно национальных государств, которые друг на друга влияли и держали друг друга в страхе. Таким путем была подготовлена почва, на которой только и могла в позднейшее время возникнуть речь о человеческом равенстве, о правах человека»⁹.

Эпоха средневековья еще и в другом отношении подготовила появление требования равенства в его более развитой форме. Именно в недрах феодального общества развивался класс, которому в дальнейшем предстояло стать «носителем современного требования равенства»¹⁰. Этот класс — буржуазия.

Основанием феодальной пирамиды средневековья служили крестьянские массы. Вместе с развитием ремесленного производства, ростом городов, расширением обмена продуктов феодального производства вырос слой буржуазии. Все эти процессы неразрывно связаны с усилением эксплуатации крестьянских масс, с переходом к крепостничеству. Позднее средневековье ознаменовалось рядом волн крестьянского движения, прокатившихся по всей Европе. Апогеем этого движения были крестьянские войны эпохи Реформации.

В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс отмечает, что усиление городов и, в связи с этим, появление более или менее развитых элементов, с одной стороны, буржуазии и, с другой, — пролетариата, неизбежно должно было вызвать постепенное пробуждение требования равенства как условия развития буржуазных отношений.

Уже тогда пролетарии из политического равенства стали выводить равенство социальное. «Впервые это бы-

⁹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 98.

¹⁰ Там же.

ло резко выражено — конечно, в религиозной форме — в Крестьянской войне»¹¹.

В работе «Крестьянская война в Германии» Энгельс дает прекрасный анализ классовой борьбы в эпоху позднего средневековья, глубоко вскрывая корни движения и обнажая характер его основных направлений.

Реформаторски-бюргерскому направлению Мартина Лютера противостояло революционно-плебейское направление, нашедшее свое наиболее яркое воплощение в деятельности Томаса Мюнцера, этого «представителя зачатков пролетариата», как называет его Энгельс. Крестьянская война XVI в. была лишь заключительным звеном длинной цепи революционных и оппозиционных движений, проходящих через средние века; деятельность Мюнцера была заключительным этапом деятельности целой плеяды отчасти безвестных вожаков и руководителей крестьянских масс, восставших против феодализма. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹².

Сложный переплет классовых сил эпохи средневековья получил свое отражение в сложном характере движения, в сложном сцеплении борющихся сторон. Безраздельное господство религиозных форм духовной жизни определяло собой форму идеологии борющихся сторон. В отличие от последующей эпохи, когда город становится решающей силой и ведет за собой деревню, в эпоху крестьянских войн город играл еще подчиненную роль, шел на поводу у деревни, придатком которой он в то время являлся.

Энгельс в своей работе о крестьянской войне показывает, как в ходе классовой борьбы в эпоху позднего средневековья выступают в неразвитой форме, порой в зародышевом виде, те элементы борьбы, которые характеризуют собой уже последующую историческую эпоху. Он показывает, как через все позднее средневековье красной нитью проходит противоречие между бюргерски-

¹¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 324.

¹² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

реформаторской оппозицией феодализму, с одной стороны, и плебейски-крестьянской революционной струей — с другой.

Это противоречие уже с XII в. выражалось в соответствии с условиями и формами классовой борьбы той эпохи, в двух формах средневековой ереси. Бюргерская ересь выступала против попов, против церковного феодализма, требуя главным образом «дешевой церкви». Иной характер носила ересь, являвшаяся прямым выражением крестьянских и плебейских потребностей и почти всегда соединявшаяся с восстанием. Разделяя все требования бюргерской ереси по отношению к попам, папству и восстановлению раннехристианского церковного строя, она в то же время шла бесконечно дальше. Как указывает Энгельс, плебейски-крестьянская ересь требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира; из признания христианской религией равенства людей перед богом она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ. «Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»¹³.

Энгельс отмечает, что если в эпоху расцвета феодализма едва можно провести различие между этими двумя направлениями ереси, то уже в XIV и XV вв. наступает резкое разграничение, и плебейски-крестьянская ересь выступает совершенно самостоятельно наряду с бюргерской ересью. Так, в Англии рядом с реформистской проповедью Джона Уиклефа разворачивается деятельность Джона Болла, одного из руководителей восстания Уота Тэйлора в 1381 г. В Чехии рядом с умеренными каликстинцами выступают революционные табориты, рядом с Яном Гусом — Ян Жижка.

¹³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 362—363:

Примитивный крестьянский коммунизм, основанный на неопределенных представлениях о каком-то всеобщем равенстве, являлся характерным отличием революционно-плебейской струи в общественном движении средневековья. Специфический характер таких представлений о равенстве был обусловлен неразвитостью общественных отношений той эпохи. На более высоких ступенях исторического развития рецидивы крестьянско-коммунистического понимания равенства служат ярким свидетельством незрелости их носителей. Для своего же времени лозунг равенства в этом примитивном понимании сыграл крупную революционную роль в борьбе крестьян против феодального владычества.

Наиболее подходящим опорным моментом для проповеди равенства были в условиях средневековья хилиастические мечтания раннего христианства. Однако хилиастические представления довольно быстро принимали в устах крестьянских проповедников весьма земной характер. Делались даже попытки осуществить общность имущества; такая попытка была предпринята в период гуситских войн в Таборе, где она была обусловлена прежде всего потребностью войны. Джону Боллу приписывают следующее изречение, имевшее широкую популярность среди участников крестьянского восстания: «Когда Адам пахал и Ева пряла — где был дворянин наш тогда?».

Нетрудно заметить, что здесь в примитивной форме уже выражена мысль о естественном равенстве людей, гораздо позднее разработанная идеологами рвущейся к власти буржуазии. Однако представители крестьянского коммунизма шли в то же время значительно дальше позднейших буржуазных поборников равенства. Не ограничиваясь, подобно последним, формальным равенством, они требовали равенства экономического. Известное представление о характере их требований дает следующая речь Джона Болла, приводимая одним из современных ему летописцев:

«Добрые люди, положение дел в Англии плохо, и оно не сможет улучшиться до тех пор, пока не будет введена общность имуществ, не будет уничтожено деление на крепостных и господ и не наступит всеобщее равенство. По какому праву люди, называющие себя господами,

пользуются преимуществами? Чем они заслужили это? Почему держат они нас в порабощении? Если все мы происходим от одного отца и одной матери — от Адама и Евы, как могут они утверждать или доказывать, что у них больше прав, чем у нас? Или их право в том, чтобы истреблять все, что мы производим и над чем трудимся? Они наряжаются в бархат, пурпур и меха, в то время как мы носим грубую холстину. У них вино, пряности и хороший хлеб, тогда как мы питаемся ржаным хлебом, отрубями, соломой и водой. Они живут в замках, в то время как на нашу долю выпал тяжелый труд и мучения, и мы не укрыты от дождя. И все же источником их роскошной жизни служит наш труд. Они считают нас своими холопами и наказывают нас, когда мы не выполняем их приказаний».

В крестьянских движениях позднего средневековья требование равенства было наиболее боевым лозунгом, увлекавшим крестьянские массы на решительную борьбу. В требовании равенства находили свое наиболее обобщенное выражение те чувства, которые волновали угнетенные массы крестьянства. Протест против невыносимых условий жизни, жгучая ненависть к угнетателям, стремление сокрушить до основания иерархическую пирамиду феодального общества, всей своей тяжестью давившую крестьянство, — все воплощалось в неопределенном, но весьма решительном требовании равенства.

Своим острием это требование было обращено против господствующих классов. Для угнетенной же массы оно служило мобилизующим лозунгом и заменяло собой подчас всякую более конкретную и разработанную программу, для которой отсутствовали предпосылки в условиях тогдашней эпохи.

Энгельс в «Анти-Дюринге» указывает, что в эпоху крестьянских войн требование равенства в устах зарождавшихся тогда пролетарских элементов имело глубоко революционное значение; он, однако, подчеркивает историческую ограниченность этого требования. Оно явилось «стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными, обжорами и голодающими; в этой своей форме оно является простым выраже-

нием революционного инстинкта и в этом, только в этом, находит свое оправдание»¹⁴.

Но реальным содержанием пролетарского требования равенства может быть лишь уничтожение классов. Между тем историческая обстановка эпохи крестьянских войн исключала всякую возможность осуществления такой задачи; для ее разрешения нужны были несравненно более развитые условия и предпосылки. Отсюда глубокая противоречивость лозунга равенства в эпоху крестьянских войн, отсюда его неопределенная, расплывчатая форма.

Для средневековых движений с уравниТЕЛЬскими тенденциями и религиозной окраской в той или иной мере характерен аскетизм. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» дает замечательную характеристику двух видов аскетизма: плебейского и буржуазного. Обрисовывая ту роль, которую аскетические тенденции играют у колыхали пролетарского движения, он пишет:

«Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет. Этот *плебейский и пролетарский аскетизм* как по своей неистово-фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индепендентов и других более радикальных сект) и весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости*. Впрочем, само собою разумеется, что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет

¹⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 100.

свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ними и сам пролетариат. Тогда массы постепенно освобождаются от аскетизма, а у цепляющихся за него сектантов он вырождается либо непосредственно в буржуазную скарედность, либо в ходульную добродетель, которая на практике также сводится к мещанскому или ремесленническому скряжничеству. Масса пролетариата менее всего нуждается в проповеди отречения от земных благ, хотя бы уже потому, что у нее не осталось почти ничего, от чего бы она могла еще отречься»¹⁵.

При господстве буржуазии пролетарским массам глубоко чужды аскетические стремления, поскольку капиталистический строй обрекает их на весьма ощутимый принудительный аскетизм. А после свержения ига капитала, при построении социализма, пролетариат также несколько не нуждается в аскетизме, ибо его цель — создание такого строя, который открывает возможность наиболее широкого удовлетворения потребностей людей, наиболее полного развития человеческих способностей и стремлений.

В деятельности Томаса Мюнцера крестьянская революция эпохи средневековья достигла своей высшей точки. Его деятельность, его программа представляли собой уже в сущности прорыв в будущее, разрыв исторически ограниченных рамок той эпохи. Энгельс отмечает, что Мюнцер в качестве представителя зачатков пролетариата — класса, стоявшего вне существовавшего тогда официального общественного союза, — дошел до предчувствия коммунизма¹⁶.

Поэтому Энгельс с большим чувством описывает Мюнцера как прототип революционного вождя, противопоставляя его не только современным ему колеблющимся реформистским политикам типа Лютера, но и неспособным к революционным действиям представителям буржу-

¹⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 377—378.

¹⁶ См.: там же, стр. 413.

азной демократии эпохи революции 1848 г. Отмечая, что программа Мюнцера была очень близка к коммунизму, Энгельс с едкой иронией указывает, что «даже накануне февральской революции многие современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали „мюнцерцы“ в XVI веке»¹⁷. В этом заключалось не только свидетельство того, что Мюнцер стоял значительно выше современных ему исторических условий, но и показатель идеологической незрелости тех домарксистских рабочих организаций 40-х годов, которые здесь имеет в виду Энгельс.

Характеризуя программу Мюнцера, Энгельс указывает, что эта программа представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва зарождавшихся тогда среди этих плебеев пролетарских элементов. Программа Мюнцера требовала немедленного установления царства божия, предсказанного пророками тысячелетнего царства на земле, путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех установлений, находящихся в противоречии с этой якобы первобытно-христианской, а на самом деле весьма новой церковью. Под царством божьим Мюнцер понимал такой общественный строй, в котором уже нет ни классовых различий, ни частной собственности, ни независимой от членов общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низвергнуты; все промыслы и имущества должны стать общими, должно быть проведено самое полное равенство¹⁸.

Энгельс отмечает наличие у Мюнцера ясного представления о том, что для осуществления этих требований необходима, во-первых, организация и, во-вторых, решительная борьба, которая на насилие отвечает насилием. Как видим, и в этом отношении Мюнцер стоял выше многих апостолов стихийности и утопистов постепеновщины в рабочем движении, отражающих на известных этапах развития пролетариата влияние отсталых мелкобуржуазных слоев.

¹⁷ См.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 371.

¹⁸ Там же.

Мюнцер доводит до логического конца все требования, выдвинутые в процессе развития крестьянско-плебейского движения. Плебейская революция выдвигает впервые на рубеже XVI в. требование секуляризации церковных имуществ; Мюнцер превращает это требование раздела церковных имений в требование их конфискации с целью установления общности имуществ. Плебейское движение выставляет требование единой и неделимой германской империи; Мюнцер превращает это в требование единой и неделимой республики.

Мюнцер являл собою трагедию революционного вождя, стоявшего неизмеримо выше тех реальных исторических условий, в которых ему приходилось действовать. Мюнцер гениально предвосхитил условия освобождения пролетариата — класса, который едва лишь зарождался в общей массе плебейских элементов.

«Мюнцер сам, по-видимому, чувствовал, — пишет Энгельс, — глубокую пропасть, отделявшую его теории от непосредственно окружающей его действительности, пропасть, которая тем меньше могла остаться им незамеченной, чем больше искажались его гениальные воззрения в неразвитых головах массы его приверженцев»¹⁹.

Общественные отношения, в обстановке которых пришлось вести борьбу Мюнцеру, были еще совершенно неразвиты и незрелы для осуществления его программы. Крестьянская революция подрывает устой феодально-крепостнического строя, но она не в силах искоренить классовую эксплуатацию. Расшатывая основы изжившего себя феодализма, крестьянские восстания готовят почву для победы новой системы эксплуатации, которая по своему размаху, охвату, распространению и коренному революционизирующему действию на все стороны общественной жизни оставляет далеко позади все предшествующие исторические формы классового господства. Лишь этот новый строй — капитализм — подготавливает условия для уничтожения всякой эксплуатации и выковывает тот класс, который становится могильщиком не только капитализма, но вместе с тем и всех форм классового общества.

¹⁹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 424.

Существовало, стало быть, глубокое противоречие между программой и условиями деятельности вождей крестьянского движения эпохи Реформации. Энгельс отмечает, что стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью; первая же попытка осуществить это стремление на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые одни только и были возможны в условиях того времени.

И Энгельс показывает, что эти узкие рамки практически осуществимого в обстановке тогдашней исторической эпохи обусловили коренное изменение программных требований при первом же их столкновении с реальной действительностью. Борьба против частной собственности, требование общности имущества могло воплотиться на практике лишь в мизерной форме благотворительности. Требование равенства, примыкавшее к традициям раннего христианства, могло вылиться в конце концов лишь в форму гражданского равенства перед законом. «Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»²⁰.

Это замечание Энгельса бросает яркий свет на весь характер плебейски-крестьянского революционного движения эпохи Реформации. Оно является также ключом к пониманию действительной роли и значения тех требований равенства, которые красной нитью проходят через ряд этапов крестьянской революции.

Требования равенства в эпоху позднего средневековья представляют собой, с одной стороны, «предвосхищение коммунизма фантазией», «гениальное предвосхищение условий освобождения» пролетариата, — и в этом заключается их крупнейшее историческое значение провозвестников позднейшей классовой борьбы пролетариата. Но это лишь одна сторона дела. Вторая сторона заключается в том, что, вследствие незрелости общественных условий, а потому и невозможности осуществления «крестьянского коммунизма», в реальной действительности он на деле становится предтечей и своеобразным провозвестником

²⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 364.

вызревающих в недрах феодализма элементов нового капиталистического способа производства и соответствующих ему общественных отношений. Эта вторая сторона дела характеризует исторически ограниченный характер «крестьянского коммунизма».

Именно эта вторая сторона дела объясняет нам, почему идеология грубого, примитивного крестьянского уравнительного коммунизма, неизбежно возрождаясь при первых, еще не осознанных, шагах пролетариата, играет глубоко реакционную роль на протяжении дальнейших шагов класса-титана, призванного обновить мир. С развитием сознательного классового движения пролетариата грубый уравнилельный коммунизм становится каналом мелкобуржуазного влияния на пролетариат. Питательной почвой для этих построений грубой уравнилельности являются отсталые слои рабочих, тысячами нитей связанные с разоряющимися массами крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Диалектика истории такова, что, будучи, с одной стороны, так сказать, теоретическим предвосхищением коммунизма, представление о равенстве эпохи крестьянских войн, с другой стороны, в ходе реального исторического развития играет роль одной из форм вызревания буржуазных отношений. В условиях же подготовки и осуществления социалистической революции пролетариата пережитки крестьянски-уравнилельного понимания социализма являются помехой для рабочего движения, служа излюбленным прикрытием и маской для противников социализма.

3. Возникновение буржуазного представления о равенстве

Развитие капиталистических отношений и буржуазная революция знаменуют собой новую историческую ступень в развитии представлений о равенстве. На сцену выступает буржуазное требование равенства. Исторические корни и реальное содержание буржуазного требования равенства в общих чертах обрисованы Энгельсом в «Анти-Дюринге». В целом ряде своих других работ Маркс, Энгельс и Ленин дают исчерпывающую характеристику буржуазного представления о равенстве, разоблачая из-

любленный прием буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, заключающийся в том, чтобы смазать классовый характер этого представления, изображая его как «общечеловеческое».

Условия, в которых появляется и приобретает силу буржуазное требование равенства, таковы. Развитие обмена расшатывает натуральные устои феодального производства, вызывая к жизни растущий класс — буржуазию. Разложение крепостнического хозяйства освобождает элементы нового способа производства, а развитие заморской торговли, великие открытия конца XV в., колониальные грабежи и ряд других форм первоначального накопления ускоряют процесс возникновения этого способа производства. Старая политическая структура, основанная на сословном строе, на феодальных и цеховых привилегиях, на крепостном праве или иных формах личной зависимости, приходит в противоречие с требованиями нового способа производства.

Развитая торговля, в особенности международная, предполагает наличие свободных, не стесненных формальными узами контрагентов, равноправных в качестве владельцев своих товаров и осуществляющих обмен на основании равного для них права, признающего их неограниченными частными собственниками принадлежащих им товаров. Переход от ремесла к мануфактуре — этой первой форме капиталистического крупного производства — требует наличия рабочих, свободных от традиционных форм личной зависимости и вступающих с капиталистами в сделку насчет продажи своей рабочей силы в качестве формально равноправных контрагентов. Таким образом, цеховые пути и феодальные привилегии становятся препятствием для развития экономических отношений нового способа производства. Это противоречие порождает буржуазное требование равенства и обуславливает его специфический характер, определяет его конкретное содержание.

Энгельс указывает, что требование освобождения от феодальных пут и установления правового равенства путем устранения феодальных неравенств было поставлено в порядок дня экономическим прогрессом. Но вскоре оно неизбежно должно было принять более широкий характер. Это требование было выдвинуто в интересах

промышленности и торговли, но того же равноправия приходилось требовать для огромной массы крестьян. Крестьяне находились в полном порабощении, вплоть до крепостного состояния, и были вынуждены отдавать безвозмездно феодальным сеньорам значительную часть своего рабочего времени; сверх того, крестьяне вносили бесчисленные оброки в пользу феодалов и государства. В то же время должно было возникнуть требование об уничтожении феодальных преимуществ, об отмене свободы дворянства от налогов и политических привилегий отдельных сословий. «А так как дело происходило уже не в мировой империи, какой была Римская империя, а в системе независимых государств, которые вступали в сношения друг с другом как равные, находясь приблизительно на одинаковой ступени буржуазного развития, то естественно, что требование равенства приняло всеобщий, выходящий за пределы отдельного государства характер, что свобода и равенство были провозглашены *правами человека*»²¹.

Идеологи идущей к власти буржуазии объявляют свободу и равенство естественными и неотъемлемыми правами человека. Рационалистической философии французских просветителей совершенно чуждо понимание исторической обусловленности самого этого требования и его конкретного содержания. Напротив, свобода и равенство рассматриваются как вечные, непреходящие истины.

Расчистка путей для капиталистического способа производства прикрывается идеологией «возврата к природе». Устранение отживших свой век феодальных отношений и пут проповедуется в форме установления «господства разума». Смена одной формы классового господства другой прикрывается проповедью уничтожения всех «искусственных извращений» правил человеческого общежития, всех заблуждений и уклонений от «человеческой природы» и торжества «вечных истин».

Требование равенства выступает не как выражение задач создания условий для новой системы эксплуатации, а как требование возврата к поруганной «природе человека», устранения противоречащих этой природе законов и восстановления в правах «вечной справедливости». Здесь целиком подтверждается указание Маркса, который под-

²¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 99—100.

черкивал необходимость отличать материальный переворот в экономических условиях производства от тех идеологических форм, в которых люди сознают этот переворот и ведут с ним борьбу²².

Нельзя выводить действительный характер буржуазной революции из идеологии той эпохи, а напротив, само это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни. Лишь таким путем удастся за «вечными истинами», «неотъемлемыми правами» и «человеческой природой» французских просветителей раскрыть реальное классовое содержание этих идеологических форм.

С другой стороны, особенный характер самих этих идеологических форм служит причиной того, что они накладывают свой отпечаток на учения более позднего времени: известно, например, влияние просветительской философии эпохи подготовки классической буржуазной революции во Франции на представителей утопического социализма, выступавших уже после прихода буржуазии к кормилу правления. Материалистическое же крыло просветительской философии, несмотря на его непоследовательность и односторонность, сыграло роль предтечи исторического материализма Маркса и Энгельса — этого могучего идеологического оружия борющегося пролетариата.

Наибольший интерес представляет рассмотрение вопроса о равенстве у Ж. Ж. Руссо — идейного представителя радикальных элементов третьего сословия. «Буржуазная сторона требования равенства, — отмечает Энгельс, — была резко, — но еще в виде общечеловеческого требования, — впервые формулирована Руссо. Как и при всех требованиях буржуазии, пролетариат и в данном случае как роковая тень следует за буржуазией и делает свои выводы (Бабеф)»²³.

«Человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах» — этой фразой начинается первая глава «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо. Объяснение этого противоречия у Руссо состоит, как известно, в том, что «пока люди довольствовались сельскими хижинами, шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных

²² См.: К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1952, стр. 7—8.

²³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 324

колючек или рыбьих костей, украшали себя перьями или раковинами..., они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми» ²⁴...

Таким образом, свобода и равенство не нарушались, пока люди были близки к природе, пока не возникла цивилизация.

«Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд, и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых скоро взошли и расцвели, вместе с посевами, рабство и нищета» ²⁵.

Руссо связывает этот переворот с возникновением двух занятий, знаменовавших собой переход к ступени цивилизации: хлебопашества и умения добывать металлы. Именно железо и хлеб цивилизовали людей и погубили род человеческий. «При таком положении вещей равенство могло бы сохраниться, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями и если бы, например, расходование железа всегда находилось в полном равновесии с потреблением хлеба» ²⁶.

Однако природа не обеспечила, с одной стороны, полного естественного равенства людей: люди по своим природным данным различны, обладают неодинаковой силой, дарованиями и т. д. С другой стороны, природа не создала также предустановленной гармонии между производством хлеба и железа.

Поэтому «равномерность, ничем не поддерживаемая, скоро была нарушена. Более сильный работал успешнее, более ловкий извлекал большую выгоду из своего труда, более изобретательный находил средство сократить свой труд; земледелец мог больше нуждаться в железе, чем кузнец в хлебе, и наоборот, и при одинаковой затрате труда один получал большой доход, тогда как другой еле-еле перебивался. Таким образом естественное неравенство возрастало вместе с неравенством в условиях жизни,

²⁴ Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства. СПб, 1907, стр. 78.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 81.

и различия между людьми, увеличившись благодаря различию внешних обстоятельств, стали более ощутительными, сильнее сказывались в последствиях и начали в той же мере влиять на судьбу отдельных лиц²⁷.

Нельзя считать Руссо сторонником физического равенства людей: это значило бы низводить его в ранг идеолога типа Дюринга. Свобода и равенство господствовали, по мнению Руссо, пока люди были близки к природе. Восстановление этих естественных прав человека, погрязших дальнейшим развитием общества, является основной задачей «общественного договора».

Первую книгу своего «Общественного договора» Руссо заключает следующим замечанием: «Я окончу эту главу и эту книгу замечанием, которое должно служить основанием для всей социальной системы. Именно, основной договор вовсе не уничтожает природное неравенство: наоборот, он заменяет моральным и закономерным равенством физическое неравенство людей, созданное природой; будучи неравны по силе и уму, они становятся равными по договору и по праву»²⁸.

При всем своем ограниченном рационалистическом методе Руссо, как наиболее далеко идущий в своих выводах представитель просветительской литературы, вплотную подходит к глубоким основам целого ряда проблем, в том числе и вопроса о равенстве. Мы видели, как он объясняет происхождение неравенства: он связывает его с переходом к цивилизации, с необходимостью трудиться, с возникновением неравенства в отношении людей к труду и к результатам этого труда. Отсюда проистекает «неравенство в жизненных условиях».

В извращенной, идеалистической форме Руссо ставит вопрос о социальном равенстве и о причинах, его нарушающих. Не ограничиваясь формально-правовой стороной дела, он при этом наталкивается на те реальные отношения, которые обуславливают неравенство в человеческом обществе. Не будучи в состоянии вскрыть основы этих отношений и формы их развития, Руссо по крайней мере констатирует фактическую сторону дела, говоря о неравенстве между богатыми и бедными.

²⁷ Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства, стр. 81.

²⁸ Ж. Ж. Руссо. Общественный договор. СПб., 1906, стр. 41.

Высшее благо, по словам Руссо, заключается в свободе и равенстве, причем последнее он выделяет особо по той причине, что «свобода не могла бы существовать без него». Руссо пишет:

«Что касается равенства, не следует понимать под этим словом, чтобы степени могущества и богатства были абсолютно одинаковыми, но, что касается могущества, чтобы оно не превращалось в насилие и проявлялось только в силу достоинства и законов; и чтобы, что касается богатства, ни один гражданин не был достаточно зажиточным, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один достаточно бедным, чтобы быть вынужденным продать себя».

К этому месту он делает следующее примечание:

«Если вы хотите, чтобы государство получило устойчивость, сблизьте между собою крайние ступени, поскольку это возможно; не терпите ни богачей, ни нищих. То и другое, естественно, нераздельно и одинаково губительно для общего блага. Из одного рождаются сторонники тирании, из другого — тираны. Торговля политической свободой идет всегда между богачами и нищими; один продает, другой покупает»²⁹.

В другом месте Руссо отмечает, что без равенства в положении и богатствах «не может долго существовать равенство в правах и власти»³⁰.

Таким образом, Руссо довольно близко подходит к пониманию недостаточности формально-юридического равенства при сохранении экономического неравенства. Более того, у него проскальзывают и указания на то, что экономическое неравенство способно подорвать устои равенства и в других отношениях — в правах и власти. Именно поэтому воззрения Руссо вдохновляли не только представителей крайнего мелкобуржуазного революционаризма — деятелей Горы в период террора, но и служили основой взглядов Бабефа и его группы, которая во время французской революции выступала представителем зарождавшегося пролетариата.

С другой стороны, на дальнейших этапах уже зрелого рабочего движения рационалистическая концепция Рус-

²⁹ Ж. Ж. Руссо. Общественный договор, стр. 81.

³⁰ Там же, стр. 102—103.

со, и в частности его воззрения по вопросу о равенстве, служат излюбленным арсеналом теоретического вооружения для представителей мелкобуржуазного утопизма, отражающих отчаяние гибнущей мелкой буржуазии или неясные стремления отсталых слоев пролетариата. В «Критике Готской программы» Маркс отмечает по поводу некоторых абстрактных разглагольствований этой программы, что с таким же успехом можно было переписать всего Руссо.

Французские просветители XVIII в., деятельность которых явилась идеологической подготовкой французской буржуазной революции конца XVIII в., выступали весьма решительно и революционно. Они подвергали беспощадной критике не только современное им положение, но и все прошлое человеческого общества. Они ставили перед судом разума различные стороны общественной жизни и осуждали на исчезновение все то, что находили неразумным. Они проповедовали и предрекали наступление царства свободы и равенства, царства неотъемлемых прав человека и торжества вечной справедливости и вечной истины.

Однако эти мыслители, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила эпоха. Осуществление их идей буржуазной революцией коренным образом отличалось от нарисованных ими картин. Теориям идеологов шедшей в гору буржуазии предстояло жестокое испытание на практике. «Разумное государство», — «общественный договор» Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой³¹. Царство разума обернулось на деле «идеализированным царством буржуазии», вечные истины и вечная справедливость — классовым господством буржуазии.

Уже в первом законодательном оформлении буржуазного господства идеи французского просвещения выглядят существенно иначе, чем в смелых памфлетах Руссо. «Декларация прав человека и гражданина», принятая Учредительным собранием в 1789 г., в своем первом же пункте торжественно объявляет: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Однако тут же

³¹ См.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 17.

декларация весьма предусмотрительно добавляет: «Социальные различия могут быть основаны только на общей пользе».

А в перечне естественных и неотъемлемых прав человека наряду со свободой почетное место занимает собственность. Та самая собственность, которая в условиях буржуазного способа производства является юридическим выражением монополии класса капиталистов на средства производства, — монополии, составляющей основу ранее небывалого социального неравенства между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Приход буржуазии к власти обнаружил реальное содержание буржуазного требования равенства. Равенство ограничилось равенством граждан перед законом. Буржуазное представление о равенстве было расшифровано как обманчивая иллюзия формального равенства голодного безработного и сытого буржуа, нищего пролетария и владельца средств производства, бездомного и домовладельца, разорившегося крестьянина и ремесленника и разоривших их кулака и фабриканта, эксплуатируемого и эксплуататора.

Формальное, юридическое равенство перед законом при условии ранее небывалого углубления пропасти между классами — таким обернулось на практике равенство в буржуазном понимании. Иллюзия политического равенства в условиях гигантского роста и обострения классовых противоречий оказалась не чем иным, как опаснейшим средством обмана трудящихся и эксплуатируемых масс, средством удержания их от революционной борьбы; иллюзия политического равенства стала одной из наиболее опасных форм маскировки классовой диктатуры буржуазии.

4. Возникновение пролетарского представления о равенстве

Как указывает Энгельс, за буржуазией, вслед за тем как она высвобождается из плена феодального общества, превращаясь из средневекового сословия в современный класс, начинает повсюду и неизбежно следовать ее тень — пролетариат. Параллельно с этим за буржуазными требованиями равенства начинают следовать пролетарские

требования равенства. «С того момента, как было выдвинуто буржуазное требование уничтожения классовых *привилегий*, рядом с ним выступает и пролетарское требование уничтожения *самых классов...*»³².

Энгельс указывает, что пролетарии ловят буржуазию на слове. Если уж говорить о равенстве, то оно не должно быть иллюзорным. Оно не должно исчерпываться фикцией юридического и политического равенства, а должно быть реально осуществлено и в области экономической, в виде уничтожения основ экономического неравенства, экономических привилегий на одной стороне и экономического порабощения на другой, т. е. в виде уничтожения самых основ существования классов.

Пролетарское требование равенства в смысле уничтожения классов является естественным следствием того положения, которое пролетариат занимает в капиталистическом обществе. Как только в рабочем классе пробуждаются первые зачатки классового сознания, у него возникает это требование, вначале в довольно расплывчатой, неопределенной форме. Когда основоположники марксизма выковали мощное оружие пролетарской борьбы — теорию научного коммунизма, прежнее расплывчатое требование равенства превратилось в четкую и ясную цель: уничтожение классового господства и самих классов, построение бесклассового коммунистического общества.

Для пошляков современного социал-реформизма происхождение и характер пролетарского требования равенства остается книгой за семью печатями. Так, один из «философов» II Интернационала в период между двумя мировыми войнами, Генрик Де-Ман, договорился до того, что требование равенства является у рабочего класса следствием... чувства неполноценности.

Заменив Маркса Фрейдом, социал-реформистский «теоретик» стал усердно приписывать рабочему классу все характерные психологические черты мелкой буржуазии, того слоя, представителем которого де-маны на деле и являются. «Средний рабочий», дескать, из-за всех сил «тянется» к высшим классам, которые ему

³² Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг, стр. 100.

представляются примером, заслуживающим всяческого подражания³³.

В этом «среднем рабочем» Де-Мана нетрудно узнать собирательный портрет той верхушки пролетариата, которая оторвалась от рабочих масс и по своему положению стала типичной мелкобуржуазной прослойкой, составляющей основные кадры социал-реформизму.

Энгельс указывает, что с тех пор как французская буржуазия в эпоху классической буржуазной революции конца XVIII в. выдвинула на первый план лозунг гражданского равенства, французский пролетариат, отвечая ей ударом на удар, выступил с требованием социального, экономического равенства. Буржуазия не может существовать без класса наемных рабочих. По мере того как защиточные слои средневекового бюргерства, верхушка третьего сословия, превращаются в буржуазию, из трудящихся слоев общества выделяется пролетариат.

Поэтому, как указывает Энгельс, в каждой буржуазной революции имели место самостоятельные движения тех элементов, которые являлись предшественниками пролетариата. И характерно, что в этих движениях предшественников современного рабочего класса огромную роль играет требование равенства.

В лозунге равенства трудящиеся массы выражают свои чаяния лучшей жизни, которые они еще не в состоянии из-за неразвитости общественных отношений выразить в более четкой и определенной форме. Такой характер носила плебейская струя движения в эпоху Реформации. Таким же характером отличались два крупных движения, сопутствовавшие буржуазным революциям в Англии (левеллеры) и во Франции (заговор Бабефа).

Движение левеллеров в эпоху английской революции середины XVII в. обнаруживает ряд черт сходства с движениями уравнительного коммунизма в эпоху Реформации. Левеллеры не удовлетворялись сменой политической формы правления и уничтожением феодальных пут. Они выдвигали требование экономического равенства.

Это требование своим острием было направлено прежде всего против земельной собственности. В обстановке

³³ H. De-Man. Zur Psychologie des Sozialismus. Jena, 1926, S. 205 ff.

бурного проведения ряда мер, характерных для первоначального накопления, в эпоху «огораживания» и экспроприации земли у крестьянского населения, предметом вождения революционных масс была, естественно, прежде всего земля. Основным требованием было равенство в смысле равного права на обработку земли.

Крайнее направление левеллеров — диггеры (копатели) — применяли своего рода «метод прямого действия»: они брали кирку и лопату, занимали лежащие втуне земельные участки, принадлежавшие крупным земельным собственникам, и приступали к их обработке; отсюда произошло и их название. В движении левеллеров, как и в более ранних движениях эпохи Реформации, уравнивательные тенденции были окрашены в религиозные тона. Виднейший идеолог движения Уинстенлей в своих сочинениях дает описание идеального строя, основанного на равенстве; это описание проникнуто религиозным духом.

Энгельс указывает, что пролетарское требование равенства, являющееся по самому своему существу требованием уничтожения классов, возникает сперва в религиозной форме, примыкая к идеологии первоначального христианства, а затем оно развивается на основе самих буржуазных теорий равенства. Если движение левеллеров еще должно быть отнесено к уравнивательским движениям с религиозной окраской, то движение Бабефа, известное под названием «заговора равных», характерно как раз тем, что здесь зарождающееся пролетарское требование равенства выросло на идеологической почве самих буржуазных теорий равенства.

В заговоре, организованном Бабефом в годы Директории, сочетались две струи. С одной стороны, в нем принимали участие разбитые термидорианской реакцией якобинские элементы, стремлением которых было возвращение времен мелкобуржуазной якобинской диктатуры. Но в то же время в этом движении участвовали элементы зарождающегося пролетариата, для которых возвращение к конституции 1793 г. и установление революционной диктатуры было лишь ближайшей задачей, в качестве же основной цели рисовалась отмена частной собственности и установление равенства.

О целях бабуизма дает известное представление «содержание доктрины Бабефа», приведенное в качестве

приложения в книге соратника Бабефа — Буонаротти. Вот первые десять пунктов этой программы:

«1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами. 2. Цель общества — защищать это равенство, подвергающееся в естественном состоянии нападению сильных и злых, а также при всеобщем содействии увеличивать общее благосостояние. 3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться. Никто не может уклониться от труда, не совершая тем самым преступления. 4. Труд и потребление должны быть общими для всех. 5. Угнетение имеет место, когда один надрывается над работой и во всем нуждается, в то время как другой, ничего не делая, утопает в роскоши. 6. Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность себе, не совершая тем самым преступления. 7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных. 8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа. 9. Никто не имеет права путем накопления всех материальных средств лишать других просвещения, необходимого для их счастья; образование должно быть общим. 10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье»³⁴.

Движение Бабефа носило характер тайного заговора, в который было вовлечено несколько тысяч человек, принимавших в нем то или иное участие. Выставляя коммунистически окрашенную программу, этот заговор не мог победить на заре самостоятельного рабочего движения. Однако бабувизм представлял собой значительный шаг вперед как по отношению к предшествовавшим движениям трудящихся низов, так и по отношению ко всей предыдущей утопически-социалистической литературе. В программе Бабефа продолжение традиций просветительской литературы сочетается с требованиями социалистического характера, сформулированными, правда, весьма расплывчато и общо. Программа Бабефа знаменует поэтому один из ранних этапов развития пролетарского требования равенства в противовес буржуазному толкованию равенства.

³⁴ П. Буонаротти. Гракх Бабеф. П., 1923, стр. 182—183.

Таким образом, пролетарское требование равенства, реальным содержанием которого является уничтожение классов, не падает с неба в законченном и готовом виде. Оно появляется вначале в виде неопределенной реакции на ограниченное буржуазное представление о равенстве, которое при своем практическом осуществлении не удовлетворяет интересов и чаяний трудящихся и эксплуатируемых масс.

Но на первых порах оно неизбежно носит на себе печать идейной зависимости от своего антипода — буржуазного понимания равенства. Рационализм, представление о равенстве как о естественном и неотъемлемом праве и вечной истине, утопические представления относительно путей и методов осуществления этого равенства, расплывчатое представление о самом содержании этого лозунга — вот что, наряду с известной склонностью к аскетизму, характеризует первых поборников равенства из среды предшественников современного пролетариата.

Само собой разумеется, что от этого утопического представления о царстве всеобщей справедливости до открытия путей борьбы пролетариата за бесклассовое коммунистическое общество — длинный и нелегкий путь. Пролетарское понимание равенства в смысле уничтожения классов было разработано основоположниками научного коммунизма в решительной борьбе против буржуазной идеологии, в процессе преодоления всевозможных утопически-социалистических систем, которые основывались на расплывчатом и неопределенном представлении о «равенстве вообще».

5. Установление господства буржуазии и лозунг «равенства вообще»

Достигнув власти, буржуазия перестраивает свою идеологию. Теперь она не столько оглядывается назад, в сторону вчерашних господ положения — феодалов, сколько смотрит вперед, в сторону грозно обрисовывающейся на горизонте опасности со стороны «четвертого сословия» — пролетариата.

Став господствующим классом, буржуазия получает отвращение ко всему, что пахнет революцией. Боевое знамя естественного права сдается в архив. Кумиром

почившего на лаврах третьего сословия становится Бентам. Наступает час для пошлейших проповедников гармонии классовых интересов.

Утилитаризм Бентама любопытен в том отношении, что он совершенно открыто и недвусмысленно требует ограничения равенства. Благо общества есть не что иное, как сумма благополучия индивидов. «Организация общества такова, что каждый из нас, работая над своим личным счастьем, работает для общего счастья»³⁵.

Каждый преследует свою собственную пользу, руководствуясь бентамовской «моральной арифметикой», насчитывающей 15 видов «удовольствий» и 11 видов «страданий». Из «свободной игры сил», основанной на разумном эгоизме, и рождается в конечном счете благо общества.

«Принцип аскетизма, — писал Бентам, — находится в смертельной вражде с принципом пользы»³⁶. Все к лучшему в этом лучшем из миров — проповедуют представители буржуазии тем настойчивее, чем ярче выступают противоречия капиталистического строя. В этих условиях буржуазии приходится уже делать существенные оговорки по отношению к лозунгу равенства.

«Если обеспеченность и равенство, — утверждал Бентам, — приходят в столкновение друг с другом, то не должно быть места колебанию: равенство должно уступить место. Установление равенства есть химера. Единственное, к чему можно стремиться, это — к уменьшению неравенства»³⁷.

То, что на предыдущем этапе объявлялось естественным и неотъемлемым правом человека, вечной истиной, теперь оказывается химерой. Безоговорочный призыв к равенству становится опасным для буржуазии; гораздо спокойнее туманная фраза насчет «уменьшения неравенства».

Подходя к зениту своего исторического пути, класс капиталистических рыцарей наживы становится все более реакционным. Забыты революционные «увлечения молодости». Забота о сохранении классового господства выступает на первый план. Как бы спастись от подземных

³⁵ И. Бентам. Библиотека экономистов. М., 1896, стр. 41—42.

³⁶ Там же, стр. 14.

³⁷ Там же.

сил революции, вырывающихся то здесь, то там, — вот в чем вопрос.

И буржуазия вытаскивает из исторических музеев на свет божий басню, которой во время оно римский проконсул Менений Агриппа склонял к повиновению возмущившихся плебеев. Подобно тому как у человека руки созданы для работы, голова — для мышления, а желудок — для переваривания пищи, точно так же разумно устроено и человеческое общество. В нем одни классы должны трудиться (это «руки» общества), другие же самой природой предназначены для управления «руками» и для потребления плодов чужого труда³⁸.

Органическая теория общества, которая с середины прошлого века становится официальным социальным вероучением капитализма, в сущности не что иное как пересказ этой басни. От Жан-Жака Руссо до Герберта Спенсера — таков путь, пройденный буржуазной идеологией от естественного права до органической теории общества.

Но какое может быть «равенство» между руками и головой? Какое может быть равенство между теми, кто призван управлять, и теми, кто по самой природе вещей должен лишь беспрекословно повиноваться?

Между тем «руки» все более ясно дают понять, что они обладают собственным сознанием. Основоположники марксизма выковали несокрушимое оружие борьбы рабочего класса. Марксизм выработал четкое пролетарское понимание равенства. С тех пор дела и дни буржуазных идеологов определяются их основным социальным заказом — задачей «уничтожения» марксизма, искоренения пролетарского социализма.

Знамена буржуазной демократии уже обогреты рабочей кровью, пролитой на баррикадах 1848 г. Парижская Коммуна явилась прототипом нового государства, в котором власть принадлежит трудящимся. Лозунги

³⁸ Показательно, что всякая система социального неравенства порождает подобные представления. Самой окостеневшей формой общественного неравенства по праву считается кастовый строй в Индии, который начал складываться около 4 тыс. лет назад. В древности индийское общество делилось на четыре категории людей — варны. Это были: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудра. Легенда гласит, что первый брахман вышел из головы всевышнего; руки бога дали жизнь кшатриям; из живота его вышли вайшьи, а из ног — шудра.

буржуазной демократии обращаются против учения рабочего класса. Но это уже не те боевые лозунги, которые раньше двигали массы на штурм старого общества. Это лозунги, уподобившиеся стертой от долгого употребления монете.

Если Руссо подчеркивал значение равенства как важнейшей гарантии свободы, то спустя несколько десятилетий представители господствующего класса стали охотно апеллировать к свободе против равенства. Требование равенства противоречит свободе — таков лейтмотив. Пролетариат расшифровывает требование равенства как уничтожение классов, уничтожение эксплуатации. Но это означает неслыханное нарушение свободы! — вопит буржуазия. Под свободой она понимает свободу эксплуатации чужой рабочей силы, свободу беспрепятственного выжимания прибавочной стоимости.

Исторический путь, пройденный буржуазным обществом, в особенности на высшей и последней стадии его развития — на стадии империализма, убедительно показывает, что свобода при капитализме не может быть ничем иным, как свободой эксплуатации для капиталистов, свободой голода и лишений для пролетариата, колониальным рабством для большинства населения земного шара.

Выступая под лозунгом свободы, буржуазная демократия на деле является демократией современных рабовладельцев. Подавляющее большинство населения капиталистических стран находится в экономической неволе, исключаяющей какие-либо проявления индивидуальной свободы. Буржуазная демократия покоится на лишении элементарных человеческих прав сотен миллионов людей в колониальных и зависимых странах, оказавшихся под ярмом горстки колониальных держав. С ростом и обострением противоречий капитализма все более обнажается классовая сущность буржуазной демократии как ширмы, которая скрывает всевластие магнатов капитала, держащих в своих руках все нити экономической и политической жизни.

Буржуазный строй создает и закрепляет самые разнообразные формы неравенства. Политические, экономические и гражданские права трудящихся масс урезаются и ущемляются посредством издания законов, направлен-

ных против рабочего движения, судебного и административного преследования демократических и прогрессивных организаций. Буржуазная демократия санкционирует неравноправное положение женской половины населения. Как правило, женщинам закрыт доступ на государственные и общественные должности и в более квалифицированные отрасли труда. Женский труд оплачивается значительно ниже по сравнению с трудом мужчины той же квалификации. Существуют всевозможные ограничения политических и гражданских прав женщин, издаются унижительные для них законы в области семейных отношений. Буржуазное государство узаконивает бесправие населения, не принадлежащего к господствующей нации, оно освящает различные формы национального гнета и позорной расовой дискриминации. Таким образом, равенство при капитализме неизбежно оказывается вопиющим неравенством между эксплуататорами и эксплуатируемыми во всех областях общественной и политической жизни.

Но именно потому, что господство буржуазии носит антинародный характер, оно нуждается в маскировке. И эта потребность в камуфляже тем больше, чем ярче обнаруживается антинародная сущность капиталистического строя.

Буржуазная идеология ставит своей основной целью ватушевать, скрыть неразрешимые противоречия капитализма. Рост социального неравенства она стремится прикрыть при помощи лживой проповеди абстрактного «равенства вообще».

После установления и укрепления власти буржуазии этот лозунг занимает большое место в идеологическом арсенале господствующих классов. Он входит существенной составной частью в те представления, которые распространяет в массах весь разветвленный аппарат буржуазной пропаганды. Фетиш «равенства вообще» становится одним из краеугольных камней буржуазной мифологии, призванной одурманить трудящиеся массы и отвлечь их от революционной борьбы за социализм.

Капитализм изображается как строй, якобы предоставляющий каждому члену общества «равные возможности». Будучи восходящим классом, буржуазия была полна социального оптимизма. Она не скупилась на

амые широковещательные посулы народным массам. Каждый солдат носит в своем ранце маршальский кезл,—говорил Наполеон. Эти слова подстегивали солдат наполеоновских армий, сражавшихся против войск феодальных держав: там не только маршалом, но и протым офицером не мог стать человек, в чьих жилах не текла «голубая», дворянская кровь. Каждый легко может разбогатеть — таков новый лозунг буржуазии, выдвинутый взамен наполеоновского, когда период крушения феодализма уступил место царству капиталистической эксплуатации. Этот лозунг становится основой общественной психологии, особенно в молодых странах капитализма, прежде всего в США. Появляются шарлатанские проповеди такого строя, при котором существуют одни лишь буржуа без пролетариев. Но развитие капитализма несет все возрастающую поляризацию классов, углубление пропасти между ними, обострение классовых противоречий. Так действительность на каждом шагу разоблачает лживость и лицемерие подобных посулов.

Лозунг «равных возможностей» обращается своим острием против революционного социализма. В борьбе против пролетариата, стремящегося к социализму, буржуазия использует абстрактный лозунг «равенства вообще» сразу в двух направлениях. С одной стороны, социалистический строй малюется как царство всеобщей нелепировки, всеобщего поравнения. С другой стороны, революционному социализму ставится в упрек нарушение нормального равенства, как и других основ буржуазной демократии.

Представление о том, что социализм означает низведение человеческих потребностей до самого примитивного уровня и равное распределение нищеты на всех членов общества, принадлежит к числу распространеннейших предрассудков насчет социализма, насаждаемых буржуазией. Даже Гейне в свое время отдал дань этому предрассудку. Он писал, что «с ужасом и трепетом» думает о том времени, когда победят коммунисты. «Своими грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые роши и ганут сажать в них картофель и—увы!—из моей „Кни-

ги песен“ бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего».

Гейне не знал еще марксистского социализма; представление о коммунизме он составил себе по домарксовским социалистическим сектам, проповедовавшим «всеобщий аскетизм и грубую уравнительность», против которых так решительно выступили Маркс и Энгельс. Основовоположники научного социализма со всей резкостью подчеркивали, что пролетарский коммунизм не имеет ничего общего с аскетическими идеалами христианства или с аскетической проповедью, которую буржуазия лицемерно обращает к рабочим:

Они келейно пьют вино,
Проповедуя гласно воду

(Г. Гейне. Германия).

Основовоположники научного социализма систематически разъясняли, что социалистическое преобразование общества откроет путь к невиданному росту всех источников общественного богатства, что человечество, освобожденное от пут классовой эксплуатации, достигнет небывалого расширения своей власти над природой, что таким образом социализм будет означать огромное обогащение жизни народных масс, все более полное удовлетворение растущих потребностей всех членов общества. Однако, несмотря на эти совершенно ясные указания, представление о социализме как о царстве поравненной нищеты усиленно насаждалось врагами рабочего класса в течение ряда десятилетий.

Примеров в этом отношении можно было бы привести великое множество. Остановимся лишь на одном из них.

В марте 1893 г. в германском рейхстаге развернулись дебаты по поводу социалистического общества будущего. Буржуазные депутаты попытались поставить перед судом рейхстага социалистический строй. Эта затея была вызвана крупными избирательными успехами германской социал-демократии во время действия и в особенности после отмены закона против социалистов. Буржуазные партии теряли сотни тысяч избирателей, которые переходили к социалистам.

Для борьбы с растущей опасностью был инсценирован суд над социализмом. Однако суд этот обнаружил лишь ужасающую идейную бедность обвинителей, их подлинное лицо защитников денежного мешка с его хищническими интересами. Вместе с тем судилище это любопытно в том отношении, что здесь были сконцентрированы все наиболее ходкие аргументы против социализма.

Среди этих аргументов виднейшую роль играл довод о том, что социалистическое поравнение противоречит человеческой природе и означает конец всякого движения вперед, всякого человеческого прогресса. Особенно распространялся на эту тему лидер буржуазно-демократической партии «свободомыслящих» Евгений Рихтер.

В конце XIX в. подлинным евангелием социалистоведов была написанная Рихтером книжка «Социал-демократические картинки будущего», где насильственным планам социалистов противопоставлялся остроумный способ уничтожения бедности путем сбережений. В книжке рассказывалось о бедной швее Агнессе, которая из своих скудных заработков регулярно откладывала сбережения и таким образом достигла обеспеченной жизни. С тех пор «бережливая Агнесса» стала нарицательным наименованием для пошлейших побасенок о социальной гармонии.

Вот каким образом Евгений Рихтер излагал в своей речи ходячее буржуазное представление о социализме:

«Итак, плата будет одинакова... Да вы и не можете иначе платить, как всем поровну. Если бы вы захотели устроить дело иначе, то сейчас же там и здесь накопились бы излишки, и снова образовался бы частный капитал, который вы хотите уничтожить, и постепенно подкопал бы всю вашу постройку. Значит, все должны будут получать одинаковую плату. Но ведь потребности неодинаковы, потому что число детей в семьях различно»³⁹.

Вслед за тем рисуются всякие ужасы в виде государственного воспитания детей, разрушения семьи и домашней жизни. Самым большим злом Рихтеру представлялось отсутствие... домашней прислуги.

³⁹ «Государство будущего». Дебаты германского рейхстага. СПб., 1907, стр. 81.

План, по мнению Рихтера, означает уничтожение свободы в области потребления: «Вы говорите о теперешнем производстве без всякого плана. Но если вы хотите ввести повсеместно планомерное производство, то ведь это возможно только в том случае, если вы в то же время устроите и планомерное потребление. Планомерное производство принудит вас к регулированию потребления, принудит вас предписывать каждому, что он должен потреблять, точно так же как вы будете предписывать, что каждый должен производить»⁴⁰.

Социализм, по мнению Рихтера, уничтожает не только свободу в области потребления; он ликвидирует вообще всякую личную свободу и означает возврат в состояние варварства. Не капитализм с его войнами, кризисами, нищетой миллионов, голодной смертью, с его волчьими законами, не капитализм означает впадение в варварство, а социализм. Вот как Рихтер рисовал «социалистическую каторгу»:

«Что касается личной свободы, то выполнение вашей программы, осуществление социал-демократического государства ведет к порядкам, какие мы знаем только в каторжной тюрьме»⁴¹.

Но, по уверению Рихтера, социализм даже хуже каторжной тюрьмы. Ибо существование тюрьмы предполагает, что кто-то эту тюрьму содержит. Между тем социалистический строй не сможет быть у кого-либо на иждивении. Поэтому «логическое развитие вашего будущего государства приведет к такому состоянию, которое будет гораздо хуже положения каторжников; оно приведет нас обратно в состояние такого варварства, какое вряд ли существовало в период охотничьей и пастушеской жизни человечества и которое, несомненно, бесконечно ниже современного уровня культуры»⁴².

Такая ужасная перспектива представлялась Рихтеру естественным следствием того, что социализм якобы уничтожает все стимулы человека.

«Вы уничтожаете в человеке всякий интерес к совершенствованию; отдельные лица утратят возможность

⁴⁰ «Государство будущего», стр. 82.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 82—83.

добиваться для себя лучшего положения, будь они трудолюбивы или нет; человек вообще перестанет стремиться вперед; сбережет ли он что-нибудь, он не будет иметь права завещать это своим наследникам; дети его не получат никакой выгоды от его сбережений.

Весь накопленный капитал достается государству; из общего дохода государство должно брать столько, сколько потребуется для накопления. Всякий личный интерес накапливать капиталы исчезает. Вы устраняете конкуренцию частных предпринимателей; этим вы уничтожаете всякое стремление из собственных интересов делать улучшение, увеличивать производительность труда; и хотя это стремление имеет своим источником личный интерес, но в то же время оно служит и к общей пользе.

Все это, по вашему мнению, можно заменить социал-демократическим воодушевлением идеей общего блага. Такая вера возможна только потому, что вы представляете себе таких людей, каких никогда не было, нет и не будет. Люди, которые подходили бы к вашему государству, просто какие-то винтики в большой производительной и потребительной машине»⁴³.

Общий приговор Рихтера, являющийся выводом из его рассуждений, гласит:

«Социализм представляет собой учение, ведущее рабочих на ложный путь и основанное на недостаточном знании природы, сущности вещей и человека»⁴⁴.

Выступление Рихтера чрезвычайно характерно для всего бесконечного потока буржуазных «опровержений» социализма. В конце концов во всей этой обширной литературе с бесконечной надоедливостью и однообразием варьируются одни и те же «идейки». В одних случаях они подаются в более популярном изложении, а в других, напротив, они сервированы со всей псевдонаучной мишурой. Идейный инвентарь этой критики сводится к следующим положениям:

1. Социализм означает всеобщее поравнение; всякое отступление от этого принципа грозит восстановлением капитализма.

⁴³ «Государство будущего», стр. 82—83.

⁴⁴ Там же.

2. Социализм несовместим с индивидуальной свободой; он означает подавление и порабощение личности.

3. Социализм означает «всеобщую лень» и в связи с этим конец прогресса и возврат в состояние варварства.

4. Социализм несовместим с человеческой природой, ибо люди от природы неравны.

Так лозунг «равенства вообще», сыгравший в свое время прогрессивную роль в борьбе молодого восходящего буржуазного класса против отжившего феодального строя, по диалектике общественного развития приобретает совершенно противоположное значение. Он становится одним из идеологических инструментов буржуазной реакции в ее борьбе против сил социального прогресса.

АНАЛИЗ РЕАЛЬНЫХ КОРНЕЙ БУРЖУАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАВЕНСТВЕ В «КАПИТАЛЕ»

1. АНАЛИЗ ТОВАРА; «РАВЕНСТВО ОБМЕНА». 2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ТРУДА; ПРОЦЕСС УРАВНЕНИЯ ТРУДА. 3. ФОРМА СТОИМОСТИ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ. 4. ДЕНЬГИ — ВСЕОБЩИЙ ЛЕВЕЛЛЕР. 5. ЗАКОН СТОИМОСТИ И ОБМЕН МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ. 6. РАБСТВО НАЕМНОГО ТРУДА. 7. РАВЕНСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА КАПИТАЛОМ.

Исчерпывающая критика тех или иных идеологических явлений требует вскрытия реальных основ этих явлений. Лишь материалистическое понимание истории, созданное основоположниками марксизма, открыло возможность глубокой и неотразимой критики всяких извращенных и ложных форм идеологии классового общества.

Маркс замечает в «Капитале», что несравненно легче вскрыть аналитически земное ядро туманных религиозных представлений, нежели вывести сами эти представления из условий реальной жизни. По словам Маркса, лишь второй метод является подлинно материалистическим и, следовательно, научным.

Критика буржуазных и мелкобуржуазных представлений о равенстве не могла быть достаточной до тех пор, пока не были вскрыты их реальные источники. Иными словами — пока не было обнаружено, почему на базе определенных условий «общественного бытия» возникают данные формы «общественного сознания».

Критика антипролетарских представлений о равенстве стала неотразимой лишь тогда, когда эти представления были выведены из реальных условий общественной жизни. Исследование, вооруженное методом исторического материализма, сошло со всех туманных облачений с тра-

диционных представлений о равенстве и обнаружило их истинный характер идеологического продукта исторически ограниченного строя общественного производства. Эта задача была с наибольшей полнотой и глубиной выполнена Марксом в предпринятой им критике предшествовавшей политической экономии — в «Капитале».

В подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» Энгельс при разборе проблемы равенства сделал пометку о том, что представление о равенстве вытекает из равенства всеобщего человеческого труда в производстве товаров, ссылаясь при этом на соответствующее место «Капитала». В тексте «Анти-Дюринга» Энгельс, разъясняя, что равенство и равное значение всех видов человеческого труда нашло свое бессознательное, но наиболее яркое выражение в законе стоимости, согласно которому стоимость товара измеряется содержащимся в нем общественно-необходимым трудом, делает при этом следующую ссылку: «Это объяснение современных представлений о равенстве из экономических условий буржуазного общества было развито впервые Марксом в „Капитале“¹.

Анализу реальной основы буржуазного представления о равенстве, данному Марксом в «Капитале», придавал огромное значение Ленин. Разоблачая контрреволюционные попытки спекулировать на общих фразах о свободе и равенстве, Ленин обычно ссылался на то, что еще Маркс в «Капитале» вскрыл действительный характер этих общих понятий как простого слепка с отношений товарного производства.

В «Капитале» Маркс поставил своей целью раскрыть экономический закон движения капиталистического общества. Тем самым Маркс создал несокрушимое оружие для пролетариата как могильщика капитализма и строителя социализма.

Исходным пунктом своего исследования Маркс берет товар², ибо, как он указывает, товарная форма продукта

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 99.

² «Г-н Вагнер забывает... что предметом для меня является не „стоимость“ и не „меновая стоимость“, а „товар“» (К. Маркс. Замечания на книгу Адольфа Вагнера. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 456). «Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это—„товар“» (там же, стр. 467).

труда или стоимостная форма товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. В этой клеточке «анализ вскрывает... *все* противоречия (resp. зародыши *всех* противоречий)»³ капитализма.

Уже исследование товара дает возможность вскрыть реальную основу буржуазных представлений о равенстве и вместе с тем показать противоречия, характеризующие буржуазное равенство. Дальнейшее содержание «Капитала» — переход от товара к деньгам, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, превращение прибавочной стоимости в капитал и т. д. — включает всесторонний анализ тех общественных отношений, идеологическим отображением которых является буржуазное понимание равенства. При этом раскрывается вся сумма глубочайших противоречий, заложенных в том «равенстве», которое является одновременно исторической базой и демагогическим лозунгом, общественной реальностью и обманчивой видимостью буржуазного общества. Экономический анализ Маркса до конца вскрывает действительную сущность тех форм бытия, которым в качестве формы сознания соответствует буржуазная идея равенства.

1. Анализ товара; «равенство обмена»

Товар, эту «простейшую экономическую конкретность», Маркс рассматривает сначала в той «форме, в которой он проявляется»⁴. Он берет товар в том виде, как тот появляется на поверхности буржуазного общества, в котором все богатство общества на первый взгляд представляется огромным скоплением товаров⁵. Маркс сначала анализирует «самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общест-

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 358. Ср. также стр. 169—170. «...простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма».

⁴ К. Маркс. Замечания на книгу Адольфа Вагнера. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 467, 468.

⁵ См.: К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 11; Капитал, т. I, стр. 41.

ва: обмен товаров»⁶. За этой «беспокойной сменой явлений» Маркс раскрывает их закон.

Если бы сущность и явление совпадали, всякая наука была бы бесполезна, подчеркивал Маркс. Задача науки в том, чтобы за многообразием, за пестротой, за кажущейся беспорядочностью явлений объективной действительности раскрыть их сущность, их внутреннюю закономерность.

Эта внутренняя закономерность не проявляется в чистом виде. Задача науки также и в том, чтобы показать, как раскрытые ею законы проявляются в многообразии явлений. Лишь таким путем достигается глубокое и полное познание действительности во всех ее связях и отношениях.

Исходя из непосредственного явления—товара, Маркс приходит к скрытой за этим явлением сущности, к специфическому общественному отношению — стоимости. Всякий товар есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — меновая стоимость. Потребительная стоимость является вместе с тем носителем меновой стоимости. Дальнейший анализ меновой стоимости показывает, что последняя есть лишь форма проявления содержащейся в товаре стоимости.

Исследовав субстанцию стоимости и характер труда, создающего стоимость, Маркс переходит к рассмотрению формы стоимости. Эта форма очень бессодержательна и проста. Тем не менее, замечает Маркс, ум человеческий безуспешно пытался проникнуть в ее тайны в течение более чем 2000 лет, между тем как более сложные формы ему, хотя бы приблизительно, удавалось постичь. Это и понятно, так как изучение клеточки труднее, чем изучение развитого тела.

Подводя итоги анализа простой формы стоимости, Маркс замечает, что когда в начале главы говорилось, что товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это неверно, ибо товар есть потребительная стоимость и стоимость⁷. Первое выражение

⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 358.

⁷ См.: К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 67. Следует иметь в виду, что в работе «К критике политической экономии», а также в первом издании первого тома «Капитала» Маркс еще пользуется одним и тем же термином «меновая стоимость» для обозначения как количествен-

соответствует обычному способу выражения, второе же — требованиям научной точности. Таким образом, исследование возвращается к меновой стоимости уже не как к непосредственно данному явлению, а как к явлению, выражающему сущность.

Товар имеет двойственную природу. Эта двусторонность товара, его двоякий характер были известны еще древним. В работе «К критике политической экономии» приводится выдержка из Аристотеля, в которой говорится о двояком назначении вещей, о двояком способе их использования: путем непосредственного потребления или путем обмена⁸. Здесь мы имеем лишь описание явления в том виде, как оно дано на поверхности.

Анализом двух свойств, двух сторон товара много занимались представители буржуазной классической политической экономии. Но и они не сумели вскрыть тех глубоких противоречий, поверхностным отражением которых является двойственность товара.

Только Маркс дал исчерпывающий анализ товара как единства противоположностей: потребительной стоимости и стоимости. Расщепление единого и познание противоречивых сторон его — таков путь исследования.

Марксов анализ товара с первых же шагов связан с анализом равенства, выступающего в отношениях товарного мира.

Каждую полезную вещь можно рассматривать со стороны качества и со стороны количества. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью; потребительные стоимости отличаются величайшим качественным разнообразием. При товарном производстве потребительная стоимость служит вещественным носителем меновой стоимости.

Эта последняя выступает прежде всего как количественное отношение. Каково бы ни было меновое отношение двух товаров, его всегда можно выразить в виде уравнения, в виде равенства. Для этого нужно лишь взять соответствующие количества приравняваемых товаров. «Совершенно безразлично к характеру своего природного бытия и безотносительно к специфической природе тех

ного отношения обмениваемых товаров, так и отличного от этой формы содержания (стоимости).

⁸ См.: К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 11:

потребностей, которым они служат в качестве потребительных стоимостей, товары в определенных количествах равны друг другу, взаимно замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство»⁹.

«Равенство обмена» — таково явление, встречающееся на каждом шагу в реальной действительности. «Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой»¹⁰.

Это «равенство обмена» вводит в заблуждение представителей мелкобуржуазного утопического социализма. Речь идет о том направлении в уравнительном социализме, которое сводит социализм к фокусам в области обращения: реформе денежной системы, введению рабочих денег, даровому кредиту и т. п. Представители этого направления отождествляют явление, как оно дано на поверхности, с сущностью вещей. Они не видят глубоко противоречивого характера «равенства обмена». Грубый эмпиризм в познании действительности имеет своей оборотной стороной абстрактный и оторванный от жизни рационализм, сочиняющий утопические рецепты преобразования действительности.

С первых же шагов своего исследования товара Маркс характеризует противоречия, заключающиеся в «равенстве обмена».

Быть потребительной стоимостью является необходимым условием для товара. В то же время вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью, не будучи товаром. Но если потребительная стоимость есть необходимая предпосылка для товара, то, с другой стороны, именно отвлечение от потребительных стоимостей есть то, что характеризует меновую стоимость и стоимость. Таким образом, количественное уравнивание товаров требует отвлечения от их качественной разнородности, между тем как эта качественная разнородность в свою очередь является предпосылкой и условием их количественного уравнивания.

⁹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 13.

¹⁰ В. И. Ленин. К. Маркс. Сочинения, т. 21, стр. 43.

Один и тот же товар в самых разнообразных пропорциях обменивается на целый ряд других товаров. Отсюда вытекают два вывода. Во-первых, всевозможные меновые отношения одного и того же товара выражают нечто равное. Во-вторых, меновая стоимость может быть лишь способом выражения или «„формой проявления“ какого-то отличного от нее содержания»¹¹.

Это содержание и есть стоимость товара. Маркс рассматривает сначала стоимость независимо от ее формы, оговаривая заранее, что дальнейший ход исследования приводит опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или необходимой форме проявления, стоимости.

Если два товара равны между собой, то такое равенство свидетельствует о том, что в обоих товарах существует нечто третье равной величины, что они равны чему-то третьему. В чем же может заключаться это общее товарам свойство? Оно не может заключаться в потребительных стоимостях, ибо последние качественно различны и потому количественно несравнимы. Но если отвлечься от потребительной стоимости товаров, то у них останется лишь одно общее свойство, а именно, что они — продукты труда.

Однако, отвлекаясь от потребительной стоимости, мы тем самым отвлекаемся от конкретного характера заключающегося в товаре труда. «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду»¹².

После отвлечения от потребительных стоимостей товаров от них остается лишь, по выражению Маркса, простой сгусток лишенного различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они — стоимости, товарные стоимости»¹³. Тот труд, который образует субстанцию

¹¹ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 43.

¹² Там же, стр. 44.

¹³ Там же.

стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы.

Таким образом Маркс переходит от равенства обмена к равенству труда, производящего товары. Путь к этому переходу открыт анализом противоречивого характера «равенства обмена».

В стоимостях товарного мира представлена совокупная рабочая сила общества, которая фигурирует здесь как одинаковая рабочая сила, хотя в то же время она состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. «Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это»¹⁴.

Самый процесс уравнивания труда определяется характером труда, производящего товары. Этот труд является общественным трудом, но он обладает специфическим видом общественности.

Характеризуя этот специфический вид общественности, Маркс писал: «Прежде всего, безразличная простота труда есть *равенство* работ различных индивидуумов, взаимное отношение их работ друг к другу как равных, а именно благодаря фактическому сведению всех работ к однородному труду. Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представляется в меновых стоимостях, и он представляется в меновых стоимостях лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов как к равному»¹⁵.

Стало быть, «общественным характером равенства» труд производителя обладает лишь в определенных исторических условиях. При товарном производстве и господстве частной собственности на средства производства весь общественный труд представляет собой не что иное, как совокупность индивидуальных работ, независимых друг от друга. В этом заключено противоречие, и этим противоречием характеризуется равенство труда, заключенного в товаре.

В условиях товарного производства при господстве частной собственности на средства производства труд не

¹⁴ В. И. Ленин. К. Маркс, стр. 44.

¹⁵ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 17.

является общим, коллективным трудом ассоциированных производителей. Напротив, это разрозненный, раздробленный труд индивидуальных производителей, хотя бы таким «индивидуальным производителем» был концерн, в котором занято полмиллиона рабочих и служащих.

Общественный характер труда осуществляется не путем сознательного коллективного руководства, а посредством стихийного процесса приравнивания отдельных работ как в сфере производства, так и в сфере обмена. Лишь в результате этого опосредствования частный труд принимает характер своей противоположности — общественного труда.

Таким образом, уже исследование двух факторов товара и субстанции стоимости дает представление о противоречивом характере того равенства, которое составляет отличие товарного производства в условиях господства частной собственности на средства производства. Количественное равенство обмениваемых товаров предполагает отвлечение от их качественных различий, но в то же время эти качественные различия потребительных стоимостей являются предпосылкой самого уравнивания товаров как меновых стоимостей. Это противоречие наиболее очевидное: оно выступает уже на поверхности явлений.

Далее, если товары равны между собой, то это свидетельствует о наличии в них чего-то третьего, которое отлично от каждого из товаров, но в то же время определенным образом присуще каждому из них. Наконец, равный человеческий труд, составляющий субстанцию стоимости, есть труд общественный, но такой общественный труд, который состоит из самостоятельных работ частных производителей.

Дальнейшее раскрытие противоречий, характеризующих равенство труда, воплощенного в товаре, дается в анализе двойственного характера этого труда.

2. Двойственный характер труда; процесс уравнивания труда

Выяснив субстанцию стоимости, специфические общественные черты труда, создающего стоимость, Маркс переходит к характеристике двойственного характера тру-

да, представленного в товарах. Этому пункту своего учения Маркс, как известно, придавал большое значение. Он указывал, что раскрытие двойственного характера труда «является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии...»¹⁶.

Учение о двойственном характере труда, представленного в товарах, имеет также кардинальное значение для понимания действительной сущности того равенства человеческого труда, которое свойственно производству товаров и проявляется в их обмене.

Противоречие товара, представляющего собой единство потребительной стоимости и стоимости, выражает специфический двойственный характер труда, представленного в товаре: это, с одной стороны, труд конкретный, а с другой стороны, труд абстрактный. В качестве конкретного труд создает потребительную стоимость товара; в качестве абстрактного труд создает его стоимость. «В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд *абстрактно-всеобщий и равный*, труд, определяющий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, который сообразно форме и материалу разбивается на бесконечно различные виды труда»¹⁷.

Абстрактно-всеобщий труд, создающий стоимость, есть равный труд. Это равенство труда не есть субъективное приравнивание индивидуальных работ. Наоборот, это объективное равенство, которое общественный процесс насильственно устанавливает между различными видами труда. Это равенство труда есть одна из сторон реального процесса капиталистического производства, в котором оно имеет свои глубокие корни.

Отдельные работы неравны между собой, они неодинаковы, они качественно различны, как конкретные работы портного, сапожника и т. п. Результатом этого различного по своему характеру конкретного труда являются различные потребительные стоимости. «Но как меновые стоимости, они представляют одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность тех,

¹⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 48; см. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 6.

¹⁷ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 21—22.

кто трудится, стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд*»¹⁸.

Мы видели, что мир товаров отличается разнообразием: потребительные стоимости чрезвычайно различны и разнохарактерны по своим качествам. Но в то же время товарный мир отличается единством в том смысле, что самые различные товары в определенных пропорциях приравняются друг к другу и обмениваются друг на друга. Теперь мы видим, что труд, производящий товары, при всем качественном различии разнообразных видов конкретного труда представляет собой в то же время качественно одинаковый, лишенный различий абстрактный труд.

В процессе товарного обмена люди приравнивают самые различные виды труда. Стало быть, равенство человеческого труда, образующего субстанцию стоимости, не только не исключает, но наоборот, предполагает качественные различия труда, овеществленного в товарах. Если бы любые два обмениваемых товара не были качественно различными потребительными стоимостями, никто не стал бы их обменивать.

Но они являются различными потребительными стоимостями лишь как продукты качественно различных видов полезного труда, лишь как продукты конкретного труда. Поэтому равенство видов труда, во всех отношениях различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, «в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд»¹⁹.

Как стоимость два товара—скажем, сюртук и холст—имеют одну и ту же субстанцию: однородный, лишенный различий труд. Вместе с тем портняжество и ткачество—разнородные виды труда. Но эта разнородность отнюдь не является абсолютной. На более низких ступенях общественного развития портняжество и ткачество были лишь видоизменениями труда одного и того же индивида. «...Человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной»²⁰.

¹⁸ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 14.

¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 80.

²⁰ Там же, стр. 49.

Однако на протяжении тех тысячелетий, когда человек портняжил, не будучи портным, портновский труд не входил частицей в ту специфическую систему общественного разделения труда, которая служит основой товарного производства. Лишь после того как «из человека сделался портной», труд портного стал выступать вместе с тем в виде лишенного различий человеческого труда, составляющего субстанцию стоимости. «Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене»²¹.

Общественное разделение труда является условием товарного производства. Напротив, товарное производство не является необходимым условием существования общественного разделения труда. При товарном производстве — напомним еще раз, что здесь и во всем дальнейшем изложении речь идет о товарном производстве при господстве частной собственности на средства производства, — совокупный производственный процесс общества расщеплен между самостоятельными индивидуальными производителями. Общественное разделение труда опосредствуется обменом продуктов индивидуального труда.

Отдельные виды производительной деятельности человека, несмотря на свое качественное различие, представляют собой один и тот же человеческий труд. Измерение стоимости рабочим временем предполагает сведение различных видов труда к простому труду. Этот простой труд есть труд однородный, лишенный различий. Он качественно одинаков и поэтому различается лишь количественно.

Это сведение сложного труда к простому — важнейшая сторона объективного процесса уравнивания труда, установления равенства различных видов труда. Это сведение, выступая как абстракция, есть, однако, такая абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно²². Простой труд — это не досужая выдумка и не идеалистическая норма. Это — реальность материального процесса производства.

²¹ В. И. Ленин. К. Маркс, стр. 43.

²² См.: К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 15.

«Эта абстракция всеобще-человеческого труда *существует* в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества: это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.»²³. Характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи, но в каждом существующем обществе он является вполне определенным. Такой средний простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе.

Маркс здесь развивает мысль, изложенную еще в «Нищете философии». Там, в полемике против Прудона Маркс показывает, что в условиях капиталистического строя подавляющая часть общей массы труда состоит из простого труда. Капитализм делает простой труд основой промышленности. Сложный труд сводится к простому. Мерилом стоимости служит лишь количество труда, безотносительно к его качеству. Различные роды труда уравниваются путем разделения труда и подчинения человека машине. Человеческая личность оттесняется на задний план. «...Часовой маятник сделался точной мерой относительной деятельности двух рабочих, точно так же как он служит мерой скорости двух локомотивов... Время — все, человек — ничто; он, самое большее, только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество одно только решает все: час за час, день за день; но это уравнивание труда не есть дело вечной справедливости г-на Прудона; оно просто-напросто факт современной промышленности»²⁴.

Маркс особенно подчеркивает, что это уравнивание труда имеет своей основой реальные условия материального производства, условия капиталистического машинного производства. Именно машинная техника капиталистического предприятия широчайшим образом нивелирует прежде разнохарактерный и разнородный труд. Этим создается возможность всеобщего приравнивания и уравнивания труда, характерного для той ступени развития, когда товарное производство и обмен становятся всеобщими и всеохватывающими.

²³ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 15.

²⁴ К. Маркс. Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 89.

«На предприятии, работающем с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого рабочего; рабочие могут различаться только количеством времени, употребляемого ими на работу. Тем не менее эта количественная разница становится, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, отдаваемое работе, зависит отчасти от причин чисто материального характера, каковы, например, физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных причин чисто негативного свойства, каковы, например, терпение, невозмутимость, усидчивость. Наконец, если и имеется качественная разница в труде рабочих, то это, самое большее, — качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собою какой-либо отличительной особенности. Вот каково в последнем счете положение вещей в современной промышленности. И по этому-то уже осуществившемуся равенству машинного труда г-н Прудон проводит рубанком „уравнивания“, которое он намеревается повсюду осуществить в „грядущие времена“»²⁵.

Товарное производство приобретает всеобщий характер лишь при капитализме, когда товаром становится и рабочая сила непосредственного производителя. Цеховое ремесло сменяется крупным производством. Сначала это мануфактура с ее разделением труда. Ей на смену приходит фабрика, основанная на машинной технике.

Этот переворот в материальном процессе производства создает наиболее широкие предпосылки для осуществления всеобщего равенства труда, проявляющегося во всеобщем развитии товарного обмена. Труд цеховых ремесленников носит в значительной степени индивидуальный характер: личное искусство, навыки, сноровка играют решающую роль. Лишь машина и крупное производство создают такое положение, при котором простой труд составляет подавляющую массу общего труда общества.

Нивелировка труда в материальном процессе общественного производства, широкое распространение простого, безразличного труда, безразличное отношение индивидов к перемене вида деятельности, наиболее ярко выступающее, как указывал Маркс, в Америке, в этой самой

²⁵ К. М а р к с. Нищета философии, стр. 89—90.

современной стране капитализма, — все это составляет реальную базу общественного процесса уравнивания труда.

Таким образом, марксов анализ двойственного характера труда, представленного в товарах, знаменует собой следующий шаг по пути познания противоречивого характера, который свойственен равенству товарного производства. Равенство абстрактного труда имеет место наряду с качественным различием разнообразных видов конкретного труда. Но равенство труда, создающего стоимость, не только предполагает этот различный характер конкретных работ. Само равенство насильственно устанавливается общественным процессом между неравными работами. Равенство труда есть не только одна сторона процесса, другая сторона которого заключается в неравенстве труда. Само это равенство может состоять лишь в отвлечении от действительного неравенства конкретных работ.

3. Форма стоимости и ее противоречия

Возвращаясь после анализа двойственного характера труда к меновому отношению товаров как форме проявления стоимости, Маркс делает следующее замечание: «Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости»²⁶. Загадка денежной формы раскрывается посредством исследования развития форм стоимости, начиная с простой.

Уже в анализе простой формы стоимости Маркс вскрывает те противоречия, которые в своем дальнейшем развитии ведут к выделению денежного товара из общей среды товарного мира. Здесь выясняется, каким образом проявляется равенство труда в обществе товаропроизводителей, каким образом оно осуществляется в условиях фактического различия качественно разнородных работ.

Лишь в приравнивании товаров друг к другу, в их стоимостном отношении товар получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Когда, например,

²⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 54.

сюртук приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Но портняжный труд есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача. Однако приравнивание к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда: к их общему характеру человеческого труда. Этим косвенным путем, таким образом, утверждается, что труд ткача, поскольку он создает стоимость, ничем не отличается от труда портного, являясь абстрактно человеческим трудом. «Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще»²⁷.

Маркс подчеркивает, в противовес вульгарным экономистам, что форма стоимости вытекает из природы стоимости, а не наоборот. Стоимость есть общественное отношение людей, скрытое под вещной оболочкой. Труд, затраченный на производство товара, выступает в виде «предметного» свойства этого товара, в виде стоимости. Форма стоимости неотделима от товарного характера продукта труда.

Маркс неоднократно подчеркивал, что главную трудность — но и главное значение — в исследовании товара представляет не аналитическое нахождение труда как субстанции стоимости, а выведение самой формы стоимости: решение вопроса, почему труд при данной системе общественных отношений неизбежно должен принимать форму стоимости.

В форме стоимости скрытая в товаре внутренняя противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью выражается путем внешней противоположности, в форме отношения двух товаров. Каждая из сторон внутренней противоположности товара приобретает самостоятельность и поляризуется в одном из двух товаров, отношением которых является простая форма стоимости. Один из них фигурирует непосредственно лишь как потребительная стоимость, другой — лишь как меновая

²⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 57.

стоимость. Выделение денег из общего мира товаров, представляющее собой неизбежный результат развития товарного производства, является дальнейшим этапом этой поляризации.

Уже в простой форме стоимости товар, играющий роль эквивалента, поляризует в себе стоимость, в противоположность потребительной стоимости. Он служит материалом для выражения, для проявления стоимости. Особенности эквивалентной формы заключаются в том, что в этой форме:

1) потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости;

2) конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактно-человеческого труда, и

3) частный труд становится формой своей противоположности, труда в непосредственно общественной форме.

Переход ко всеобщему эквиваленту, к деньгам, придает всеобщий характер этим противоречиям.

Маркс пишет, что «труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда»²⁸. Непосредственно это индивидуальный, частный труд, которому предстоит пройти ряд испытаний, чтобы мог проявиться его общественный характер. Стоимостное отношение товаров, их приравнивание, их обмен — таков общественный процесс, через горнило которого должен пройти каждый продукт частного труда.

При товарном производстве и господстве частной собственности на средства производства общественные отношения людей принимают форму свойств вещей. Продукт труда — товар — становится весьма загадочной вещью, наделенной сверхчувственными свойствами. Эта загадочность возникает из самой товарной формы. При этой форме равенство различных видов человеческого труда получает «вещную форму одинакового для всех продуктов труда качества—стоимости...»²⁹.

В мозгу частных производителей общественный характер равенства разнородных работ отражается в виде стоимостного характера продуктов труда. Несмотря на то, что как потребительные стоимости продукты труда

²⁸ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 22.

²⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 78.

весьма различны и разнообразны, как стоимости они равны.

Люди относят продукты своего труда друг к другу как стоимости не потому, что эти вещи означают для них лишь вещные оболочки однородного человеческого труда, а наоборот: «приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают»³⁰.

Но приравнивание предполагает противопоставление, а тем самым — возможность неравенства. Эта возможность превращается в действительность, поскольку приравнивание сменяется действительным обменом, а внутренняя противоположность товара развивается во внешнюю противоположность относительной и эквивалентной формы стоимости. В дальнейшем это неравенство — в виде количественного несовпадения цены со стоимостью — становится всеобщей формой, в которой только и может проложить себе путь равенство человеческого труда.

Маркс характеризует глубокую связь, существующую между всеобщим распространением отношений товарного производства и распространением представлений о человеческом равенстве. Он указывает, что равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они суть человеческий труд вообще, «эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением»³¹.

Маркс показывает, как недостаточное распространение отношений товарного производства и соответствующих этим отношениям идеологических представлений помешало даже столь глубокому мыслителю, как Аристотель, вскрыть действительное содержание того отношения равенства, которое выражается в меновом отношении товаров. Обмен не может иметь места без равенства,

³⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 80.

³¹ Там же, стр. 66.

а равенство — без соизмеримости, считал Аристотель. Однако в действительности обмениваются самые различные вещи, и не может быть, чтобы они были качественно равны. Аристотель полагал поэтому, что совершаемое в обмене приравнивание чуждо природе вещей и является лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности»³².

Изложив эти взгляды Аристотеля, Маркс отмечает, что Аристотель сам показывает, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. Ибо «того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначимый человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»³³.

Как указывает Маркс, гений Аристотеля блестяще обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства, и только исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит в действительности это отношение равенства.

Лишь в условиях товарного производства идея равенства приобретает прочность народного предрассудка. Маркс обнажает до конца корни тех реальных отношений, на базе которых вырастает эта идея равенства. Тем самым развенчивается якобы «вечный» характер этой идеи и разъясняется, что она сама является историческим продуктом определенной эпохи. Вместе с тем показывается, что в условиях этой определенной исторической эпохи идея равенства становится подобна ходячей монете. Эта идея, вырастая из реальных условий, превращается в общее место. В своей общей, абстрактной форме она служит в свою очередь прикрашиванию реальной действительности. Она выполняет апологетические функции и подобна стертой монете, обещающей больше, чем в ней содержится.

Таким образом, анализ формы стоимости раскрывает дальнейшее развитие противоречий, заложенных в товаре

³² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 66.

³³ Там же.

и тем самым характеризующих равенство труда, заключенного в товарах. В форме стоимости равенство труда представляется как стоимостный характер товаров. Оно выступает теперь в вещной форме, принимая фетишистическую оболочку.

Вместе с тем равенство теперь выступает в теснейшей связи со своей противоположностью, с неравенством. Более того, равенство обнаруживается лишь среди нарушений равенства, среди которых оно прокладывает себе путь как «идеальная средняя», как «слепо действующий закон».

4. Деньги — всеобщий левеллер

Рост товарного производства и обмена неизбежно приводит к появлению денег. Маркс подробно исследует развитие форм стоимости от простой формы до денежной. Он вскрывает происхождение денежной формы стоимости. Его главная задача при этом — изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная от его зародышевых форм и кончая обменом при посредстве денег.

Переход от товара к деньгам есть результат реального исторического процесса, заполнившего века человеческой истории. Точно так же результатом вековых исторических процессов является развитие функций денег.

Развитие товара не устраняет присущих ему противоречий, а как и всякое развитие осуществляется в противоречиях, «создает форму для их движения»³⁴. Переход от непосредственного обмена товара на товар к обмену товаров при посредстве денег связан с дальнейшим развитием основного противоречия товара.

«Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью»³⁵. Вместе с тем раздвоение товара на товар и деньги означает новую ступень в развитии противоречивого характера того равенства, которым характеризуются производство и обмен товаров.

Непосредственный обмен продуктами труда неизбежно наталкивается на ограниченные рамки. Рамки эти

³⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 110.

³⁵ Там же, стр. 94.

даны не природой обмениваемого продукта, превратившегося в товар. Напротив, «прирожденный левеллер [уравнитель] и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем Мариторна»³⁶. Маркс добавляет, что эту неразборчивость товара его владелец компенсирует тем, что пускает в ход свои пять и более чувств.

Владелец товара готов свой товар, являющийся для него лишь средством обмена, обменять на любой товар, необходимый ему для удовлетворения своих потребностей. Таким образом, непосредственный обмен продуктов труда связан с индивидуальными потребностями обменивающихся.

До появления денег обмен продуктов труда, а стало быть, и превращению их в товары поставлены узкие рамки. Эти узкие рамки устраняются с появлением денег. «Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги»³⁷.

Противоречие состояло в том, что, с одной стороны, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они могут реализоваться как потребительные стоимости; с другой же стороны, они должны предварительно доказать свой характер потребительных стоимостей, прежде чем они могут быть реализованы как стоимости. Появление денег разрешает это противоречие.

Поляризация потребительной стоимости на одной стороне и стоимости — на другой раньше носила изменчивый, мимолетный характер. Теперь эта поляризация закрепляется и затвердевает. Деньги становятся всеобщим эквивалентом.

Деньги являются полномочным представителем потребительных стоимостей всех товаров, на которые они могут быть обменены. Раньше процессу приравнивания отдельных продуктов труда были поставлены рамки, вытекающие из характера их потребительных стоимостей. Теперь эти рамки отпадают.

Но деньги уничтожают противоречие непосредственного обмена лишь тем, что придают ему всеобщий характер,

³⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 92.

³⁷ Там же, стр. 94.

воспроизводят его на расширенной основе. Распадение товара на товар и деньги становится исходным пунктом для дальнейшего развития противоречий капиталистического производства.

Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги являются высшей ступенью развития специфического равенства товарного производства. В деньгах равенство различных работ достигает своего высшего проявления. Имея в руках монету или кредитный билет, нельзя узнать, какой именно товар превратился в данную сумму денег. По самой природе своей деньги — «радикальный левеллер»³⁸.

Господство денег означает всеобщее распространение продажности, отчуждаемости: отчуждаются не только товары, но и такие вещи, как честь, любовь и т. д., становятся рыночным товаром, предметом купли-продажи. Деньги приравнивают к общему знаменателю самые различные вещи. Все получает свою цену. И недаром в стране наиболее развитого капитализма — в США — денежная оценка так укоренилась, что там о людях говорят: он стоит столько-то долларов.

Вместе с тем характер «уравнительных» функций денег блестяще иллюстрирует истинную сущность равенства в условиях товарного и капиталистического производства. Само выделение денег из общей массы «рядовых товаров», из мира «товарной черни» уже характеризует нарушение равенства, которое, однако, является необходимым условием осуществления равенства товарного производства.

В деньгах роль адекватной формы проявления равного человеческого труда срастается с натуральной формой того или иного товара. Историческое развитие функций денег приносит дальнейшее развитие этого нарушения равенства, являющегося вместе с тем адекватным способом реализации равенства индивидуальных работ в обществе частных товаропроизводителей. Это нарушение равенства теперь принимает всеобщий характер.

В условиях непосредственного обмена продуктами труда это нарушение равенства еще ограничено, как ограничена самая сфера обмена. С появлением денег дело

³⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 138.

меняется. Стоимость товара выражается в деньгах, она принимает форму цены. Но, помимо качественного несовпадения цены со стоимостью, когда вместе со всеобщим распространением денежных отношений форму цены принимают вещи, не имеющие стоимости, теперь выступает количественное несовпадение между величиной стоимости и ценой товара.

Возможность этого количественного несовпадения заключена в самой форме цены, являющейся формой стоимости, получившей всеобщий характер. Величина стоимости товара выражает определенное отношение к общественному рабочему времени, имманентное процессу создания этого товара. Величина стоимости превращается в цену, в денежное выражение меновой стоимости товара. Теперь это имманентное отношение принимает форму менового отношения, в котором данный товар находится ко вне его находящемуся денежному товару. «Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях»³⁹.

Превращение величины стоимости в цену является предварительным актом обмена, его введением. Когда этот акт сменяется действительным отчуждением товара, превращением товара в деньги, возможность количественного несовпадения цены со стоимостью превращается в действительность. Цена отклоняется от стоимости. Это несомненно нарушение «равенства обмена», но лишь путем этих нарушений и может проявляться закон стоимости в обществе индивидуальных товаропроизводителей.

«... Это не является недостатком этой формы,—замечает Маркс, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел»⁴⁰.

Так раскрывается истинный, глубоко противоречивый характер того «равенства обмена», которое неизбежно имеет своей другой стороной нарушение равенства, неравенство.

³⁹ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 109.

⁴⁰ Там же.

Апологеты капитализма выдвигают единство, скрывая противоречие. Они подчеркивают принцип равенства, лежащий в основе обмена, не желая видеть неравенства, являющегося столь же необходимым спутником товарного производства и частного обмена. Игнорирование противоречий, заложенных в единстве, непонимание того, что самый принцип «равенства обмена» может осуществляться лишь как слепая тенденция к преодолению бесчисленных нарушений равенства и отклонений от него, характерно и для реакционно-утопических «систем», представители которых ратуют за сохранение частной собственности и товарного производства на «справедливых» началах.

Уже в «Нищете философии» Маркс развенчивает лозунг «равенства обмена». Он не только вскрывает его несбыточность в том виде, как это равенство представляется утопистам «справедливого обмена», конституированной стоимости, рабочих денег и т. д. Он вместе с тем блестяще показывает, что сама эта «уравнительная» утопия есть не что иное, как извращенное, ошибочно истолкованное отражение действительного мира капиталистических отношений.

Маркс пишет по адресу одного из предшественников Прудона, английского утописта Брея:

«Г-н Брей не видит, что то уравнительное отношение, тот *корректирующий идеал*, который он хотел бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более как собственная приукрашенная тень этого общества»⁴¹.

Эта разукрашенная тень является лишь извращенным, односторонним отражением действительных отношений товарного производства, при котором «уравнительное» отношение неизбежно влечет за собой бесчисленные нарушения равенства. Этот глубоко противоречивый характер «равенства обмена» заложен уже в самой природе товара.

Утописты рабочих денег видят «равенство обмена», но не видят противоречий, заложенных в нем. Из факта приравнивания продуктов самых различных видов

⁴¹ К. Маркс. Нищета философии, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинение, т. 4, стр. 108—109.

труда в процессе обмена они делают утопическое заключение насчет устранения «привилегий денег», насчет установления рабочих денег и воцарения тысячелетнего царства равенства и справедливости.

Деньги не только всеобщий левеллер. Они в то же время орудие самой деспотической, самой небывалой власти человека над человеком. «Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица»⁴². Деньги — это общественное признание, общественная власть, которую индивид несет у себя в кармане.

На место прежних открытых форм социальной зависимости, основанной на прямом порабощении, на прикреплении к земле и т. п., капитализм выдвигает безличную власть капитала, проявляющуюся в виде всеподчиняющего влияния денег. Таким образом, анализ денег ярко обнаруживает, что величайшее неравенство является необходимой оборотной стороной того равенства, которое заложено в условиях товарного производства и частного обмена.

И именно потому, что в деньгах деспотическая власть индивида над обществом, являющаяся оборотной стороной слепого господства общественной стихии над личностью, достигает особенно яркого проявления, критика капитализма с первых же шагов избирает деньги своим любимым объектом. Вместе с распространением денежных отношений в обществе растет протест против них, сознание их отрицательных сторон. В эпоху буржуазной революции конца XVIII в. во Франции появился известный афоризм: собственность — это воровство. Но моральное осуждение частнособственнических отношений не представляло реальной угрозы для капитализма, а в дальнейшем реакционные утописты типа Прудона пытались морализующей фразой отвлечь пролетариат от истинного пути борьбы.

Крупнейшие художники-реалисты, правдиво изображавшие действительность, показали, как мир денег, мир личной наживы коверкает и уродует людей, атрофирует в них все достойное человека, развивает самые чудовищные черты. Этот мир воплощен в галерее незабываемых образов, от Шейлока, скупого рыцаря, Плюшкина и

⁴² К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 139.

до горьковских Артамоновых и т. д. Бальзак, как нельзя более далекий от социализма, создал ряд типов, являющихся самым убийственным приговором миру частной собственности. Стоит лишь вспомнить, например, портрет старика Гранде:

«Гранде начинал семьдесят шестой год своей жизни, но только в продолжении двух последних годов его скудость, его ужасающая страсть, достигла в нем крайнего развития, обратилась в неподвижную идею...

Блеск золота, обладание золотом — вот что стало предметом всех его желаний, всех помышлений...

С утра раннего он приказывал подвозить себя к дверям своего кабинета, где хранилось его золото; здесь он просиживал целые часы и беспокойно посматривал то на входивших в комнату, то на дверь ее... Старик чувствовал холод, его укрывали одеялами, и он поминутно говорил с судорожным беспокойством: „Укройте, укройте меня! Нас обокрадут, обокрадут“. Когда же он мог открывать глаза, то устремлял мутный взор на дверь своего кабинета, ощупывал в кармане свой ключ и поминутно шептал своей дочери: „Цело ли золото, цело ли золото“»⁴³.

Но если в общественном сознании уже на заре капитализма зреет протест против растлевающей власти денег, а в художественной литературе эта власть изображается яркими, незабываемыми красками, то научный анализ роли денег в капиталистическом обществе был дан только основоположниками марксизма. Недаром еще Гладстон сказал, что даже любовь не сделала стольких людей сумасшедшими, как размышления о сущности денег. Разрешение этой проблемы оказалось непосильной задачей для буржуазной политической экономии. Только Маркс, подвергнув критике буржуазную политическую экономию, пришел к разгадке тайны денежного фетиша и создал единственно научную теорию денег.

5. Закон стоимости и обмен между трудом и капиталом

В лице Рикардо буржуазная политическая экономия достигает своего высшего развития. И тем не менее обобщенное им определение стоимости товара количеством

⁴³ О. Б а л ь з а к. Евгения Гранде. «Academia», 1935, стр. 218, 232.

затраченного на его производство труда было недостаточным.

Маркс высоко ценил Рикардо за его стремление проникнуть в сокровенные тайны буржуазного общества, за бесстрашие, с которым он формулировал противоречия капиталистического производства. Рикардо был самым выдающимся из экономистов — предшественников Маркса, которые стремились проникнуть во «внутреннюю физиологию буржуазного общества», в сущность капиталистических отношений. Но ахиллесовой пятой Рикардо было неумение перекинуть мост между сущностью и явлением, между законом и формами его осуществления.

Метод Рикардо, как указывает Маркс, состоит в том, что «он исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем *исследует, противоречат ли* прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или насколько они модифицируют его».

Маркс замечает далее, что очевидна как историческая правомерность этого метода, его научная необходимость в истории политической экономии, так и его научная недостаточность, приведшая Рикардо к ошибочным выводам. Ибо этот метод «перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается *непосредственным* образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом»⁴⁴.

Но все дело в том, что явления непосредственно не совпадают с сущностью. Действительное соотношение сущности и ее многообразных форм проявления включает ряд посредствующих звеньев. «Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, *как* проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу „объяснить“ все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости предполагает *данными* все возможные категории, которые еще должны быть выведены, чтобы доказать их адекватность закону стоимости»⁴⁵.

⁴⁴ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, стр. 158.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, XXV, стр. 525.

Недостаток Рикардо заключался в том, что он не подвергал дальнейшему исследованию характер заключающегося в товарах труда. Он исследовал количественную сторону меновой стоимости, но даже не ставил вопроса о ее качественной стороне.

Рикардо выработал определение стоимости товара рабочим временем, но не исследовал формы стоимости. Он не понимал необходимости развития от товара к деньгам и придерживался совершенно ошибочной теории денег. Он не смог анализировать прибавочную стоимость как таковую в отличие от ее конкретных форм: прибыли, процента, ренты.

Все это имело своим источником основную особенность метода Рикардо: стремление непосредственно подвести все многообразие явлений под общий закон определения величины стоимости рабочим временем. Его рационалистический метод упрекали в чрезвычайной абстрактности. Маркс замечает, что следовало бы, скорее, упрекать Рикардо в недостатке абстракции. Ибо он не сумел объяснить тех усложненных, многообразных форм, в которых только и могут проявляться законы в капиталистической действительности.

Рикардо жил, в отличие от Аристотеля, в эпоху, когда представление о равенстве уже получило прочность народного предрассудка. Поэтому он раскрыл, в чем в сущности состоит отношение равенства, проявляющееся в товарном обмене. Это отношение определяется трудом, а мерилom последнего является рабочее время. Но Рикардо не смог исследовать ни абстрактного труда, ни формы стоимости. Он не мог дать серьезного объяснения отношения равенства и свойственных этому отношению противоречий.

У Рикардо, как указывает Маркс, есть отдельные места, где он прямо подчеркивает: труд лишь потому служит имманентным мерилom величины стоимости, что «труд есть то, в чем различные товары являются одинаковыми, их единство, их сущность...». Однако «чего Рикардо не исследует—это особая форма, в которой представлен труд как единство товаров»⁴⁶.

⁴⁶ К. М а р к с. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 107.

Этот недостаток теории стоимости Рикардо окрылил его противников из лагеря вульгарной экономии. Эта последняя лишь доктринерски истолковывает поверхностные и извращенные представления агентов капиталистического производства, опутанных отношениями этого производства.

Один из представителей вульгарной экономии, Бэли, выступил против рикардовской теории абсолютной стоимости. Стоимость, утверждал Бэли, это лишь отношение, за которым ничего не скрывается. Стоимость существует лишь в обмене.

Что делает соизмеримыми товары, сами по себе несоизмеримые? — спрашивал Бэли и отвечал: деньги. Бэли пользовался тем, что Рикардо не раскрыл действительных взаимоотношений закона и явления, не анализировал формы стоимости, не показал посредствующих звеньев между величиной стоимости и ее формой.

В противовес Рикардо, который показал закон явлений, но не сумел показать его связи с самими явлениями, Бэли провозглашал, что за фетишистической оболочкой товарных отношений нет никаких отличных от этой поверхности явлений законов. «Поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как количественное отношение, в каком обмениваются товары, есть по Бэли их стоимость. От поверхности итти далее вглубь не разрешается»⁴⁷.

Никакой стоимости, отличной от менового отношения товаров и лежащей в основе этого отношения, по мнению Бэли, не существует.

При капиталистическом производстве общественное отношение людей выступает как отношение между вещами — товарами. Эту видимость Бэли принимал за существо дела. Он считал, что меновая стоимость вещей определяется их свойствами как вещей, является их природным свойством.

В этой связи Маркс саркастически замечает: «До сих пор еще ни один естествоиспытатель не открыл, какие природные свойства делают нюхательный табак и картины в определенной пропорции «эквивалентами» друг для друга»⁴⁸.

⁴⁷ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 108.

⁴⁸ Там же, стр. 100.

«Богатство (потребительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара, — писал Бэли. — Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз»⁴⁹ Таким образом, Бэли, провозглашая стоимость, с одной стороны, лишь меновым отношением товаров, с другой стороны, изображал ее как абсолютное свойство вещи.

Рикардианцы не могли отбить нападения Бэли, так как у самого Рикардо они не нашли ничего, что разъяснило бы внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости.

Вульгарную теорию Бэли наголову разбил Маркс. Маркс указывал, что Бэли «забывает даже простое рассуждение, что, когда y фунтов полотна = x фунтам соломы, это равенство между неодинаковыми вещами, полотном и соломой, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие как чего-то одинакового должно же отличаться от их бытия как соломы и полотна. Не как солома и полотно они равны друг другу, а как эквиваленты. Одна часть равенства должна поэтому выражать ту же стоимость, что и другая часть. Стоимость соломы и полотна не должна быть следовательно ни соломой, ни полотном, а чем-то для обоих общим и отличным от обоих, как полотна и соломы. Что это такое? На это он не отвечает»⁵⁰.

Определение стоимости товара количеством затраченного рабочего времени, разработанное Рикардо, оставило неразрешимым ряд вопросов, вокруг которых разгорелась полемика. В работе Маркса «К критике политической экономии» в конце главы о стоимости дается сжатая формулировка этих вопросов.

Один из этих вопросов заключается в следующем: если стоимость товара равна затраченному на его производство рабочему времени, то стоимость рабочего дня равна его продукту. Иными словами, заработная плата должна быть равна продукту труда. Известно, что в капиталистической действительности происходит обратное.

Стало быть, «это возражение разрешается в проблеме: каким образом производство, основанное на меновой

⁴⁹ Цитата приведена Марксом в «Капитале» (т. I, стр. 89).

⁵⁰ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 108—109.

стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала»⁵¹

Ни Рикардо, ни тем более его последователи и ученики не были в состоянии разрешить этот вопрос. Более сложные отношения капиталистического производства они пытались объяснять непосредственно из общего закона, из закона стоимости. Они не могли найти посредствующих звеньев. Поэтому перед ними вставала «проблема, разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически»⁵². Они пытались разрешать противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями не путем отыскания посредствующих звеньев, а путем прямого и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному.

Рикардо распространял определение стоимости рабочим временем на все товары, кроме труда. По его мнению, обмен одинаковых количеств труда имеет место лишь при обмене одного товара на другой. При обмене же товара на непосредственный труд происходит обмен неодинаковых количеств труда. Именно на неравенстве этого обмена базируется капиталистическое производство.

Не будучи в состоянии разрешить это противоречие реальной действительности, Рикардо во всяком случае не пытался скрыть или замазать самое противоречие. Наоборот, он признавал существование этого противоречия и фактически сознавался в своей бессилии объяснить его, трактуя это явление как исключение.

Не то получается у последователей Рикардо. Стремление затушевать глубокое противоречие живой действительности неизбежно приводит к тому, что их «системы» увязают в зыбучем песке самых плоских противоречий. Уже у ближайшего единомышленника Рикардо, Джемса Милля, получается схоластика, которая, по выражению Маркса, у «бессовестного тупицы Мак-Кэллока» дове-

⁵¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 52.

⁵² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 65-66:

дена «до неограниченного бесстыдства». Подобный метод разрешения противоречий ведет к тому, что разрешение достигается лишь путем «словесной фикции», путем «фразы».

Маркс следующим образом характеризует сущность этого метода у Милля: «Где экономическое отношение, — следовательно также категории, которые его выражают, — содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент единства противоположностей и отрицает противоположности. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»⁵³.

Далее Маркс показывает, как Милль осуществляет свой метод на практике. Товар есть единство противоположностей: потребительной стоимости и стоимости. Противоположность потребительной стоимости и стоимости реализуется в виде раздвоения товара на товар и деньги. Уже в простом обращении поляризация противоположностей в товарах и деньгах находит свое развитие в том, что продажа и покупка являются различными моментами единого процесса, причем каждый из этих актов одновременно является своей противоположностью. Маркс ссылается при этом на свою критику Милля в работе «К критике политической экономии»⁵⁴. На том основании, что каждая продажа есть покупка и наоборот, Милль отрицает возможность разрыва между покупками и продажами, превращает товарное обращение в простой продукто-обмен и декларирует «метафизическое равновесие продаж и покупок». В конце концов ему все же приходится ввести контрабандным путем в меновую торговлю категории, взятые из обращения.

При помощи этого же метода Милль пытается разрешить то противоречие, что закон стоимости не осуществляется в самом большом из всех обменов, служащем основой капиталистического производства, а именно — в обмене между рабочим и капиталистом. Чтобы разделиться с этим затруднением, Милль превращает наемного

⁵³ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 66.

⁵⁴ См.: К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 89—90.

рабочего в простого товаровладельца, а обмен между рабочим и капиталистом превращает в обмен между простыми товаровладельцами.

Этим путем Милль закрывает себе возможность понять специфическую природу отношений между рабочим и капиталистом. Он не только не разрешает затруднения, а наоборот, увеличивает его. Противоречие с законом стоимости выступает еще резче. Рабочий, по утверждению Милля, продает не специфический, отличный от других товар. Он продает будто бы труд, реализованный в продукте, т. е. товар, ничем не отличающийся от любого другого товара. Но откуда тогда берется прибыль капиталиста?!

Таким образом, стремясь превратить отношение рабочего и капиталиста в обычное отношение продавцов и покупателей товара, Милль все больше запутывается в противоречиях, которые он пытается разрешить при помощи словесных фикций. Милль хватается за видимость сделки, чтобы объяснить ее природу. Так он приходит к своей теории насчет того, что продукт труда делится на доли между капиталистом и рабочим.

Это построение Милля в сущности предвосхищало пресловутую «социальную теорию распределения», выдвинутую в качестве последнего откровения науки почти столет спустя Туган-Барановским и занимающую вплоть до наших дней видное место в арсенале буржуазной апологии⁵⁵. Это построение, однако, нисколько не спасает положения, ибо вопрос тотчас же встает снова в другой форме: в какой пропорции делится продукт между рабочим и капиталистом, и какими законами определяется эта пропорция?

Маркс разоблачает эту увертку. Ведь то, что капиталист уплачивает рабочему в качестве заработной платы, есть часть продукта, произведенного рабочим и уже пре-

⁵⁵ Современная вульгарная экономия взяла на вооружение основную идею «социальной теории распределения», а именно — утверждение о том, что распределение продукта труда между капиталистом и рабочим зависит, во-первых, от уровня производительности труда и, во-вторых, от соотношения сил между ними. Тем самым отрицается всякая объективная закономерность, лежащая в основе таких основных экономических категорий капитализма, как заработная плата и прибыль.

вращенного в деньги. «Часть продукта рабочего, которую капиталист присвоил себе, которая ранее отнята, поступает к нему в виде заработной платы...»⁵⁶.

6. Рабство наемного труда

Посредствующие звенья между товаром и капиталом, между стоимостью и прибавочной стоимостью смог раскрыть лишь Маркс. Он подверг научному анализу сущность и формы капиталистической эксплуатации. Он исследовал переход от простого товарного производства к капитализму. Переход от товара и денег к капиталу отображает гигантский исторический процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое товарное производство.

Утописты, твердящие о «равенстве обмена», негодуют по поводу денег, капитала, процента, по поводу тех категорий, которые это равенство «нарушают». Они выдвигают проекты «отмены» привилегированного положения денег среди других товаров, устранения «несправедливостей», связанных с капиталом, путем организации «взаимного и бесплатного кредита» и т. д.

Основной чертой этих утопических представлений о «равенстве обмена» является их недialeктический характер. Утописты видят тождество, но не видят различий. Они видят единство, но не видят противоположностей. Они берут абстракцию, устраняя конкретность. Поэтому они толкуют о «равенстве обмена», не видя, что в этом равенстве необходимо заложено неравенство, что в товаре уже заложен зародыш тех противоречий, которые в процессе исторического развития раскрываются в деньгах, в капитале и т. д.

Маркс же, вскрывая противоречия капиталистического производства, показывает истинный характер той «свободы» и того «равенства», которыми характеризуются общественные отношения товаропроизводителей. Он блестяще показывает, что эта «свобода» дополняется с другой стороны величайшей «несвободой», а «равенство» — «неравенством». Он исследует товар как элементарную экономическую клеточку общества частных производителей

⁵⁶ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 70.

и показывает все дальнейшее движение и развитие заложенных в товаре противоречий.

Маркс показывает, как из среды «равноправных» товаров необходимым образом выделяется «бог товарного мира» — всеобщий эквивалент, деньги. Он показывает, далее, превращение денег в капитал и превращение законов собственности простого товарного производства в законы капиталистического присвоения.

По видимости сделка между капиталистом и наемным рабочим представляется сделкой равноправных товаро-производителей. Эта видимость (или кажимость, как Ленин передает этот термин Гегеля в своих «Философских тетрадах») не есть лишь выдумка досужего ума, которую можно просто сбросить со счетов. Кажимость также существенна, она составляет один из моментов противоречия, один из моментов бытия.

«Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов»⁵⁷ Именно этой стороной дела, этой формой капиталистическая эксплуатация отличается от предшествующих форм классовой эксплуатации. Но за этой внешней формой сделки скрывается существенно отличное содержание.

Излюбленный прием апологетики — выдавать видимость явлений за всю их сущность. Этим самым достигается полное извращение действительности.

Сделка обмена — только вводный акт к процессу капиталистического производства. Действительный же характер отношений между капиталистом и рабочим раскрывается лишь при переходе от этого вводного акта к самому производственному процессу.

Рабочий и капиталист вначале выступали в качестве товаровладельцев, обменивающихся принадлежащими им товарами. Теперь, в процессе капиталистического производства, они приобретают новые характеристики. Обмен между ними становится формальным. Он служит лишь прикрытием, иллюзорной оболочкой для отношений жесточайшей эксплуатации, неравенства, угнетения, принудительного рабства наемного труда.

Замазывание действительного характера отношений между рабочим и капиталистом проходит красной нитью

⁵⁷ В. И. Ленин. Философские тетради, Сочинения, т. 38, стр. 121.

через всю апологетику капитализма. Между тем научный анализ показывает, что капиталистическое присвоение возникает не путем нарушения или фальсификации законов товарного производства и частного обмена, а, напротив, на базисе самого товарного производства в условиях господства частной собственности, в ходе его дальнейшего развития и всеобщего распространения.

Учение Маркса о капитале и прибавочной стоимости, основанное на его учении о товаре и стоимости, показывает, как «равенство обмена» в силу имманентных законов товарного производства при господстве частной собственности становится чисто формальным, как оно превращается в основу величайшего классового неравенства, когда-либо существовавшего в истории человеческого общества. Этим самым раскрывается до конца действительная природа «равенства», характеризующего отношения товарного производства. Этим раскрывается действительная сущность формального равенства, написанного на знамени буржуазии.

Подобно тому как труд индивидуальных производителей есть единство конкретного и абстрактного труда, процесс капиталистического производства есть единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Представители буржуазной классической политической экономии знали определение стоимости рабочим временем, но не знали двойственного характера труда. Они определяли сделку между рабочим и капиталистом как обмен непосредственного труда на труд овеществленный, живого труда на мертвый труд. Но они не были в состоянии разгадать загадку тех отношений, при которых мертвый труд, подобно вампиру, высасывает все соки из живого труда. И они тем более не были в состоянии объяснить, каким образом отношения капиталистической эксплуатации возникают не вопреки закону обмена эквивалентов, не путем нарушения эквивалентности обмена, а напротив, на основе этого «равенства обмена».

При простом товарном производстве обмен выступает как обмен эквивалентов, равноценностей. Товарпроизводитель отчуждает продукт собственного труда, чтобы получить в обмен равноценный продукт чужого труда. Целью обмена служит удовлетворение разносторонних потребностей. Продукт труда является собственностью

производителя. Продукт чужого труда производитель присваивает путем отчуждения продукта своего труда.

Дальнейшее развитие товарного производства, переход от общества простых товаропроизводителей к капиталистическому товарному производству в корне меняет дело: целью обмена между капиталистом и рабочим является для капиталиста приращение стоимости его капитала. Присвоение продукта чужого труда уже не опосредствуется отчуждением продукта собственного труда.

И тем не менее обмен совершается на основании закона обмена равноценностей. Загадка разъясняется, когда анализируются конкретные исторические условия возникновения капиталистического способа производства, специфические особенности того товара, который является объектом сделки.

Развитие товарного производства в условиях господства частной собственности неизбежно приводит к превращению в товар самой рабочей силы человека. В своем исследовании первоначального накопления Маркс обрисовал незабываемыми красками процесс создания исторических условий, при которых рабочая сила непосредственного производителя попадает на рынок в качестве товара.

Рабочая сила — товар особого рода. Его основное специфическое отличие от всех остальных товаров заключается в том, что он — источник той субстанции, которая создает стоимость. Если стоимость рабочей силы определяется, подобно стоимости других товаров, тем количеством рабочего времени, которое потребно для ее производства и воспроизводства, то своеобразная потребительная стоимость этого товара осуществляется в процессе самого труда.

Стоимость рабочей силы и стоимость, которую она производит, — не одно и то же. Этим расщеплением единого и познанием противоречивых частей его был открыт путь к раскрытию тайны прибавочной стоимости.

Обмен капитала на рабочую силу — сделка, происходящая на товарном рынке по всем законам эквивалентности обмена, — является введением, вводным актом в процесс капиталистического производства. Присвоение же чужого, неоплаченного труда, составляющее живую душу капиталистического производства, происходит уже

в процессе производства, который является единством процесса труда и процесса увеличения стоимости.

Таким образом, превращение денег в капитал распадается на два процесса. Первый происходит в сфере обращения. Это покупка-продажа рабочей силы. Второй происходит в сфере производства. Это потребление купленной капиталистом рабочей силы в процессе производства. Оба процесса взаимно обусловлены. Первый является введением ко второму, а второй непосредственно связан с первым.

Уже в своем письме к Энгельсу, посвященном краткому резюме содержания «К критике политической экономии», Маркс блестяще характеризует истинный характер того «равенства», которое господствует в сфере обращения, где рабочий впервые встречается с капиталистом. Как известно, в этой работе Маркс разбирает категории товара и денег. Однако ко времени написания этого первого выпуска своего основного труда Маркс имел уже в весьма разработанном виде все свое экономическое учение в целом. В письме к Энгельсу, о котором здесь идет речь, дается характеристика перехода от товара и денег к капиталу, выходящая за рамки содержания «К критике политической экономии».

В этом письме Маркс указывает, что простое обращение, рассматриваемое само по себе, не обнаруживает никакого различия между субъектами обмена, кроме формального и мимолетного. *«Это — царство свободы, равенства и основанной на „труде“ собственности»*⁵⁸ Только при этих условиях, указывает Маркс, накопление, которое здесь выступает в форме собирания сокровищ, есть результат большей бережливости и т. д. Далее Маркс отмечает, с одной стороны, пошлую манеру проповедников экономической гармонии типа Бастиа и Кэри применять к более развитым производственным отношениям и их антагонизмам это наиболее поверхностное и абстрактное положение как их истину; с другой стороны, пошлую манеру прудонистов и тому подобных социалистов противопоставлять соответствующие этому обмену эквивалентов идеи равенства неравенству, к которому этот обмен

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», ОГИЗ, 1948, стр. 69.

приводит и из которого он исходит. «Законом присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда, обмен эквивалентов, так что обмен дает лишь ту же самую стоимость, но в иной материализации. Словом, здесь все „прекрасно“, но все приходит к ужасному концу и как раз вследствие закона эквивалентности»⁵⁹

Так Маркс характеризует переход от простого товарного производства к капиталистическому. Здесь замечательно сжато схвачена самая суть проблемы. На поверхности буржуазного общества, в сфере обращения встречаются как будто лишь равноправные товаропроизводители, и различия между ними на первый взгляд кажутся мимолетными и случайными.

Такова обманчивая видимость — обманчивая, если не вскрыты «более глубокие процессы», т. е. процесс производства и свойственные ему отношения производства. Именно эти «более глубокие процессы» лежат в основе обращения, определяют это последнее. Действительное соотношение «более глубоких процессов» и их формы проявления в равной мере недоступны пониманию как открытых апологетов капитализма, так и мелкобуржуазных «уравнительных» социалистов.

Апологеты норовят выдать эти поверхностные отношения, оторванные от скрытого за ними содержания, за истину, за сущность более развитых отношений и тем самым затушевывать антагонизмы, присущие последним. «Уравнительные» социалисты из лагеря фокусников обращения плоско, некритически изображают «обмен эквивалентов» земным воплощением небесной идеи равенства, не видя тех противоречий, которые таятся уже в этой поверхностной сфере обращения. Затем они столь же плоско противопоставляют «идею равенства» фактическое неравенство и вопят по этому поводу, бессильные понять, что само это неравенство есть вполне закономерное и естественное следствие исторического развития товарного производства и его законов.

В «Капитале» незабываемыми красками обрисован тот образ, в котором вводный акт покупки-продажи рабочей силы представляется обыденному сознанию агентов капиталистического производства и их псевдонаучных

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 69.

истолкователей. Вот эти строки, полные блестящего сарказма:

«Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр. рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес»⁶⁰.

Но если вульгарная экономия удовлетворяется подобными представлениями о сущности отношений между рабочим и капиталистом, то непредубежденный исследователь сразу же замечает здесь многообещающие симптомы тех процессов, которые совершаются по ту сторону сферы обращения, в области процесса производства. Прощаясь со сферой обращения, из которой вульгарный экономист черпает все свои взгляды и понятия, легко заметить, как начинают изменяться физиономии действующих лиц. «Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»⁶¹.

⁶⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 182—183.

⁶¹ Там же, стр. 183.

Дальнейшее исследование показывает во всех подробностях, как реализуется эта перспектива — дублирование рабочей силы капиталистом. Маркс вскрывает все тайники капиталистической эксплуатации, показывает, как капиталист эксплуатирует рабочего, разбирает все особенности наемного рабства.

Продав свою рабочую силу, рабочий превращается в наемного раба капиталиста. Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Его рабочая сила становится лишь одной из форм существования капитала. Потребление купленной капиталистом рабочей силы происходит в процессе производства, который является вместе с тем процессом возрастания капитала. Производство прибавочной стоимости — такова цель всего процесса.

Рабочий превращается в «персонифицированное рабочее время»⁶², подобно тому как капиталист выступает как персонифицированный капитал. В своей ненасытной жажде прибавочного труда капитал не знает границ. Он готов все 24 часа превратить в рабочий день. Он обнаруживает чудеса предприимчивости в деле повышения степени эксплуатации своих наемных рабочих.

Ибо «при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня»⁶³.

Капитал грабит время рабочего. Он захватывает те минуты, которые необходимы для сохранения здорового тела, для пользования свежим воздухом и солнечным светом. Он лишает рабочего сна. Он хищнически растрчивает жизненные соки рабочего населения, подобно тому как корыстный земледelec хищнически истощает землю. Он в корне подрывает жизненную силу народа. Он беспощаден к жизни и здоровью рабочего.

В борьбе вокруг продолжительности рабочего дня сталкиваются два равных права, и потому решение принадлежит силе. Подводя итоги этой борьбе, Маркс ярко показывает коренное различие, существующее между действительным положением рабочего в процессе производства и обманчивой видимостью, свойственной области

⁶² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 248.

⁶³ Там же, стр. 270.

обращения. Рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец — товаровладельцам. «По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был „свободным агентом“, что время, на которое он свободно продает свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать, что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, пока еще „остается для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крови“».

Для защиты своих кровных интересов «рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство. На место пышного каталога „неотчуждаемых прав человека“ выступает скромная Magna Charta [великая хартия] ограниченного законом рабочего дня, которая, „наконец, устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому“»⁶⁴.

В процессе производства рабочий попадает под команду капитала. Штрафная книга фабриканта оказывается вполне достойной преемницей кнута надсмотрщика над рабами. Вся жизнь рабочего, каждый его шаг, принадлежит капиталу.

Капитал превращает процесс труда, этот естественный процесс между человеком и природой, в подневольную обузу, в проклятие, в подъяремное, постылое бремя для производителя. Труд лишается своих привлекательных черт. Производительная сила труда повышается путем разрушения и истощения рабочей силы как в промышленности, так и в земледелии.

Капитал объединяет многочисленных рабочих в процессе производства. Он развивает кооперацию наемных рабочих. Однако эта кооперация многих рабочих есть лишь результат деятельности капитала. «Связь их функций, их единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих, в капитале, который их

⁶⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 307.

связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям»⁶⁵.

Уже в простой кооперации начинается процесс отделения духовных сил материального процесса производства от непосредственных производителей. При мануфактурном разделении труда эти силы противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила. Это разделение труда увечит рабочего, превращает его в «частичного рабочего». Крупная промышленность отделяет науку как самостоятельную потенцию производства от труда и заставляет ее служить капиталу⁶⁶.

Производительные силы труда выступают как производительные силы капитала. Капитал присваивает себе гигантские потенции, таящиеся в науке и технике. Подчинение природы человеку сопровождается подчинением человека слепой стихии эксплуататорского строя.

Переход от простой кооперации и основанной на разделении труда мануфактуры к машинному производству, к фабрике вносит существенные новые черты в отношения между капиталистом и рабочим. Лишь в виде машинного производства капитал создает себе адекватную базу. Лишь на основе машинного производства капитал реально подчиняет себе труд.

Переход к машине революционизирует традиционные отношения. Выветривается патриархальщина в отношениях между капиталистом и наемным рабочим, унаследованная от предыдущей ступени — цехового производства. Поляризация классов делает гигантский шаг вперед.

Машины революционизируют до основания «формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом»⁶⁷. Машины открывают для капитала неистощимые золотые россыпи в виде женского и детского труда. Кровь и слезы детей рабочего класса перечеканиваются в звонкую монету.

«На базисе товарного обмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу

⁶⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 338.

⁶⁶ См. там же, стр. 369.

⁶⁷ Там же, стр. 402.

как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает незрелых или полужрелых. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работоторговцем»⁶⁸.

Таким образом, машины производят революцию в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы. Эта сделка лишается даже видимости договора между свободными лицами⁶⁹.

Развитие машинного производства неизмеримо расширяет власть капитала над рабочим. Машина становится конкурентом рабочего. Она лишает его работы и хлеба. Она обрекает на голод его семью. Она является средством производства прибавочной стоимости.

Рабочий становится придатком машины, принадлежащей капиталисту. Не рабочий применяет средства труда, а наоборот, средства труда применяют рабочего. Капиталистическое разделение труда уродует рабочего.

Противоречие между техническими потребностями крупной промышленности и ее общественной формой при капитализме приводит к безмерному расточению рабочей силы и чудовищным опустошениям, связанным с общественной анархией. Дамоклов меч безработицы нависает над рабочим классом постоянной угрозой: капиталистическое применение машин постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства. Оно превращает всякий общественный прогресс в общественное бедствие.

«Не прав ли Фурье, называя фабрики „смягченной каторгой“?»⁷⁰. Этим вопросом Маркс заключает характеристику капиталистической фабрики.

Когда после раскрытия противоречий капиталистического производства Маркс переходит к характеристике процесса производства, взятого в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, т. е. к характеристике процесса воспроизводства, сама сделка

⁶⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 402.

⁶⁹ См. там же, стр. 492.

⁷⁰ Там же, стр. 432.

обмена между капиталистом и рабочим принимает существенно отличный вид по сравнению с тем, как она представлялась на первый взгляд.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Капиталистическое производство, взятое в своей непрерывности, как повторяющийся акт, ярко показывает действительную сущность отношений между капиталистом и рабочим как в области обмена, так и в области производства. Анализ воспроизводства показывает единство производства и обмена.

Уже простое повторение сделки купли-продажи рабочей силы бросает свет на отношения, являющиеся условием и предпосылкой этой сделки. «Хотя капиталист и рабочий противостоят на рынке только как *покупатель*, деньги, и *продавец*, товар, но это отношение благодаря специфическому содержанию их торговой сделки с самого начала своеобразно окрашено, тем более, что при капиталистическом способе производства предполагается, что это выступление обеих сторон на рынке *с тем же самым* противоположным назначением *постоянно* повторяется или является постоянным... Их отношение как *капиталиста* и *рабочего* есть предпосылка их отношения как *покупателя* и *продавца*»⁷¹.

В процессе производства деятельность рабочей силы, труд, овеществляется. Но рабочая сила принадлежит не рабочему, а капиталисту. Поэтому ему принадлежит и продукт труда.

Вводным актом в процессе капиталистического производства служит покупка рабочей силы капиталистом на определенный срок. Этот вводный акт постоянно возобновляется. Но рабочая сила оплачивается по истечении того срока, на который она была отчуждена. Стало быть, капиталист оплачивает ее уже после того, как она функционировала и произвела новую стоимость. Часть продукта, непрерывно воспроизводимого самим рабочим, — вот что непрерывно притекает к нему обратно в виде заработной платы.

Оплата рабочей силы производится в денежной форме, но это не изменяет существа дела. «Иллюзия, созда-

⁷¹ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). М., Партиздат, 1933, стр. 79—81.

ваемая денежной формой, тотчас же исчезает, как только мы вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего станем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая взамен причитающуюся ему часть своего собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют истинный характер этого процесса»⁷².

Стало быть, капиталист, который на рынке противостоит рабочему, как владелец денег — владельцу товара, на самом деле покупает рабочую силу, уплачивая его владельцу часть той стоимости, которая создается в процессе потребления купленной рабочей силы. Но если в процессе воспроизводства рабочая сила оплачивается созданной ею же стоимостью, то весь вообще капитал выступает как капитализированная прибавочная стоимость.

Независимо от источника появления первоначального капитала, в процессе непрерывного повторения производственных кругов старый капитал исчезает: капиталист давно истратил его первоначальную стоимость в процессе своего потребления. Если он тем не менее продолжает по-прежнему владеть капиталом, то ясно, что этот капитал представляет собой результат прибавочного труда рабочих — капитализированную прибавочную стоимость.

Отделение рабочего от средств производства, являясь исходным пунктом капиталистического способа производства, постоянно вновь воспроизводится и увековечивается в процессе капиталистического воспроизводства. Ибо «рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого»⁷³.

Рабочий воспроизводится как наемный рабочий. Это необходимый результат и вместе с тем необходимое условие капиталистического воспроизводства. Само индивидуальное потребление рабочего класса превращается

⁷² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 572.

⁷³ Там же, стр. 575.

в один из моментов процесса воспроизводства капитала. «Это — производство и воспроизводство самого необходимого для капиталиста средства производства — самого рабочего»⁷⁴.

Рабочий стал в такой же степени принадлежностью капитала, как и мертвый инструмент. «Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику»⁷⁵. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует юридическая фикция договора.

Уже процесс простого воспроизводства капитала означает не только воспроизводство товаров, но и воспроизводство самого капиталистического отношения. Еще в своих работах 40-х годов Маркс показал, что люди в процессе производства своей материальной жизни производят не только определенные продукты труда, но и те общественные отношения, при которых производятся эти продукты труда⁷⁶. В «Капитале» с железной логикой вскрываются особенности процесса капиталистического производства, который воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего, постоянно воспроизводя отделение рабочей силы от условий труда.

⁷⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 576. Видный представитель австро-марксизма Карл Реннер, живописуя картину «мирного вrastания капитализма в социализм», изображает отношение между рабочим и капиталистом в идиллических тонах, весьма далеких от действительности: «Рабочий как глава своего потребительского домашнего хозяйства является собственником, руководителем предприятия; он владеет деньгами и производит закупки; в меньшем масштабе по сравнению с владельцем производственного предприятия, но тем не менее, в этой роли на равных правах и в одинаковой функции с ним». Из этой идиллии делается пошлый вывод, что потребительская кооперация при капитализме совершенно безболезненно и бескровно «социализирует капитал».

В самом деле, если перед нами, с одной стороны, миллиардер-собственник, а с другой стороны, рабочий, вся собственность которого исчерпывается его рабочей силой, то здесь разница чисто количественная, как уверяют софисты буржуазной апологетики; один владеет собственностью «в большем масштабе», другой — «в меньшем масштабе». Все к лучшему в этом лучшем из миров. К этому Реннер ведет замена марксизма вульгарной экономией (см.: Karl Renner. Wege der Wirklichkeit. Wien, 1928).

⁷⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 578.

⁷⁶ См., напр. «Нищету философии», письмо к Анненкову, «Наемный труд и капитал».

«Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Железный ход самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода одновременно и обусловливается и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменою его индивидуальных хозяев-нанимателей и колебаниями рыночных цен его труда»⁷⁷

Таким образом, анализ капиталистического воспроизводства окончательно разоблачает легенду насчет «равноправных» товаровладельцев, каковыми будто бы являются капиталист и рабочий. Иллюзия «свободной» и «равноправной» сделки между ними рушится. Экономическая несвобода, экономическое рабство наемного рабочего скрывается и затушевывается как раз тем актом покупки-продажи рабочей силы, который на деле опосредствует отношение наемного рабства. Вводный акт капиталистического производства, этот «истинный эдем прирожденных прав человека», предстает в своем подлинном свете.

Дальнейший анализ Маркса, посвященный расширенному воспроизводству, имеет кардинальное значение для понимания неизбежных превратностей и подлинной сущности «равенства обмена» при капитализме. Воспроизводство капитала в расширяющемся масштабе отличается от простого воспроизводства рядом новых черт. Оно предполагает накопление капитала, т. е. превращение известной части прибавочной стоимости в капитал.

Новый капитал представляет собой с самого начала не что иное, как капитализированную прибавочную стоимость. Его источником с самого начала является дань, вырываемая классом капиталистов у рабочего класса. В нем нет и никогда не было ни одного атома стоимости,

⁷⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 582—583.

который бы возник не из неоплаченного труда рабочего класса.

«Собственность на прошлый неоплаченный труд оказывается теперь единственным условием текущего присвоения живого неоплаченного труда во все возрастающем объеме. Чем больше капиталист накопил, тем больше он может накапливать»⁷⁸.

Если раньше в качестве обманчивой видимости фигурировал «обмен эквивалентов», обмен плодов труда участников сделки, то теперь эта видимость исчезает. Капиталистическое присвоение предстает во всей своей наготе.

Маркс раскрывает содержание закона капиталистического присвоения и взаимоотношение этого закона с законом товарного производства и обмена. При этом обнаруживается, что закон капиталистического присвоения не только не означает нарушения законов товарного производства, но напротив, является их продуктом и дальнейшим развитием. Этот анализ Маркса чрезвычайно важен для полного раскрытия содержания того «обмена эквивалентов», которым маскируется отношение капиталистической эксплуатации.

Прибавочная стоимость, выжатая первоначальным капиталом, является результатом покупки рабочей силы совершенной в соответствии с законами товарного обращения. Более того, каждая единичная сделка покупки рабочей силы капиталистом, предшествующая капиталистическому производству, совершается по законам товарного обмена в том смысле, что капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий ее всегда продает.

Но это свидетельствует лишь о том, что «закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность»⁷⁹.

И вслед за тем Маркс исключительно ярко характеризует эту диалектику развития. Обмен эквивалентов, который выступал как первоначальная операция, обернулся таким образом, что обмен происходит лишь по видимо-

⁷⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 588.

⁷⁹ Там же.

сти. Это произошло в результате того, что, во-первых, часть капитала, обмененная на рабочую силу, сама есть лишь часть продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента, и, во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым добавлением. «Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда»⁸⁰.

Первоначально собственность была основана на своем труде. На рынке противостояли друг другу лишь равноправные товаровладельцы. Теперь собственность означает для капиталиста право на неоплаченный чужой труд. Для рабочего же она означает невозможность присвоения своего собственного продукта. Отделение собственности от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество.

При мелком производстве частная собственность основана на соединении работника с его средствами производства. Но капитализм создает крупное производство. Капиталистическая частная собственность основана на отделении работников от средств производства, которые находятся в руках капиталистов. С развитием капитализма мелкая трудовая собственность либо гибнет, либо попадает в кабалу и эксплуатируется капиталом.

Если на первый взгляд кажется, что капиталистическое присвоение попирает ногами законы товарного производства, то на самом деле оно возникает не из нарушения этих законов, а напротив, из их точного применения. Закон обмена обуславливает лишь равенство меновых стоимостей товаров, которые обмениваются друг на друга. Их потребительные стоимости различны. Но потребительная стоимость товара рабочая сила обладает той особенностью, что в результате потребления этого товара создается новая стоимость.

Первоначальное превращение денег в капитал совершается по законам товарного производства. Тем не менее

⁸⁰ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 589.

в результате капиталистического производства оказывается, что продукт труда принадлежит не рабочему, а капиталисту, что труд рабочего произвел не только возмещение стоимости его рабочей силы, но и прибавочную стоимость, попадающую в карман капиталиста, что рабочий в итоге остается тем же неимущим владельцем свободных рабочих рук, каким он был до начала всего процесса.

«Сказать, что появление наемного труда искажает истинный характер товарного производства — все равно, что сказать: для того чтобы истинный характер товарного производства остался неискаженным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения»⁸¹.

В третьем томе «Капитала» Маркс подробно разбирает вопрос о взаимосвязи капиталистического и простого товарного производства, рассматривает товар как продукт капитала. Товар является исходным пунктом при анализе капиталистического способа производства; с другой стороны, он выступает как продукт капитала. Такой ход изложения соответствует также историческому развитию капитала, который возникает на базе простого товарного производства и ведет затем к превращению его в капиталистическое. В одной из рукописей Маркс намечает три пункта для разработки.

Во-первых, только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой продукта. Во-вторых, при капитализме товаром становится и рабочая сила человека. В-третьих, «капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товаровладельцев или обмен эквивалентов. Обмен капитала и рабочей силы становится формальным»⁸².

Формальный характер меновой сделки между капиталистом и рабочим был впервые раскрыт и обоснован Марксом. Именно это открытие, являющееся естествен-

⁸¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 592.

⁸² Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 185.

ным следствием всего марксова исследования капиталистического способа производства, послужило прочной основой для разоблачения буржуазной легенды о «равенстве» капиталиста и рабочего.

«Понадобились века для того, чтобы „свободный“ рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, даже самую работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки»⁸³.

Маркс исследовал не только функционирование уже сложившегося, так сказать, «готового» капитализма, но и возникновение этого строя. В своем анализе первоначального накопления он разрушает дотла распространенные либеральные легенды и показывает действительный исторический процесс, в котором капитал рождается, источая «кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»⁸⁴.

Этот процесс менее всего похож на идиллию. Железом и кровью создаются исторические условия для господства капитала. Ничем не ограниченное насилие играет роль повивальной бабки при рождении капитализма, причем это насилие направляется против народных масс, которые тысячами различных способов превращаются в «трудящихся бедняков», этот шедевр современной истории.

Путем всевозможных форм грабежа и насилия происходит отделение производителя от средств производства. Не более привлекательными методами происходит накопление богатства в руках немногих. Так создаются исторические предпосылки для того, чтобы рабочий и капиталист могли встречаться на рынке и заключать между собой ту сделку обмена, которая превозносится апологетами капитализма как неопровержимое доказательство равенства между ними.

«Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую»⁸⁵. Исследование Маркса показывает,

⁸³ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 276.

⁸⁴ Там же, стр. 764.

⁸⁵ Там же, стр. 720.

что экономические формации, базирующиеся на эксплуатации человека человеком, различаются между собой лишь той формой, в которой прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя.

Система наемного труда является не чем иным, как системой наемного рабства. Однако форма существенна. Форма наемного труда создает совершенно иные перспективы исторического развития, чем, скажем, форма античного рабства.

Историческая миссия капитализма коренным образом отличается от исторической миссии не только рабовладельческого, но и феодального строя. Капитализм выковыывает класс-титан, берущий в свои руки дело освобождения человечества от всяких форм рабства, от всех форм эксплуатации человека человеком⁸⁶.

Анализ процесса капиталистического производства как процесса производства прибавочной стоимости, данный Марксом, служит основой для полного и окончательного разоблачения буржуазных представлений о равенстве. Марксов анализ товара, денег, капитала, прибавочной стоимости полностью раскрыл истинный характер буржуазного понимания равенства.

Маркс показал, что буржуазная идея равенства, как и все прочие «вечные и незыблемые» истины, есть не что иное, как слепок с отношений товарного производства. Этот слепок отображает лишь поверхностную видимость этих отношений. Но за видимостью, за внешней формой проявления скрывается в корне отличная сущность. Внутренняя сущность отношений была вскрыта Марксом, который вместе с тем показал, почему эта сущность проявляется в данных внешних формах.

Маркс обнажил реальное основание буржуазного истолкования равенства. Он показал, что корни этой идеи лежат в отношениях того способа производства, при котором на базе закона обмена эквивалентов создается величайшее неравенство, какое когда-либо существовало в истории человеческого общества; на основе «равенства обмена» вырывается глубочайшая пропасть между клас-

⁸⁶ Маркс показывает, как форма наемного труда и заработной платы создает тип рабочего, в корне отличный от типа раба, и делает его «способным к совершению другой исторической роли» (см.: Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 113—119).

сами; путем обманчивой видимости сделки «равноправных товаровладельцев» осуществляется никогда ранее невиданная эксплуатация человека человеком.

7. Равенство эксплуатации труда капиталом

Если лозунг формального равенства выдвигается буржуазией для обмана масс, для сокрытия действительного вопиющего социального неравенства, то есть одна область, где капитал действительно стремится к равенству. Эта область — эксплуатация рабочего класса, выжимание прибавочной стоимости из пролетариата, превращение пота и крови трудящихся в звонкую монету капиталистической прибыли.

При изложении поучительной борьбы вокруг рабочего дня Маркс саркастически замечает, что «равенство в эксплуатации рабочей силы — это для капитала первое право человека»⁸⁷. Условия эксплуатации рабочих для различных капиталистов должны быть одинаковы. Душа капиталиста в этом отношении изнывает по равенству. Это стремление к равенству в условиях эксплуатации нередко облегчало распространение рабочего законодательства на всю промышленность, когда рабочим удавалось предварительно пробить брешь в каком-либо одном пункте.

«...Так как капитал по своей природе левеллер, т. е. требует, как прирожденного права человека, равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли»⁸⁸.

Но не только в условиях непосредственной эксплуатации капитал стремится осуществить равенство. Конкуренция капиталов стремится осуществить равенство также и в деле распределения высосанной из рабочих прибавочной стоимости между капиталистами.

В третьем томе «Капитала» при анализе процесса уравнивания нормы прибыли Маркс подробно описывает этот «капиталистический коммунизм», при котором

⁸⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 297.

⁸⁸ Там же, стр. 403.

отдельные капиталисты—эти «братья-враги»—выступают как бы участниками акционерного общества, как бы пайщиками, владеющими определенными долями совокупного общественного капитала.

Уже при исследовании превращения прибавочной стоимости в прибыль выясняется различие между стоимостью товара и капиталистическими издержками его производства. То, что стоит товар капиталисту, и то, что стоит производство товара,—две совершенно различные величины. Первая из этих величин измеряется затратой капитала, вторая—затратой труда. Капиталистические издержки производства товара меньше стоимости товара, или его действительных издержек производства. Разница между этими двумя величинами равна прибавочной стоимости, которая, как указывает Маркс, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда.

Категория издержек производства не имеет никакого отношения к процессу образования стоимости товара, однако в капиталистическом хозяйстве она приобретает ложную видимость категории, относящейся к этому процессу. Прибавочная стоимость представляется приращением ко всему авансированному капиталу. Кажется, будто прибавочная стоимость возникает одинаково из различных частей капитала: как той части, которая израсходована на покупку рабочей силы, так и той части, которая израсходована на покупку средств производства: «ведь эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства»⁸⁹. Благодаря этому капиталистическое отношение мистифицируется.

На поверхности явлений дело представляется таким образом, будто прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала. Грубо и просто, как замечает Маркс, выразил это обстоятельство Мальтус: «Капиталист *ждет* одинакового барыша от всех частей авансированного им капитала»⁹⁰.

Прибавочная стоимость принимает превращенную форму прибыли. Прибыль—это и есть прибавочная стои-

⁸⁹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 39.

⁹⁰ Там же, стр. 40.

мость, представленная как порождение всего приложенного капитала. Единственное, что интересует капиталиста, это—отношение того избытка стоимости, с которым он продает товары, ко всему капиталу, авансированному на их производство.

Отсюда вытекает объективная необходимость превращения прибыли в среднюю прибыль—уравнения нормы прибыли. Проблема эта была камнем преткновения для предшественников Маркса. Она была впервые разрешена в «Капитале», где показано, как механизм конкуренции осуществляет уравнивание общей нормы прибыли.

Равновеликие капиталы при неизменной степени эксплуатации труда могут производить большие или меньшие массы прибавочной стоимости. Величина этих масс зависит от двух факторов: 1) различия в органическом строении капиталов и 2) периода их оборота.

Равные по величине капиталы в различных сферах производства приводят в движение различные количества живого труда и, следовательно, производят различные количества прибавочной стоимости. Если бы товары продавались по их стоимости, капиталы одинаковой величины, вложенные в различные отрасли производства, доставляли бы своим владельцам различные массы прибыли. Иными словами, в различных сферах производства существовали бы различные нормы прибыли. Но этого не может быть, указывает Маркс, без разрушения всей системы капиталистического производства.

Однако уже анализ издержек производства показывает, что они одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы одинаковые по величине части капитала, независимо от различия их органического строения. Для капиталиста в издержках производства стерто различие между постоянным и временным капиталом. При равновеликих затратах капитала издержки производства в различных сферах производства одни и те же, как бы ни были различны произведенные массы стоимости и прибавочной стоимости. «Это равенство издержек производства образует базис для конкуренции капиталовложений, путем которой устанавливается средняя прибыль»⁹¹.

⁹¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 160.

Конкуренция капиталов ведет к тому, что цены товаров существенно отклоняются от их стоимостей. В результате конкуренции капиталов товары продаются не по их стоимостям, а по ценам производства. Цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль. Таким образом, предпосылкой цен производства является существование одной общей нормы прибыли для различных сфер производства.

Нормы прибыли, господствующие в различных сферах производства, первоначально очень различны. В ходе исторического развития эти различные нормы прибыли уравниваются посредством конкуренции в единую общую норму прибыли, которая представляет собой среднее из этих различных норм прибыли. Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям соответствует более ранней ступени, чем обмен по ценам производства, предполагающий определенную высоту развития капитализма. Поэтому вполне правильным является рассматривать стоимости товаров как исторически, так и логически как нечто предшествующее ценам производства.

Конкуренция капиталовложений осуществляет равномерное распределение прибыли между отдельными капиталами, независимо от различных условий, существующих в различных сферах производства. Разумеется, закон общей нормы прибыли, как и все экономические законы капитализма, действует как тенденция, прокладывающая себе путь среди бесконечных колебаний и отклонений. «Вообще при капиталистическом производстве,— замечает в этой связи Маркс,—всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»⁹².

Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся друг к другу «как простые акционеры одного акционерного общества»⁹³, в котором прибыль распределяется равномерно между отдельными членами его в зависимости от числа принадлежащих каждому из них акций. Товары выступают здесь как продукты капи-

⁹² К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 168.

⁹³ Там же, стр. 165.

талов, претендующих на пропорциональное их величине участие в совокупной массе прибавочной стоимости.

Маркс подробно анализирует действие механизма конкуренции, посредством которой происходит уравнивание общей нормы прибыли. Именно этот механизм создает такое соотношение между спросом и предложением товаров, которое обуславливает превращение стоимостей товаров в их цены производства. Капитал извлекается из отраслей с более низкой нормой прибыли и устремляется в отрасли с более высокой нормой прибыли. Посредством постоянной миграции капиталов достигается такое соотношение между спросом и предложением, при котором в различных сферах производства реализуется одна и та же средняя прибыль, и вследствие этого стоимости товаров превращаются в цены производства. «Это уравнивание капиталу удастся осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства»⁹⁴.

Уравнивание общей нормы прибыли непосредственно касается отношений между капиталистами. Но в то же время оно проливает новый свет на характер отношений между основными классами капиталистического общества—пролетариатом и буржуазией. От степени эксплуатации труда зависит высота нормы прибавочной стоимости, а при данной общей массе переменного капитала—величина прибавочной стоимости, т. е. величина прибыли, подлежащей распределению между капиталистами. Каждый капиталист заинтересован в повышении степени эксплуатации рабочего класса как на своем отдельном предприятии, так и в обществе в целом. В этом заключается, по словам Маркса, «математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»⁹⁵.

⁹⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 203—204.

⁹⁵ Там же, стр. 206.

Гильфердинг, когда он еще был марксистом, писал по этому поводу следующее:

«Экспроприация одной части общества и монопольная собственность на средства производства другой части, разумеется, модифицирует обмен... Но так как меновой акт есть отношение равенства, то

Таким образом, «равенство обмена» перерастает в капиталистических условиях в равенство эксплуатации и равенство дележа добычи.

Еще ярче и отчетливее, чем в категории средней прибыли, это равенство выступает в категории процента и его нормы. Данный Марксом анализ капитала, приносящего проценты, венчает его исследование производства прибавочной стоимости.

В форме капитала, приносящего проценты, происходит выделение капиталистического отношения, в результате чего капитал представляется непосредственно самовозрастающей стоимостью. Тот факт, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, в капитале, приносящем проценты, проявляется непосредственно, без посредства процесса производства и процесса обращения. В этой форме, как замечает Маркс, капитал уже не несет на себе никакого следа своего происхождения.

Маркс называет процент особым видом прибыли, в котором антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение: он выражен так, что этот антагонизм совершенно изглаживается, что происходит полное абстрагирование от него. Характерная особенность капитала заключается в его свойстве присваивать продукт чужого труда. Но в проценте эта характерная особенность капитала представлена не в прямой противоположности труду, а наоборот, вне отношения к труду, только как отношение одного капиталиста к другому. «Процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим»⁹⁶.

В форме капитала, приносящего проценты, результат капиталистического процесса производства, отделенный

неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства; следовательно, неравенство трудовых затрат (а в то же время и безразличие капиталистов к трудовым затратам как к затратам чужого труда) выступает в равенстве норм прибыли. Это равенство не выражает ничего иного, кроме того, что в капиталистическом обществе решающее значение принадлежит капиталу; поэтому отдельный меновой акт больше уже не подчиняется условию: равный труд за равный труд, но условию: на равный капитал одинаковая прибыль. Равенство труда заменилось равенством прибыли, и продукты продаются не по их стоимостям, а по ценам производства» (Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 51).

⁹⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 396.

от самого процесса, приобретает самостоятельное существование. «Создавать стоимость, приносить процент становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши»⁹⁷ Капитал, приносящий проценты, представляет собой автоматический фетиш, крайнюю форму мистификации капитала.

Процент есть часть средней прибыли. Но вместе с тем процент как цена капитала представляет собой совершенно иррациональное выражение. Не может быть какой-либо естественной нормы процента в том смысле, как экономисты говорят о естественной норме прибыли или о естественной норме заработной платы. Средняя норма процента, господствующая в данной стране, не может быть определена никаким законом. «В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссужаемого, не играет никакой роли»⁹⁸. Поэтому та пропорция, в какой средняя прибыль распадается на процент и предпринимательский доход, является эмпирическим фактом, определяемым совершенно случайными обстоятельствами.

Отсюда вытекает существенное различие между процессом уравнивания нормы прибыли и порядком установления нормы процента. Рыночная норма процента фиксируется спросом и предложением. Хотя ставка процента постоянно колеблется, но в каждый данный момент она является столь же определенной и единообразной, как рыночная цена товара. Иначе обстоит дело с уравниванием нормы прибыли. Это процесс, совершающийся посредством перелива капиталов, расширения или сокращения производства тех или иных товаров, движения товарных цен. Общая норма прибыли определяется совершенно иными и притом более сложными причинами, чем норма процента. Она не является таким очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. «Метеорологические бюллетени,—пишет Маркс,—не отмечают более точно высоту барометра и термометра, чем биржевые бюллетени—уровень ставки процента...»⁹⁹.

С развитием капитализма происходит процесс отделения собственности на капитал от приложения капитала

⁹⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 406.

⁹⁸ Там же, стр. 377.

⁹⁹ Там же, стр. 381.

к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного. Этот процесс лежит в основе превращения класса капиталистов в паразитический класс, оторванный от производства: класс капиталистов все более превращается в класс ренты, живущих доходом с денежного капитала. Вместе с тем развивается специфическая форма накопления денежного капитала в виде накопления титулов собственности, титулов притязаний на доход.

Титулы собственности—акции, облигации и другие ценные бумаги—являются титулами на действительный капитал, но они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. «Эти титулы дают только юридически санкционированное притязание на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом»¹⁰⁰ Но вместе с тем они становятся бумажными дубликатами действительного капитала. В качестве таких дубликатов они иллюзорны. Это и есть фиктивный капитал, возрастающий в огромной мере с развитием капитализма, с ростом кредита и, соответственно, роли денежного капитала.

Отделение собственности на капитал от его функции в производстве особенно быстро развивается в связи с распространением акционерного дела. В «Капитале» был дан замечательно глубокий анализ акционерной формы предприятий в обстановке, когда она еще делала в сущности первые шаги. Главную основу постепенного превращения индивидуальных предприятий в акционерные Маркс видел в кредитной системе. В акционерных обществах собственность на капитал совершенно отделяется от функции его в действительном процессе производства. Поскольку собственность существует в форме акций, ее движение и передача становятся результатом биржевой игры, в которой, как указывал Маркс, мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками.

На монополистической стадии капитализма акционерное общество, представляющее собой, по характеристике Маркса, «частное производство без контроля частной собственности»¹⁰¹, становится преобладающей и господ-

¹⁰⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 491.

¹⁰¹ Там же, стр. 451.

ствующей формой капиталистического предприятия. Вместе с тем возникает основа для появления и распространения новых иллюзий равенства, составляющих неотъемлемую часть современной апологетики капитализма. Появляются теории демократизации капитала посредством выпуска мелких акций, теории «диффузии» (распыления) собственности, всевозможные варианты теории «народного капитализма». Анализ подлинных основ буржуазных представлений о равенстве, данный Марксом в «Капитале», служит неоценимым оружием в борьбе против этих апологетических измышлений.

* * *

Выяснение Марксом реальных корней буржуазного требования равенства имело огромное значение для правильной оценки буржуазной демократии. Основоположники марксизма показали, что государство является продуктом непримиримости классовых противоречий. Государственная власть в эксплуататорском обществе—это исполнительный комитет господствующего класса, это аппарат насилия над эксплуатируемыми и угнетенными классами. Буржуазная демократия—лишь одна из форм классового господства буржуазии.

Идеи буржуазной демократии являются отображением отношений товаропроизводителей. Лишь в обществе, где товарооборот и договорная форма отношений стали играть господствующую роль, могла зародиться идея общественного договора. Буржуазная свобода, буржуазное равенство—это свобода и равенство товаропроизводителей, являющиеся необходимой предпосылкой развития товарного производства. Этим определяется исторически ограниченный, формальный, в корне противоречивый характер принципов буржуазной демократии.

Идеологи буржуазии и идущих в ее фарватере мелкобуржуазных слоев объявляют идеи буржуазной демократии общечеловеческими ценностями. Они всячески замазывают классовый характер буржуазной демократии, сочиняя легенды насчет надклассовой, внеклассовой сущности «нетленных» демократических идей. С другой стороны, отчаявшийся мелкий буржуа, разочаровавшись в своих вчерашних демократических кумирах, легко

становится на позиции анархистского «отрицания» государства и политической борьбы вообще. Отсталые слои пролетариата нередко дают себя увлечь вожакам «экономистского» типа, отрицающим значение политической борьбы пролетариата против отживших форм классового господства.

Марксизм ведет непрерывную борьбу за правильное понимание сущности и исторической роли буржуазной демократии. С одной стороны, он разоблачает апостолов «чистой демократии». Он разъясняет рабочим массам, что путь к осуществлению социализма открывается не с установлением буржуазной демократии, а лишь посредством завоевания политической власти рабочим классом—установления диктатуры пролетариата. С другой стороны, марксизм учит рабочих поддерживать всякое революционное движение против отживших государственных форм.

I Интернационал, руководимый Марксом, поддерживал борьбу английских рабочих за всеобщее избирательное право. Маркс клеймил попытки Лассалья заключить сделку с монархически-юнкерским правительством Бисмарка, а сторонники Маркса в Германии открыто объявили себя не только социалистами, но и республиканцами.

Уничтожение монархии и установление республики, устранение феодальных пережитков в государственном устройстве и наиболее последовательное проведение начал буржуазной демократии—эти требования фигурируют в течение ряда десятилетий в программах-минимум социалистических партий. Коммунисты, как прекрасно сказано еще в «Манифесте Коммунистической партии», «борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»¹⁰². Именно поэтому «коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя»¹⁰³.

Борясь против непонимания значения буржуазной демократии как политической формы, наиболее адекватной развитию капитализма, марксизм в то же время точно и

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 458.

¹⁰³ Там же, стр. 459.

четко определяет значение этой формы, показывая, что буржуазная демократия есть лишь перевод отношений товарного производства на политический язык.

Подобно тому как равенство товаропроизводителей служит почвой, на которой неизбежно вырастает отношение капиталистической эксплуатации, точно так же политическое отражение этого равенства в форме буржуазной демократии служит лишь внешней формой для самого неограниченного политического господства класса капиталистов. Именно потому, что при демократической форме государства неограниченное владычество богатого капитала выступает в наиболее неприкрытой форме, буржуазная демократия представляет собой наиболее благоприятную обстановку для развития классовой борьбы пролетариата.

В то же время отсюда ясен лживый и лицемерный характер всех попыток представить буржуазную демократию в качестве надклассовой формы государства.

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА И СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА

1. В. И. ЛЕНИН ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА 2. ИМПЕРИАЛИЗМ И КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ. 3. СОЦИАЛИЗМ И РАВЕНСТВО.

На заре буржуазных революций лозунг равенства служил в руках буржуазии одной из наиболее действенных приманок для народных масс. Буржуазия победила феодализм, но прежнее сословное неравенство сменилось неограниченным имущественным неравенством. Пропасть между классами достигла невиданной ранее глубины. Формальное равенство оказалось иллюзией. Трудящиеся массы стали убеждаться в том, что если уж речь идет о равенстве, то оно должно быть не только формальным, но и фактическим. Однако путь к достижению этой цели оставался неясным до тех пор, пока марксизм не показал, что реальным содержанием пролетарского требования равенства является уничтожение классов.

Этим был нанесен сокрушительный удар бессодержательным фразам относительно «равенства вообще». Идея равенства не какая-то незыблемая и вечная истина. Она порождается определенными общественными отношениями. Ее содержание меняется вместе с изменением последних. Смысл требования равенства заключается лишь в уничтожении неравенства. Вместе с исчезновением неравенства исчерпывается содержание самого требования равенства. Разъясняя, что реальное содержание требования равенства в устах пролетариата заключается в ликвидации классов, Энгельс добавлял, что всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости.

Враги научного коммунизма пытались нажить себе капитал, сея уравнильские иллюзии. Марксистскому конкретному пониманию равенства они противопоставляли неопределенные разглагольствования об абстрактном «равенстве вообще». За уравнильской фальсификацией социализма скрывалась борьба против революционного марксизма.

Еще при жизни Маркса и Энгельса их противники охотно прятались за ширму уравнильного социализма. Так поступали прудонисты и бакунинцы во времена I Интернационала. «Уравнение классов»—таково было неопределенно демагогическое требование, которое Бакунин противопоставлял марксистской программе построения социалистического общества путем пролетарской революции и завоевания диктатуры рабочего класса. На уравнильном коньке вдоволь поездили лассальянцы. Оппортунистические течения, противопоставлявшие марксистской программе революционного социалистического переустройства общества реформистские иллюзии штопанья наиболее зияющих дыр капитализма, пытались прикрыться щитом уравнильного социализма.

В России особенными мастерами на сей счет были эсеры. Как известно, эта буржуазно-кулацкая партия, пользуясь социалистической фразеологией, на деле проводила политику расчистки путей для капиталистического развития России. Ее представители склоняли во всех падежах слова: «равенство», «уравнильность» и т. д. В работах Ленина немало блестящих страниц посвящено разоблачению подлинного смысла этой эсеровской демагогии.

Спекуляция лозунгами «свободы вообще» и «равенства вообще» продолжает оставаться излюбленным методом мелкобуржуазных защитников капитализма и в обстановке новой исторической эпохи, на монополистической стадии капитализма. На этой стадии буржуазия окончательно выбрасывает за борт лозунги, под которыми она добилась победы в борьбе против феодализма. Она открыто провозглашает благодетельность неравенства во всех сферах общественной жизни. Но это не мешает буржуазной пропаганде по-прежнему пользоваться обветшалым знаменем «равенства вообще». Таково одно из многих противоречий между словами и делами господствующей монополистической буржуазии.

1. В. И. Ленин об обмане народа лозунгами свободы и равенства

После победы Великой Октябрьской революции архиреакционная роль мелкобуржуазной уравнилельской демагогии выступила особенно наглядно, Ленин беспощадно разоблачал меньшевистско-эсеровские попытки обмана народа лозунгами свободы и равенства. При этом он неоднократно ссылался на тот анализ проблемы равенства, который дан Марксом в «Капитале».

Приведем некоторые из высказываний Ленина на этот счет.

В речи на VIII съезде партии весной 1919 г. Ленин говорил:

«Маркс больше всего высмеивал пустые слова о свободе и равенстве, когда они прикрывают свободу рабочих умирать с голоду, или равенство человека, продающего свою рабочую силу, с буржуа, который будто бы на свободном рынке свободно и равноправно покупает его труд и т. п. Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это»¹.

В речи на I Всероссийском съезде работников просвещения Ленин характеризовал эту сторону учения Маркса подробнее. Он напомнил аудиторам ироническое замечание Маркса о господстве «свободы, равенства и Бентама» в том месте «Капитала», где Маркс приглашает читателя последовать за ним в святая святых капиталистического производства—на предприятие капиталиста, где происходит выжимание прибавочной стоимости из рабочего. Приводя это замечание Маркса, Ленин продолжал:

«Когда Маркс это говорил, он подчеркивал ту идеологию буржуазии, которую она проводит в капиталистическом обществе, которую она оправдывает, ибо с точки зрения буржуазии, преодолевшей борьбу против феодала, с точки зрения этой буржуазии, в капиталистическом обществе, основанном на господстве капитала, на господстве денег, на эксплуатации трудящихся, господствует именно „свобода, равенство и Бентам“ Свобода, которой они называют свободу наживы, свободу обогащения для немногих, свободу торгового оборота; равенство, которым они называют равенство капиталистов и рабочих;

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 176.

господство Бентама, т. е. мелкобуржуазных предрассудков относительно свободы и равенства»².

Выступая весной 1919 г. на съезде по внешкольному образованию с речью об обмане народа лозунгами свободы и равенства, Ленин говорил:

«Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман. И всякий из вас, кто читал Маркса,—я думаю, даже всякий, кто читал хотя бы одно популярное изложение Маркса,—знает, что большую часть своей жизни и своих литературных трудов и большую часть своих научных исследований Маркс посвятил как раз тому, что высмеивал свободу, равенство, волю большинства и всяких Бентамов, которые это расписывали, и доказательству того, что в подкладке этих фраз лежат интересы свободы товаровладельца, свободы капитала, которую он употребляет на то, чтобы угнетать трудящиеся массы»³.

Мелкобуржуазные демократы, фактически ставшие пособниками Колчака, пытались прикрыть свою измену при помощи спекуляции на абстрактных лозунгах свободы и равенства. Но жизнь беспощадно разоблачала меньшевистско-эсеровских шулеров. Логика борьбы против власти рабочего класса приводила их на задворки контрреволюционного стана; тысячелетнее царство «чистой демократии» принимало реальные очертания колчаковской контрразведки, виселиц для рабочих и крестьян.

Ленин популярно разъяснял, что всякая свобода есть обман, «если она противоречит освобождению труда от гнета капитала...»⁴. Он резко противопоставлял расплывчатой фразеологии мелкобуржуазных демократов жесткую правду классовой борьбы, беспощадно обнажал неприглядную роль адвокатов «чистой демократии»: «кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата,—тот помогает эксплуататорам и ничего больше»⁵.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 494—495.

³ Там же, стр. 323.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Эта мысль о том, что всякая свобода, всякое равенство есть обман, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала, составляла центральную ось и лейтмотив всей речи.

Разобрав вопрос о свободе и переходя к вопросу о равенстве, Ленин говорит:

«Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся вопроса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия, и более болезненного.

Революция в своем ходе свертывает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сначала монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом „равенства“ Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк,— так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период великой французской революции. Революция шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция пошла дальше. Она говорит, что „равенство“,—мы этого не сказали особо в своей программе, но нельзя же повторять бесконечно, это так же ясно, как то, что мы сказали про свободу,— равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим, и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством—это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством—это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал»⁶.

Таким образом Ленин дает характеристику того равенства, которое осуществляется буржуазной революцией. Он вскрывает действительный, исторически ограниченный, формальный, недостаточный характер этого равенства. Формальное равенство в условиях буржуазной демократии—обман, поскольку сохраняется классовая

⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 328—329.

эксплуатация, создающая вопиющее неравенство между эксплуататором и эксплуатируемым. Собственность на средства производства, на деньги, на капитал—вот что имеется у одних и отсутствует у других. О каком же действительном равенстве здесь может идти речь?

Далее Ленин разъясняет, какое содержание вкладывают в понятие равенства марксисты:

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства есть глупейший и вздорный предрассудок *помимо* уничтожения классов. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты—и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс—говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента...»⁷

В предисловии к отдельному изданию речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства, написанном через месяц после ее произнесения и являющемся, таким образом, фактически послесловием, Ленин, обращаясь к «образованным» противникам Советской власти из лагеря «социалистов», признававших классовую борьбу на словах, но отрицавших ее на деле, писал:

«Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, „свобода“ и „равенство“ не могли быть и никогда не были ничем иным, как выражением равенства и свободы *товаровладельцев*, равенства и свободы *капитала*. Маркс тысячи раз, во всех своих произведениях и особенно в своем „Капитале“ (который вы все *на словах* признаете), разъяснял это, издевался над абстрактным пониманием „свободы и равенства“, над пошляками Бентамами, не видящими этого, вскрывал материальные корни этих абстракций.

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 329.

„Свобода и равенство“ в буржуазном строе (т. е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле *наемное рабство* рабочих (формально свободных, формально равноправных) и *всевластие капитала*, гнет капитала над трудом. Это—азбука социализма, господа „образованные“,—и вы эту азбуку забыли»⁸.

В написанной в 1920 г. статье «Фальшивые речи о свободе» Ленин вновь иссылается на «знаменитые, полные сарказма» слова из первого тома «Капитала», в которых говорится о сфере обращения, которая есть «настоящий эдем прирожденных прав человека», где безраздельно господствуют «свобода, равенство, собственность и Бентам». Вслед за тем он пишет:

«Эти, полные сарказма, слова исполнены глубочайшего историко-философского содержания. Их надо сопоставить с популярными разъяснениями того же вопроса Энгельсом в его „Анти-Дюринге“, в особенности со словами Энгельса, что равенство есть предрассудок или глупость, поскольку это понятие не сводится к уничтожению классов.

Уничтожение феодализма и его следов, введение основ буржуазного (можно с полным правом сказать: буржуазно-демократического) порядка заняло целую эпоху всемирной истории. И лозунгами этой всемирно-исторической эпохи были неизбежно свобода, равенство, собственность и Бентам. Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. И лозунгами нашей эпохи неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели; беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками. Кто не понял этого, тот ничего не понял в вопросах о диктатуре пролетариата, о Советской власти, о коренных основах Коммунистического Интернационала»⁹.

Ленин здесь, как и в других местах, при разоблачении

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 349—350.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 365.

обмана трудящихся лозунгами свободы и равенства подчеркивает, что пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве следует прежде всего поставить вопросы: свобода для какого класса и для какого употребления? Равенство между какими классами и в каком отношении? Обход этих вопросов, увиливание от прямого ответа на них неизбежно является защитой эксплуататорского строя.

«Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах»¹⁰.

Лозунги «чистой демократии», под которыми агентура буржуазии вела борьбу против Советской власти, представляли собой шулерство обанкротившихся политиканов. Абстрактная или чисто формальная постановка вопроса о «равенстве вообще» стала излюбленным методом борьбы против социализма. Под предлогом «абсолютного равенства человеческих личностей» радетели свергнутого строя пытались внести замешательство в ряды борцов за социализм. Меньшевистско-эсеровские демагоги, распинавшиеся за «чистую демократию», были прямыми пособниками белогвардейцев и интервентов.

В годы гражданской войны Ленин неустанно разоблачал истинное содержание лозунга «равенства вообще». Проповедникам этого лозунга он ставил в упор вопросы: равенство кого с кем? равенство для чего? равенство в каком отношении? И тогда сразу выяснялось, что под туманным, расплывчатым, абстрактным лозунгом «равенства вообще» скрывается не что иное, как требование равенства для эксплуататоров, свергнутых рабочим классом.

Пока существуют классы эксплуататоров и эксплуатируемых, существует и неравенство. Всякие разговоры о «равенстве классов» являются вреднейшим обманом. Нет и не может быть никакого равенства между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Этого равенства нет при

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 366.

господстве капитала. Тогда эксплуататоры являются хозяевами положения, неограниченными властелинами жизни, а эксплуатируемые обречены на угнетение. Но нет и не может быть равенства между эксплуататорами и эксплуатируемыми и после того, как власть капитала свергнута, как установлена диктатура рабочего класса, власть трудящихся.

Равенство эксплуатируемых и эксплуататоров невозможно, и всякий, кто распинается за такое равенство, на деле является помощником и пособником свергнутых господствовавших классов в их борьбе за восстановление своего классового владычества. Этот вывод из анализа лозунга «равенства вообще» Ленин неустанно повторяет в целом ряде работ, посвященных разоблачению kautских и макдональдов, меньшевиков и эсеров.

В исключительно яркой форме Ленин противопоставлял позицию революционного марксизма всяким разглагольствованиям насчет «равенства вообще».

«„Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т. е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе“ — так говорит буржуазия и ее подпевалы, мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

„Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устой и основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к *уничтожению классов*, т. е. к тому единственно-социалистическому *равенству*, которое не является обманом“ — говорим мы»¹¹.

Весь дальнейший путь развития блестяще подтвердил правильность ленинского пути. Советская власть прямо и открыто отбросила всякие притязания на равенство эксплуататоров с эксплуатируемыми. Буржуазная демократия скрывает свой классовый характер. Это и понятно, ибо она — одна из форм господства ничтожного меньшинства. Социалистическое государство не скрывает своего

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 249.

классового характера, ибо оно—форма господства трудящегося большинства.

В интересах громадного большинства населения, в интересах всех трудящихся социалистическое государство осуществляет глубочайшую преобразовательную работу, охватывающую все стороны общественной жизни. Социализм, являющийся первой фазой коммунизма, впервые в истории человечества был построен в Советском Союзе. Это был факт величайшего всемирно-исторического значения. Построение социализма в СССР раскрыло перед всем миром в наглядной и осязательной форме реальное содержание пролетарского требования равенства—прежде всего в смысле уничтожения паразитических и эксплуататорских классов. С построением социализма в СССР все трудящиеся были в равной мере освобождены от эксплуатации. Полностью и до конца были ликвидированы самые гнусные, самые подлые формы неравенства, неотделимые от любого эксплуататорского строя. С корнем вырвано неравноправие женщин, обрекающее даже в самых передовых странах половину населения на бесправное и приниженное положение. Выкорчевано неравенство наций и рас, делящее все человечество на горстку привилегированных и огромное большинство угнетенных. Полное равенство полов, равенство наций и рас—неотъемлемые черты социалистического демократизма.

Эти замечательные черты социалистического строя теперь отчетливо выступают на огромных просторах—от Эльбы до Тихого океана. Все страны непобедимого социалистического лагеря уверенно идут вперед, ярко демонстрируя великие преимущества нового, высшего общественного строя. Более трети населения нашей планеты навсегда сбросили иго капитализма. Народы великого содружества социалистических стран быстро изживают проклятое наследие прошлого. Порвав со строем эксплуатации и гнета, они строят общество, основанное на подлинной свободе и справедливости.

2. Империализм и кризис буржуазной демократии

Переход к империализму означал решительный поворот буржуазии в сторону реакции. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим

капитализмом (империализм есть монополистический капитализм),—писал Ленин,—является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹².

В другом месте Ленин указывал:

«Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области—результат этих тенденций»¹³.

На монополистической стадии капитализма господство буржуазии все более открыто обнаруживает свой антинародный характер. В области внутренней и внешней политики коренные интересы народов приносятся в жертву своекорыстным вожделениям финансовой олигархии, гнет которой ненавистен большинству населения.

Сращивание государственной машины с капиталистическими монополиями проявляется в самых разнообразных формах. Правительства состояются из доверенных лиц крупнейших трестов, концернов и банков, покорно выполняющих их волю и распоряжения. Монополии открыто подкупают парламентариев и высших чиновников. Доверенными лицами монополий насыщаются все важнейшие звенья государственного аппарата. Государство все более открыто выступает по отношению к трудящимся массам как аппарат насилия и подавления.

Во всех буржуазных государствах растет милитаризм. Это ведет к засилию военизации, призванной охранять господство монополистического капитала внутри страны и служить средством осуществления его внешнеполитических целей. Государственная власть прибегает к использованию полиции и войск для кровавых расправ с бастующими рабочими, с демонстрациями трудящихся. В этих же целях капиталисты организуют террористические банды. В обстановке обострения борьбы народных масс против гнета монополий буржуазное государство всеми средствами обмана и насилия защищает незыблемость

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 31.

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 283.

капиталистической собственности, всевластие финансовой олигархии.

Господство буржуазии уже давно стало величайшей преградой на пути общественного прогресса. На своей монополистической стадии капитализм созрел и перезрел. Наступает период общего кризиса капитализма, историческая полоса гибели классового общества. Обреченный господствующий класс—монополистическая буржуазия—не останавливается ни перед чем, чтобы продлить свое господство. Он использует лозунги свободы и равенства, лозунги буржуазной демократии для обмана масс, для борьбы против социалистической революции.

В эпоху империализма, в особенности в период общего кризиса капитализма, буржуазная демократия и все ее институты переживают глубокий кризис. Этот кризис проявляется прежде всего в том, что буржуазия все более стремится отделаться от буржуазно-демократических форм своего господства. Судьба демократических прав, завоеванных борьбой многих поколений, зависит в первую очередь от силы организованного противодействия народных масс во главе с рабочим классом.

Растущий кризис буржуазной демократии находит свое выражение в таком явлении, как банкротство буржуазной парламентской системы. Так называемое народное представительство превращается в пустую говорильню. Наиболее существенные вопросы—направление внутренней и внешней политики, состав правительства, издание важнейших законов—все чаще решаются за спиной парламентов. Растет продажность и коррупция среди буржуазных политиков, прибегающих к изощренным обманам, особенно в ходе избирательных кампаний. Лозунгом дня становится учреждение так называемых правительств сильной руки, свободных от ответственности перед парламентарным представительством.

Господство буржуазии все более превращает права трудящихся в фикцию. Материальные средства для осуществления демократических прав—здания для собраний, бумага и типографии для издания газет, радиовещательные станции—сосредоточены в монопольном владении капиталистов. Имущая верхушка общества все шире использует эти средства для фальсификации общественного мнения, для сеяния невежества в народных массах

и отравления их сознания, для их отвлечения от борьбы за свои действительные интересы.

Вместе с тем господствующие классы идут все дальше по пути ограничения прав трудящихся посредством ухудшения систем избирательного права, введения всякого рода цензов (имущественного, образовательного, оседлости, возрастного и т. д.), нарушения тайны голосования. Этой же цели служат такие меры, как фактическое недопущение образования новых прогрессивных партий, противозаконное запрещение партий рабочего класса, преследования членов и сторонников этих партий.

Самым ярким свидетельством кризиса буржуазной демократии является то, что она породила фашизм и расчистила ему путь. В таких странах, как Италия и Германия, буржуазно-демократические режимы вскормили фашизм и послужили для него мостом к власти. Вместе с тем правящие круги других стран—Англии, Франции, США—так называемой политикой невмешательства и курсом на умиротворение фашистских агрессоров помогли им развязать вторую мировую войну. После разгрома основных очагов мирового фашизма правящие круги западных держав взяли курс не на искоренение фашизма, а наоборот, на покровительство фашистским элементам, которые они рассматривают как своих союзников в борьбе против растущих сил социализма.

На рубеже 1959 и 1960 гг. ряд стран так называемого «свободного мира», стран капитализма, стал ареной наглых фашистских и антисемитских выходок, напомнивших всему человечеству, что еще преждевременно считать фашизм лишь делом прошлого. Центром нынешнего оживления фашистской деятельности является, естественно, Западная Германия—этот подлинный заповедник самой черной реакции. Волна фашистских эксцессов, прокатившаяся по всей территории Федеративной Республики Германии, показала подлинное лицо боннского режима, преследующего прогрессивных деятелей, сторонников мира и оказывающего всякое покровительство гитлеровцам. Вчерашние нацистские головорезы занимают виднейшие посты в правительстве ФРГ, ими насыщен государственный аппарат сверху донизу. Реваншистские планы боннских правителей, проводимая ими авантюристическая политика возрождения германского милита-

ризма — все это служит благоприятнейшей почвой для оживления фашистских элементов.

Фашизм представляет собой открытую террористическую диктатуру самых агрессивных кругов финансовой олигархии, широко прибегающую к национальной и социальной демагогии. Фашистские режимы отбрасывают прочь всю мишуру демократии, либерализма, парламентаризма. В идеологии фашизма нет места эгалитаризму: она построена на совершенно противоположном принципе элитаризма. Элита, избранная кучка людей, призвана командовать, а дело масс — с восторгом повиноваться. «Вожди» должны руководить политикой, хозяйством, культурой; дело «ведомых» масс (*Gefolgschaft*) — беспрекословно подчиняться своим «вождям». Избранные нации, принадлежащие к «высшей расе господ», должны владеть миром. Дело всех других народов — подчиняться «высшей расе», служить для нее навозом.

Социальный деспотизм и зоологический шовинизм связываются у фашистов со своеобразной философией неравенства. Фашисты пытаются воскресить идеологию рабовладельческого общества и средневековья. Их рассуждения о неравенстве не более как бездарная пародия на взгляды Платона или Аристотеля.

«Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку», — писал Альфред Розенберг. Эту «философию неполноценности» монополистическая буржуазия выдвинула в качестве якоря спасения в обстановке, когда она сама стала не только «неполноценным» классом, но и вредной преградой на пути прогрессивного развития общества.

Цель фашистских режимов — низвести рабочие массы до положения безгласного рабочего скота¹⁴. При помощи тюрем и казней, концлагерей и принудительного труда фашизм пытался спасти обреченный эксплуататорский строй. Он ставил своей задачей добиться бессловесной покорности, беспрекословного повиновения эксплуатируемых масс кучке эксплуататоров.

Распад буржуазного парламентаризма, кризис буржуазной демократии фашисты демагогически изображали

¹⁴ «Рабочим скотом» (*Arbeitstiere*) Гитлер называл пролетариат в статье, помещенной в «*Völkischer Beobachter*» 27 января 1923 г., за десять лет до захвата власти, когда он мог еще откровенно выражать свое презрение к людям труда.

как банкротство принципа демократии как такового. Они для этого использовали утверждения идеологов и пропагандистов буржуазной демократии, объявляющих ее единственно мыслимой и единственно возможной формой демократии вообще. Буржуазно-демократическая, и в особенности правосоциалистическая, пропаганда выдавала буржуазную демократию за «чистую демократию». Но в массах в течение многих десятилетий накопилось законное возмущение лицемерной буржуазной демократией, отвращение к этой лживой маске буржуазного владычества. Фашисты пытались использовать эти чувства для распространения реакционных средневековых бредней, для восхваления и возвеличения неприкрытого господства человека над человеком. Идеалом общественного устройства они провозгласили неограниченный произвол ничтожной кучки избранных магнатов капитала над серой, безвольной народной массой.

Фашисты сделали своим знаменем открытую защиту самых бесчеловечных, зоологических форм неравенства и угнетения, какие когда-либо видел мир. Их отравленная демагогия спекулировала на самых низких, звериных инстинктах. Она была направлена на разжигание шовинистических страстей. Неравенство, неполноценность рас и наций, неравенство между кучкой элиты и всей народной массой — таковы лозунги, провозглашаемые фашизмом.

В писаниях Гитлера утверждалось, что «парламентский принцип демократического решения большинством отнюдь не господствовал у человечества издавна, а наоборот, имел место в истории лишь в течение совершенно незначительных периодов, которые к тому же всегда были эпохами распада народов и государств». Это невежественное утверждение, которое ставит на голову всю историю человечества, любопытно в одном отношении. Оно представляет собой выражение того страха перед демократией, того недоверия к народным массам, которое столь характерно для фашизма. «Обширная масса рабочих хочет лишь хлеба и зрелищ, ей недоступно понимание каких-либо идеалов, и мы никогда не сможем рассчитывать на привлечение сколько-нибудь значительных масс рабочих», — говорил Гитлер в споре с Отто Штрассером. В главном органе нацизма — погромном листке «Völk-

scher Beobachter»—в феврале 1923 г. были напечатаны следующие выразительные стихи:

Ich hasse die Masse
Die kleine, gemeine,
Den Nacken gebeugt,
Die isst, und schläft, und Kinder zeugt.
Ich hasse die Masse,
Die lahme, die zahme,
Die heut an mich glaubt,
Und die mir morgen mein Herzblut raubt¹⁶.

Звериная ненависть к трудящимся массам, животный ужас перед пробуждением и ростом ее классового сознания—вот где источник фашистских бредней о неполноценности масс, о сословном государстве. В известном анекдоте католический монах по случаю поста окрестил порося в жарася. Фашисты по случаю отвращения масс к капитализму перекрестили эксплуататоров в «хозяйственных вождей». В смертельном страхе за свое существование монополистическая буржуазия поставила ставку на фашизм. Магнаты Рейна и Рура в полном единодушии с финансистами Уолл-стрита и Сити привели к власти в Германии коричневую банду убийц. Гитлеровцы не замедлили превратить одну из передовых стран капитализма в анахроническое царство средневековья. Вместе со всей прочей буржуазно-демократической мишурой фашистские насильники отбросили и фикцию равенства эксплуатируемых с эксплуататорами. Их господство на каждом шагу демонстрировало всю пропасть неравенства, отделяющую народные массы от ничтожной кучки эксплуататоров, бесконтрольно распоряжающихся их благополучием, жизнью, судьбой.

Вторая мировая война, подготовленная силами международной империалистической реакции и развязанная фашистскими агрессорами, принесла человечеству небывалые испытания. Война показала, какую смертельную

¹⁶ «Я ненавижу массу, мелочную, подлую, со склоненной головой, которая ест, спит и производит детей. Я ненавижу массу, безвольную, смиренную, которая сегодня верит в меня, а завтра высосет у меня кровь из сердца». (Цит. по кн.: Конрад Гейден. История национал-социализма).

опасность для народов представляет собой фашизм. Разгром фашистских агрессоров, в котором решающую роль сыграл Советский Союз, ярко показал превосходство животворной идеологии социализма над человеконенавистнической, людоедской идеологией фашизма с его возвеличением неравенства во всех видах.

Современная эпоха имеет своим основным содержанием переход от капитализма к социализму, происходящий во всемирном масштабе. Борьба против растущих сил социализма является основной и главной целью монополистической буржуазии. Но сфера ее господства сокращается. С победой социалистической революции в России капитализм перестал быть единственной и всеохватывающей системой: наряду с капиталистической системой возникла и стала быстро расти социалистическая. С образованием мировой системы социализма более трети человечества навсегда избавилось от ярма капитализма. Вместе с тем распад колониальных империй еще более сузил сферу господства империализма.

Империализм, этот основной враг подлинной свободы и подлинного равенства, потерял свое господство над большинством человечества. Его позиции ослаблены, как никогда ранее. Углубление общего кризиса капитализма неизбежно порождает дальнейшее обострение кризиса буржуазной демократии.

Страны социалистического лагеря во главе с Советским Союзом ведут последовательную борьбу за мир, против угрозы новых войн, порождаемой агрессивными устремлениями империализма. Страны социализма стоят за мирное сосуществование двух систем. Мирное экономическое соревнование социализма с капитализмом ярко демонстрирует решающее превосходство, неоспоримые преимущества социалистической системы. Борьба за мир, против планов новой войны, вынашиваемых авантюристическими кругами монополистического капитала, объединяет самые широкие массы населения во всех странах.

Господствующая буржуазия, уже давно ставшая реакционным, внутренне мертвым классом, направляет свои удары против сил общественного прогресса и подлинной демократии. Защита демократии становится делом народных масс, рабочего класса. Борьба народов за свои жизненные права, за свое будущее неизбежно выхо-

дит за рамки буржуазной демократии и становится антиимпериалистической борьбой. Самые насущные интересы народов требуют ликвидации экономической мощи монополистического капитала и помещичьего землевладения, решительного вмешательства в экономические отношения, без чего формальные демократические свободы и права превращаются в пустой звук, в иллюзию, в обман народных масс.

Фактическое неравенство, свойственное капитализму вообще, в наше время выросло до небывалых ранее размеров. Неудивительно, что разветвленный аппарат буржуазной пропаганды видит одну из своих центральных задач в том, чтобы всячески затушевать и замазать громадное углубление пропасти между классами современного капиталистического общества. Этой цели служат модные теории «народного», «демократического» капитализма, «государства благоденствия», «экономического гуманизма» и т. п. При помощи грубой подтасовки статистических данных провозглашается мифическая «революция в доходах». Развитие акционерного дела, являющегося мощным рычагом централизации и концентрации капитала, изображается как «революция управляющих».

Защитники отжившего строя доходят до геркулесовых столпов извращения действительности в своих потугах изобразить нынешнее буржуазное общество как строй, развивающийся в направлении смягчения и стирания классовых различий. Так, английский писатель и философ Олдос Хаксли в книге очерков, вышедшей в 1956 г., приходит к выводу о стирании классовых граней в современном буржуазном обществе, рассматривая в историческом плане вопрос о... мыле!

Чистота и грязь, утверждает он, были важнейшими признаками классовых различий. Все достижения в области санитарии шли на пользу богатым и углубляли пропасть между классами. Положение изменилось, когда научились производить дешевое мыло и недорогую одежду. Теперь стало невозможно отличить людей, принадлежащих к разным классам, по запаху и по одежде. И вывод таков: «В ряде высокоиндустриальных стран успехи техники привели к исчезновению некоторых извечных символов классовых различий»¹⁷.

¹⁷ А. Huxley. *Adonis and the Alphabet*. L., 1956.

Основа социального неравенства при капитализме заключается в том, что непосредственные производители лишены собственности на средства производства. Пытаясь затушевать эту простую истину, современные апологеты буржуазии утверждают, будто бы наличие у рабочего радиоприемника, пылесоса, холодильника или телевизора, мотоцикла или автомобиля устраняет неравенство между рабочими и капиталистами. Так, западногерманский профессор Зигфрид Ландсхут утверждает даже, что существует равенство между генеральным директором и рабочим:

«Оба они по воскресеньям отправляются на футбольный матч, оба предпочитают одну и ту же телевизионную программу, а то обстоятельство, что один из них может себе позволить иметь роскошный автомобиль, а другой — только мотоцикл, не имеет существенного значения в свете одинакового характера их потребностей»¹⁸.

В условиях современной эпохи, когда капитализм давно уже созрел для замены его социализмом, буржуазный строй держится в ряде стран лишь потому, что рабочий класс этих стран еще недооценивает свои силы, не обладает необходимой сплоченностью и не проявляет должной решимости в борьбе против империалистической реакции. Буржуазия же во внутренней и внешней политике идет по пути реакции и авантюры. Ее антинародная политика, причиняя неисчислимые страдания народным массам, вместе с тем еще более расшатывает основы капитализма.

В этой связи огромную актуальность имеет вопрос о формах перехода различных стран к социализму. Все прогрессивные силы человечества горячо приветствовали исторический вывод XX съезда КПСС о том, что в современную эпоху, в связи с коренными изменениями в исторической обстановке, выражающимися в огромном укреплении и непрерывном быстром росте сил социализма и демократии, существует возможность перехода к социализму мирным путем, с использованием парламента.

В докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС было указано, что в ряде капиталистических стран рабочий класс имеет в современных условиях реальную возможность объединить под своим руководством подавляющее

¹⁸ «Die Gesellschaft in der wir leben». Köln, 1957, S. 32—33.

большинство народа и обеспечить переход основных средств производства в руки народа, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли. При этом Н. С. Хрущев подчеркивал, что «большая или меньшая степень остроты борьбы, применение или неприменение насилия при переходе к социализму зависят не столько от пролетариата, сколько от степени сопротивления эксплуататоров, от применения насилия самим классом эксплуататоров»¹⁹

Эти положения были полностью поддержаны марксистско-ленинскими партиями всех стран. В Декларации совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в ноябре 1957 г. в Москве, указывалось, что формы перехода различных стран от капитализма к социализму могут быть различными, причем рабочий класс и его авангард—марксистско-ленинская партия—стремятся осуществить социалистическую революцию мирным путем, поскольку осуществление такой возможности отвечало бы интересам рабочего класса и всего народа. В то же время надо иметь в виду и другую возможность—немирного перехода к социализму в условиях, когда эксплуататорские классы оказывают ожесточенное насильственное сопротивление народной воле. «В каждой отдельной стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму определяется конкретными историческими условиями»²⁰.

3. Социализм и равенство

Реальное содержание пролетарского требования равенства заключается в уничтожении классов. Это положение марксизма, остававшееся до Великой Октябрьской социалистической революции лишь научным выводом и прогнозом, с момента победы Советской власти стало облекаться в плоть и кровь. В наше время реальное

¹⁹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат, 1956, стр. 35.

²⁰ «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий». М. Госполитиздат, 1959, стр. 18.

содержание пролетарского требования равенства с чрезвычайной полнотой раскрывается на опыте исторического творчества новых, социалистических форм жизни в Советском Союзе и в странах народной демократии.

Теперь уже доказано на практике, что победа социализма освобождает общество от эксплуататорских классов и цементирует неразрывными узами братской дружбы рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию—свободных от всяких форм эксплуатации тружеников социалистического общества. Освобождение труда от ярма эксплуатации является первейшей и важнейшей стороной реализации пролетарского требования равенства. Господство общественной, социалистической собственности на средства производства означает, что все трудящиеся имеют равный доступ к средствам производства. Между тем при капитализме люди труда не могут иметь доступа к средствам производства, так как последние находятся в монопольном владении частных собственников-капиталистов. Тот факт, что подавляющее большинство трудящихся лишено средств производства и вынуждено продавать свою рабочую силу, лежит в основе капиталистической эксплуатации, деления общества на антагонистические классы.

Социалистическая революция ставит своей целью уничтожение классов—прежде всего деления общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, а затем и изживание классовых различий в среде трудящихся. Таким образом, задача уничтожения классов решается на двух этапах. Это две фазы экономической зрелости нового общества, две фазы коммунизма. На первой фазе коммунизма, в социалистическом обществе, достигается уничтожение эксплуатации человека человеком. Так ликвидируется деление общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Вместе с тем происходит огромное сближение в условиях жизни, труда и быта тружеников города и деревни, рабочих и крестьян, а также работников физического и умственного труда.

Однако дальнейшее существенное сближение рабочих и крестьян, а также интеллигенции происходит уже в процессе строительства второй фазы коммунизма. Таким образом, полная реализация пролетарского требования равенства достигается на высшей фазе коммунизма.

ма. Но уже в социалистическом обществе сделаны решающие шаги в этом направлении.

Чтобы уничтожить классы, учил Ленин, надо решить двоякого рода задачу: во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов; во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной ко второй годовщине Октября, Ленин указывал, что первая часть задачи уже решена Советской властью, но это—только часть и притом не самая трудная. Несравненно более трудной и в силу необходимости длительной является вторая часть задачи. Ее нельзя решить свержением какого бы то ни было класса, ее можно решить только коренной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единоличного, обособленного, мелкого крестьянского хозяйства к общественному крупному хозяйству. «Ускорить этот переход,—писал Ленин,—можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне»²¹.

Следуя заветам Ленина, руководствуясь его гениальным кооперативным планом приобщения крестьянских масс к социализму, Коммунистическая партия осуществила гигантскую преобразовательную работу в деревне. В результате победы колхозного строя место десятков миллионов мелких и мельчайших индивидуальных крестьянских хозяйств заняли десятки тысяч колхозов—крупных высокомеханизированных коллективных хозяйств, базирующихся на совместном труде.

Победа колхозного строя в корне изменила социальное положение крестьянских масс. Если основой существования мелкого производителя была частная собственность, то основой жизни и труда колхозных масс является общественная социалистическая собственность. Колоссальные сдвиги произошли в технике сельскохозяйственного производства. На колхозных полях работают сотни тысяч тракторов и комбайнов, множество сельскохозяйственных машин. В деревне появились сотни тысяч людей ранее невиданных профессий: трактористы и механики,

²¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 92.

агрономы и зоотехники. Вслед за коренным изменением в условиях бытия огромных масс крестьянства происходит небывалый по своим масштабам процесс переработки их сознания. Колхозная молодежь—это люди с семилетним, средним, а зачастую и высшим образованием. На смену прежнему крестьянину, с его узостью кругозора, недоверием к городу, замкнутостью и индивидуализмом, оторванностью от всей человеческой культуры, пришел новый человек социалистической деревни, культурно выросший, с бьющей через край энергией, привычкой к коллективному труду, уверенностью в завтрашнем дне, упорной решимостью в борьбе за коммунизм.

Враги трудящихся стремятся оклеветать социализм, изображая его как серый монотонный строй посредственности и ограниченности, как царство всеобщего поравнения, где все стрижены под одну гребенку, где нет места свободному развитию человеческой личности. Опыт социалистического переустройства общества в СССР и в странах народной демократии убедительным языком фактов разоблачил эту клевету, как и многие другие измышления. Теперь на практике жизни одной трети человечества неопровержимо доказано, что социализм открывает такой простор расцвету человеческой индивидуальности, какой немыслим ни при каком ином общественном строе.

Люди различаются между собой способностями и дарованиями, качествами характера и воли. Социализм создает для всех трудящихся равные возможности развития всех заложенных в них способностей. Труд и только труд становится незыблемым мерилом заслуг каждого, его славы и почета, его общественного признания и материальных условий жизни,

Марксизм учит, что труд является необходимым и естественным условием существования человеческого общества на всех ступенях его развития. Эта истина ясна и бесспорна, хотя человеческая мысль в течение долгих веков искала основу общественного развития в чем угодно, но только не в труде. Действительное место и значение труда, производственной деятельности людей во всей общественной жизни было впервые открыто марксизмом, и это открытие составило эпоху в развитии человеческой мысли и знания. Оно поставило социалистическое учение

на несокрушимый фундамент. Великое научное открытие, что в основе человеческого общества лежит трудовая деятельность людей, неразрывно связано с учением об исторической необходимости такого общественного строя, при котором «владыкой мира будет труд».

Социализм, уничтожив эксплуатацию человека человеком, сделал труд подлинным «владыкой мира». Весь прогресс социалистического общества, все его достижения имеют своим источником свободный, сознательный социалистический труд. Плодами созидательного труда советских людей является все то, чем справедливо гордится наша страна, все то, что вызывает восхищение народов всего мира: искусственные спутники Земли и космические ракеты, реактивные самолеты и атомные электростанции, невиданные темпы роста промышленности и сельского хозяйства, громадный разворот жилищного строительства и расцвет культуры.

Изменение положения труда в обществе порождает новое отношение людей к труду. Происходит коренной переворот во взглядах людей на труд. Уходят в прошлое отсталые взгляды и настроения, унаследованные от эксплуататорского строя, который веками создавал у многочисленных поколений трудящихся отвращение к труду, как к постылому, подневольному бременю, как к чуждому для них делу.

Социализм строится из человеческого материала, полученного в наследство от капитализма. Пролетариат при капитализме лишен собственности. Это класс, историческое призвание которого—разрушение мира частной собственности и построение нового мира, основанного на общественной собственности. Однако глубокой ошибкой было бы думать, что рабочий класс может быть совершенно свободен от всяких пережитков старого общества.

Марксизм-ленинизм всегда решительно разоблачал мелкобуржуазно-анархическое представление о социализме и коммунизме как о таком обществе, где можно жить без труда, без активного участия в производительной деятельности. Такое представление в корне чуждо рабочему классу, прошедшему закаляющую школу труда; оно чуждо самым широким массам трудящихся, чья жизнь воспитывает в уважении к труду. Смена подневольного труда на эксплуататоров свободным трудом

на себя, на все общество, как неоднократно указывал Ленин, вызывает огромный подъем творческой энергии и трудового энтузиазма масс. Но одновременно Ленин отмечал, что смена эта не может осуществиться без упорной борьбы с пережитками капитализма, сохраняющимися еще долгое время в сознании отсталых слоев трудящихся.

Ленин не раз подчеркивал, что искоренение проклятых привычек и традиций, оставшихся от эксплуататорского строя, требует долгой и упорной борьбы. Он писал:

«Борьба со старой привычкой—смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии*, эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем прищельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к *народной* фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: „урвать кусок побольше и удрать“»²².

Воспитание социалистической дисциплины труда, борьба с пережитками капитализма в сознании людей—важнейшая задача на всех этапах социалистического строительства.

Создание, развитие и укрепление новых форм общественной связи между людьми представляет собой сложный и многосторонний процесс, охватывающий различные сферы общественной и личной жизни. Важнейшим элементом этого процесса является создание новых форм и способов привлечения людей к труду.

Каждый общественный строй обладает своими особыми способами привлечения людей к производительной деятельности. Прямое принуждение при рабстве и феодализме, угроза голодной смерти при капитализме заставляют трудящихся работать на эксплуататоров. Социализм уничтожил те способы побуждения людей к труду, которые свойственны капитализму: угрозу голода для большинства, жажду наживы для меньшинства. Ликвидация эксплуатации коренным образом изменила условия

²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 371.

и методы привлечения людей к трудовой деятельности. Таким образом, самой жизнью, объективным ходом истории была поставлена задача выработки новых, ранее небывалых стимулов к труду.

Капитализм создавал свойственные ему методы и приемы на протяжении многих десятилетий и даже столетий. По сути дела до наших дней продолжается разработка различных методов выкачивания возможно большей массы труда из наемных рабов капитала. Естественно, что создание методов привлечения людей к труду при социализме является нелегким делом, требующим большой и вдумчивой работы. В этой работе Коммунистическая партия опирается на принципы социализма: «кто не работает, тот не ест» и «от каждого—по способностям, каждому—по труду».

В этих двух неразрывно связанных между собой принципах социалистического общества, являющихся прочной основой осуществления равенства в марксистско-ленинском смысле слова, воплощены лучшие мечты многих поколений, видевших контуры социализма сквозь мглу эксплуататорского строя. В принципах социализма находит свое выражение экономический закон распределения по труду, являющийся одним из объективных экономических законов социалистического способа производства.

Относительно формулы «кто не работает, тот не ест» Ленин указывал: «В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине—основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы»²³. Формулу эту Ленин рассматривал как «первое, основное, коренное начало социализма»²⁴. Она действует, естественно, как на первой, так и на второй фазах коммунизма.

Вместе с тем первая фаза коммунизма характеризуется принципом: «от каждого—по способностям, каждому—по труду», а вторая—принципом: «от каждого—по способностям, каждому—по потребностям». Различие двух формул отражает различие в уровне развития производительных сил и в степени экономической зрелости двух фаз коммунизма.

²³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 356.

²⁴ Там же, стр. 355.

Марксизм учит, что после ликвидации эксплуатации человека человеком и замены частной собственности на средства производства общественной собственностью способ распределения продуктов общественного труда определяется достигнутым уровнем развития производительных сил и степенью зрелости социалистических отношений между людьми в процессе производства. Марксизм-ленинизм учит, как подчеркивал Н. С. Хрущев на XXI съезде партии, что распределение является не определяющим, а производным в развитии общества, что его формы и принципы зависят от способа производства и от количества произведенных в обществе продуктов.

После уничтожения капитализма и ликвидации эксплуатации человека человеком степень удовлетворения потребностей людей лимитируется лишь одним: достигнутым уровнем развития производительных сил общества, степенью производительности общественного труда. Этим же определяется, как учит марксизм, и способ распределения материальных жизненных благ между членами общества. Имея в виду положение, которое сложится после свержения капитализма, Энгельс писал, что «способ распределения существенным образом зависит от количества распределяемых продуктов», и подчеркивал, что «это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства»²⁵.

Прогресс производства—ключ к решению всех задач постепенного перехода от социализма к коммунизму. Только на основе быстрого роста производительных сил, огромного повышения производительности труда, обеспечивающего изобилие материальных благ, может быть осуществлен переход от социалистического принципа «от каждого—по способностям, каждому—по труду» к коммунистическому принципу «от каждого—по способностям, каждому—по потребностям».

Одним из наиболее ярких показателей безграничной тупости идеологов реакционной буржуазии является тот факт, что они долгое время всячески издевались над великим идеалом трудящихся масс—идеалом такого общества, которое сможет написать на своем знамени: «От каждого—по способностям, каждому—по потребностям».

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 421.

«С точки зрения буржуазной,—писал Ленин еще на кануне Великой Октябрьской социалистической революции,—легко объявить подобное общественное устройство „чистой утопией“ и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных „ученых“, которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма»²⁶. Разоблачая невежественную болтовню прислужников буржуазии, Ленин тогда подчеркивал, что высшая фаза коммунизма предполагает и «не теперешнюю» производительность труда и «не теперешнего обывателя», способного зря портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

С тех пор как Ленин писал эти строки, прошло более сорока лет. Коренным образом изменился облик нашей страны. Под руководством Коммунистической партии советский народ создал могучую социалистическую державу с первоклассной индустрией и высокомеханизированным сельским хозяйством. Гигантски умножились производительные силы страны, а производительность труда увеличилась по сравнению с дореволюционным временем в десять раз. Выросли новые люди—сознательные, активные созидатели, подлинные хозяева своей жизни. Социализм породил новые общественные отношения между людьми в процессе производства — отношения товарищеского соревнования и сотрудничества, поддержки друг друга в совместном труде на благо всего общества. Эти отношения дают простор росту творческой активности и энергии, талантов и способностей широких трудящихся масс.

В результате глубоких революционных преобразований Советский Союз, возглавляя братскую семью социалистических государств Европы и Азии, вступил в новый, важнейший период своего исторического развития—период развернутого строительства коммунистического общества. Марксизм всегда учил, что для осуществления высшей фазы коммунизма нужны очень важные материальные и духовные предпосылки. Эти предпосылки

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 441.

создаются всем ходом развития социалистического общества, возникающего после ликвидации капитализма.

В свете исторических решений XXI съезда партии советский народ и трудящиеся массы всего мира обладают теперь вполне конкретными представлениями о процессе перехода от социализма к коммунизму. Творчески применяя бессмертную теорию марксизма-ленинизма к решению новых величественных задач, поставленных жизнью, Коммунистическая партия разработала глубоко продуманный план, научно обоснованную программу движения вперед—к высшей фазе коммунизма.

Главным условием осуществления коммунистического принципа распределения по потребностям является, естественно, огромный рост общественного богатства, обеспечивающий изобилие материальных благ. Это главная, хотя и не единственная предпосылка высшей фазы коммунизма. Коммунизм предполагает, далее, такие существенные условия, как огромное сближение города и деревни, стирание граней между трудом физическим и умственным, превращение труда в первейшую жизненную потребность человека.

«С ростом производительных сил,—говорится в резолюции XXI съезда партии,—должны совершенствоваться и социалистические общественные отношения, основанные на началах товарищеского сотрудничества, дружбы и взаимопомощи. По мере технического прогресса во всех отраслях хозяйства и более тесного соединения обучения с производством будет происходить стирание существенных различий между умственным и физическим трудом, повышение культурно-технического уровня всех трудящихся. Сокращение рабочего дня и дальнейшее улучшение условий труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства должны содействовать превращению труда в жизненную потребность всесторонне развитого человека»²⁷.

Таким образом, создание всех предпосылок высшей фазы коммунизма неразрывно связано с ростом производительных сил. Все условия коммунизма создаются лишь в процессе гигантского увеличения производительных сил социалистического общества, лишь в ходе быст-

²⁷ «Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет», т. II. Госполитиздат, 1959, стр. 443—444.

рого роста материально-технической базы социализма, перерастающей в могущественную материально-техническую базу коммунизма. Поэтому рост производительных сил, создание материально-технической базы коммунизма справедливо считается первоосновой успешного перехода от социализма к высшей фазе коммунизма.

Но какой способ распределения необходим для достижения наиболее быстрого развития производительных сил социалистического общества? На этот вопрос жизнь отвечает ясно и недвусмысленно: только социалистический способ распределения по труду. Об этом говорит весь опыт социалистического строительства в Советском Союзе, об этом же говорит и опыт всех других стран социалистического лагеря.

Ликвидация эксплуатации коренным образом изменила условия и методы привлечения людей к труду. Социализм создал невиданные при капитализме могучие общественные стимулы к труду, вытекающие из факта ликвидации эксплуатации и нового, социалистического отношения людей к труду и средствам производства. Вместе с тем важнейшим стимулом развития производства при социализме является материальная заинтересованность каждого работника в результатах своего труда, которая достигается путем осуществления социалистического принципа оплаты каждого работника в соответствии с количеством и качеством труда, затраченного им на пользу общества.

Важнейшим условием успешного строительства социализма является учет и контроль со стороны общества над мерой труда и мерой потребления каждого работника. Социализм, учил Ленин, предполагает «общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда, и его вознаграждение»²⁸.

Богатейший опыт Советского Союза и других стран социалистического лагеря воочию показал, что возможно более полное осуществление экономического закона распределения по труду, принципа оплаты каждого работника в соответствии с количеством и качеством труда,

²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 260.

затраченного им на пользу общества, является могучей движущей силой общественного прогресса при социализме. XXI съезд КПСС, обобщая огромный исторический опыт, в своей резолюции подчеркнул, что в современный период—период развернутого строительства коммунистического общества—распределение материальных благ должно происходить по принципу: «от каждого—по способностям, каждому—по труду».

«Распределение по труду,—указывается в решении съезда,—обеспечивает материальную заинтересованность людей в результатах производства, стимулирует рост производительности труда, повышение квалификации работников, усовершенствование техники производства; оно играет также большую воспитательную роль, приучает людей к социалистической дисциплине, делает труд всеобщим и обязательным»²⁹.

Всеобщность и обязательность труда являются существеннейшими чертами социалистической организации труда, которые целиком сохраняются и на высшей фазе коммунизма. Всеобщность и обязательность труда представляют собой один из источников неизмеримого превосходства социализма над капитализмом.

Обеспечивая рост квалификации работников, распределение по труду способствует повышению уровня их общих и технических знаний, чем достигается систематическое сближение между физическим и умственным трудом. Оплата труда в соответствии с его количеством и качеством, содействуя укреплению социалистической дисциплины труда и развитию социалистического соревнования, имеет первостепенное значение для процесса превращения труда в первейшую жизненную потребность человека.

Стало быть, осуществление принципа распределения по потребностям, присущего высшей фазе коммунизма, подготавливается наиболее полным применением и использованием экономического закона распределения по труду на социалистической стадии развития общества. Необходимые условия для реализации принципа распределения по потребностям, как и других черт высшей фазы коммунизма, создаются и вызревают диалектическим путем: не в порядке ослабления социалистического принципа рас-

²⁹ «Внеочередной XXI съезд КПСС», т. II, стр. 444.

пределения по потребностям, а наоборот, в порядке его всемерного укрепления и развития.

Распределение по труду, сохраняя определенное—неизбежное на первой фазе коммунистического общества — неравенство между трудящимися, в то же время решительно порывает с тем способом распределения, который господствует при капитализме. Ибо при капитализме распределение происходит не по труду, а по капиталу. В соответствии с экономическими законами капитализма больше дохода получает не тот, кто больше трудится, а тот, кто имеет больше капитала.

Мелкобуржуазная уравниловка, т. е. стремление к уравнительной оплате труда вне зависимости от его качества, квалификации, производительности, добросовестности и т. д., несовместима с социализмом. Она отрицает материальное поощрение хорошо работающих и сводит на нет материальную заинтересованность работников в улучшении производства, в повышении производительности труда.

Мелкобуржуазные представления о равенстве, рассматривающие социализм как всеобщий дележ и поравнение, как равенство в потреблении, характерны для отсталых слоев трудящихся. Мелкобуржуазная уравниловка апеллирует к отсталым настроениям, к несознательности самых неразвитых слоев трудящихся. Пытаясь нанести удар социалистическим принципам оплаты труда, она подрывает самую основу, обеспечивающую социалистическому обществу гигантски быстрое движение вперед, а его членам—самые неограниченные возможности развития. Она требует одинаковой оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда, честного труженика и лодыря-тунеядца. Под флагом уравнительности на деле скрывается требование неприкрытого нарушения равного подхода к людям, равной мерки их заслуг, требование благоприятствования отсталым элементам за счет передовых, бездельникам—за счет самоотверженных работников. Борьба с мелкобуржуазной уравниловкой во всех ее формах—важное условие успешного продвижения социалистического общества по пути к полному коммунизму.

Постепенный переход к высшей фазе коммунизма, на которой общество оказывается в состоянии удовлетворять все потребности трудящихся во все возрастающих

масштабах, требует неуклонного проведения и строгой реализации социалистического принципа оплаты по труду. К этой цели направлены осуществляемые в СССР важные мероприятия по улучшению системы заработной платы и нормирования труда в промышленности, по дальнейшему развитию принципа материальной заинтересованности в колхозах.

Соблюдение социалистического принципа распределения по труду не только не противоречит развитию моральных стимулов к труду, а напротив, создает наиболее благоприятные условия для их укрепления и распространения среди самых широких масс трудящихся. С развитием социалистического общества и ростом сознательности масс—отмечается в резолюции XXI съезда КПСС—все выше поднимается трудовой энтузиазм советских людей, растет их забота об общественном благополучии, изживается стремление к наживе, все большее значение приобретают моральные стимулы к труду на благо общества.

Как произойдет переход к распределению по потребностям? В свете решений XXI съезда КПСС ясно, что этот переход будет осуществляться постепенно, по мере развития производительных сил, когда будет достигнуто изобилие всех необходимых предметов потребления и когда все люди добровольно и независимо от степени вознаграждения своего труда будут работать по своим способностям.

Особое значение имеет тот факт, что уже в настоящее время в нашей стране значительная и все возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется бесплатно. Это часть национального дохода, которая идет на выплату пенсий, стипендий для учащихся, пособий многодетным матерям, обращается на строительство и содержание школ и больниц, детских садов и яслей, интернатов, а также клубов, библиотек и других учреждений культуры. Важной предпосылкой для постепенного перехода к коммунистическому принципу распределения является дальнейшее увеличение этой доли общественного фонда потребления по мере роста общественного богатства.

Победа социализма открывает историческую эпоху, на протяжении которой постепенно совершается превращение труда в первейшую жизненную потребность человека.

Это превращение—длительный и сложный процесс, который происходит по мере ликвидации пережитков капитализма, воспитания новой дисциплины труда, огромного расцвета производительных сил социалистического общества. «Необходимость регулирования распределения продуктов между членами общества,—говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде,—отпадет лишь при коммунизме, когда производительные силы настолько разовьются, что будет достигнуто изобилие всех необходимых предметов потребления, и когда все люди будут добровольно и независимо от меры получения материальных благ трудиться в полную силу своих способностей, сознавая, что это необходимо для общества»³⁰.

На протяжении периода постепенного перехода от социализма к коммунизму совершается коренное изменение отношения людей к труду. На высшей фазе коммунизма труд становится первейшей жизненной потребностью человека, источником радостей и наслаждения для него. Созидательный творческий труд настолько входит в привычку, что люди не смогут существовать без труда, как они не могут жить без воздуха.

Значит ли это, что труд перестанет быть особым родом человеческой деятельности, требующим напряжения физических и духовных сил человека, что он перестанет быть определенной целесообразной затратой человеческой мускульной и нервной энергии? Так именно считал, например, великий социалист-утопист Шарль Фурье. Он предполагал, что с уничтожением капитализма труд превратится в простую забаву, в игру. Против такого взгляда решительно возражал Маркс. В одной из подготовительных работ к «Капиталу» он писал:

«Труд не может превратиться в игру, как того хочет Фурье». Освобождение труда от пут эксплуатации, указывал далее Маркс, «отнюдь не означает, что такой труд—простая забава, простое удовольствие, как это крайне наивно понимает Фурье. Действительно свободный труд, например, труд архитектора, есть вместе с тем дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение».

Теперь уже не приходится гадать по поводу того, ка-

³⁰ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР. Госполитиздат, 1959, стр. 116.

кими путями происходит это превращение труда в первую жизненную потребность человека. Современная действительность показывает этот процесс во всем богатстве красок. Разве героические трудовые подвиги советских людей, штурмующих небо и осваивающих гигантские площади целинных земель, разве подлинно всенародный размах социалистического соревнования, движение бригад и ударников коммунистического труда не являются наглядными свидетельствами глубокого, коренного изменения отношения людей к труду?

Трудно переоценить значение борьбы с пережитками капитализма, в особенности в отношении к труду, к своим обязанностям перед обществом, в период развернутого строительства коммунизма. На протяжении всего этого периода происходит процесс превращения труда как создателя всех материальных и культурных благ в первую жизненную потребность людей. Указывая, что утверждение коммунистических взглядов и норм поведения происходит в борьбе с пережитками капитализма, Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС говорил: «У нас нередко еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, занимаются спекуляцией, нарушают дисциплину и общественный порядок. Нельзя спокойно ожидать, когда эти пережитки капитализма исчезнут сами по себе, необходимо вести против них решительную борьбу, направить общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов, против антиобщественных элементов»³¹.

Коммунистическая партия неизменно дает отпор антиобщественным взглядам, особенно в сфере отношения людей к труду.

Высшая фаза коммунизма подготавливается наиболее полным применением принципа оплаты по труду на социалистической стадии развития общества. Оплата по труду стимулирует рост и развитие новых качеств труда в социалистическом обществе. Она воспитывает в массах хозяйское отношение к производству, служит надежной основой для развития соревнования, поощряет заботу каж-

³¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР, стр. 63.

дого работника об улучшении производства. Труд в социалистическом обществе приобретает новое, высшее качество, и в этом одно из главных, решающих преимуществ социализма как высшего строя по сравнению с капитализмом.

Именно распределение по труду создает наиболее благоприятные условия для гармонического сочетания материальных и моральных стимулов к труду. Оплата по труду делает особенно наглядной для миллионов и миллионов трудящихся ту неразрывную связь, которая при социализме существует между результатами труда и материальным благосостоянием трудящихся. Тем самым облегчается воспитание новой, сознательной, социалистической дисциплины труда, растет чувство коллективизма, укрепляются отношения товарищеской взаимопомощи и сотрудничества, составляющие отличительную черту социалистических производственных отношений.

Одна из самых замечательных особенностей социалистической экономики состоит в том, что ее развитие и укрепление неразрывно связано с гигантским облегчением труда. Ни один мало-мальски добросовестный человек не в состоянии отрицать огромных достижений нашей страны в этом отношении. В промышленности технический прогресс привел к исчезновению многих профессий, связанных с тяжелым физическим трудом, а дальнейшее быстрое развитие науки и техники ведет к еще большему облегчению труда. В сельском хозяйстве ушел навсегда в прошлое нечеловечески тяжелый труд крестьянина-единоличника, ковырявшего землю допотопными орудиями.

По мере создания материально-технической базы коммунизма, с ростом и всеобщим распространением автоматических систем машин ручной труд будет постепенно ликвидироваться. В связи с этим изменится соотношение между числом рабочих, непосредственно занятых в цехах, и числом конструкторов, ученых, инженеров и других работников, занятых в конструкторских и расчетных бюро, в лабораториях. В речи на Пленуме ЦК КПСС в июне 1959 г. Н. С. Хрущев указывал, что при коммунизме будет значительно больше научных учреждений, конструкторов и других специалистов; рабочие, обладая

большими знаниями, будут управлять сложными машинами, дающими высокую производительность. В этой связи он заметил, что важно подготовиться к этому и психологически, направляя работу именно в таком направлении.

Но облегчение труда в результате быстрого технического прогресса—это лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в сокращении рабочего времени, в результате чего трудящиеся получают больше свободного времени для отдыха, для культурного роста. Уже к концу 1960 г. в СССР будет полностью завершен перевод на сокращенный рабочий день всех рабочих и служащих. Это будет крупнейшим шагом к осуществлению в СССР самого короткого в мире рабочего дня и самой короткой рабочей недели, к постепенному переходу на 35—30-часовую рабочую неделю с двумя выходными днями.

«Я глубоко уверен, что недалеко то время,—говорил Н. С. Хрущев в октябре 1959 г. на митинге строителей Братской гидроэлектростанции,—когда в нашей стране на основе дальнейшего развития производства, науки и техники, на основе технического прогресса, автоматизации производства люди будут работать 3—4 часа в день. Человек будет управлять сложными машинами и механизмами и за это короткое время производить значительно больше продуктов, чем теперь, и это будет обеспечивать более полное удовлетворение потребностей страны, всех потребностей каждого гражданина коммунистического общества»³².

Захватывающие перспективы, открытые перед советским народом, идущим по пути к коммунизму, вдохновляют миллионы рабочих, колхозников, интеллигентов на самоотверженный созидательный труд во имя скорейшего достижения заветной цели. Разве не об этом свидетельствуют такие явления современной действительности, как замечательное движение, начатое по инициативе Валентины Гагановой, как небывалый размах соревнования в промышленности и сельском хозяйстве, как выдающиеся достижения передовых людей колхозов и совхозов? Если взять Гаганову и ее последователей, то совершенно

³² «Правда», 10 октября 1959 г.

ясно, что их поступки были продиктованы заботой о том, чтобы производительность труда росла повсеместно, на всех участках. Они проявили глубокое понимание того, что именно это, в конечном счете, есть самое важное, самое главное для победы нового общественного строя, для нашей победы в мирном экономическом соревновании с капитализмом. Такое понимание характерно и для участников движения бригад и ударников коммунистического труда, которых справедливо называют разведчиками будущего.

В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев указывал, что высокомеханизированное и автоматизированное производство будущего не потребует от людей многочасового труда, и в результате этого у них останется много свободного времени для занятий науками, искусством, литературой, спортом и т. д. В то же время в докладе подчеркивалась несостоятельность вульгарного представления о коммунистическом обществе как о бесформенной, неорганизованной, анархической массе людей. «Нет,—говорил Н. С. Хрущев,—это будет высокоорганизованное и слаженное содружество людей труда. Для того, чтобы управлять машинами, каждый должен будет в определенное время и в установленном порядке выполнять свои трудовые функции и общественные обязанности»³³.

К этому вопросу Н. С. Хрущев вновь вернулся в речи на Пленуме ЦК КПСС в июне 1959 г. Отмечая, что механизация и автоматизация производства предусматривают высокую организацию труда, между тем как на ряде предприятий в этом деле имеются серьезные недостатки, он подчеркнул необходимость так воспитывать рабочих, чтобы люди работали с полным пониманием своего долга, чтобы их труд давал высокую производительность, чтобы люди стремились уплотнить свой рабочий день. «Отведенные для работы часы должны быть заняты производительным трудом. На производстве должна царить атмосфера нетерпимого отношения к недобросовестным работникам. Если какой-либо рабочий будет болтаться без дела, то долг товарищей по работе прямо сказать ему,

³³ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР, стр. 117.

что он живет за счет своего соседа—рабочего, который трудится добросовестно»³⁴.

Вывод XXI съезда КПСС о том, что Советский Союз в результате великих побед социализма во всех областях общественной жизни вступил в период развернутого строительства коммунистического общества, открывает новую страницу не только в истории социалистического строительства, но и в истории социалистических идей. Те цели и задачи, которые на предыдущем этапе еще оставались делом более или менее отдаленных перспектив, теперь придвинулись вплотную, вошли в повседневную жизнь. Они приняли очертания точных цифровых наметок и расчетов, детализированных по определенным этапам ближайшего исторического отрезка времени.

XXI съезд КПСС развернул перед всем миром такую грандиозную программу коммунистического строительства в СССР, нового мощного подъема экономики, культуры и материального благосостояния народа, которая по своим масштабам не имеет равных в истории. «Семилетний план развития народного хозяйства СССР является конкретным воплощением ленинской генеральной линии партии на современном этапе»³⁵,—говорится в резолюции съезда.

Период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, как и все предыдущие периоды развития социалистического общества, подтверждает великую силу и жизненность марксизма-ленинизма. Это учение неизменно служит надежным компасом на еще не изведанных путях созидания новых, ранее небывалых общественных форм. «В исторических победах стран социализма,—говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,—воплощена великая преобразующая сила идей марксизма-ленинизма, освещающих народам путь к миру, демократии и прогрессу, в светлое будущее всего человечества»³⁶.

³⁴ Н. С. Хрущев. За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства. Госполитиздат, 1959, стр. 35.

³⁵ «Внеочередной XXI съезд КПСС». Стенографический отчет, т. II, стр. 429.

³⁶ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР, стр. 6.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	3
<i>Историческое развитие представлений о равенстве</i>	
1. Античный мир и христианство	7
2. Эпоха крестьянских войн	13
3. Возникновение буржуазного представления о равенстве	24
4. Возникновение пролетарского представления о равенстве	32
5. Установление господства буржуазии и лозунг «равенства вообще»	37
<i>Анализ реальных корней буржуазных представлений о равенстве в «Капитале»</i>	
1. Анализ товара; «равенство обмена»	50
2. Двойственный характер труда; процесс уравнивания труда	56
3. Форма стоимости и ее противоречия	62
4. Деньги — всеобщий левеллер	67
5. Закон стоимости и обмен между трудом и капиталом	73
6. Рабство наемного труда	81
7. Равенство эксплуатации труда капиталом	101
<i>Проблема равенства и современная эпоха</i>	
1. В. И. Ленин об обмане народа лозунгами свободы и равенства	114
2. Империализм и кризис буржуазной демократии	121
3. Социализм и равенство	131

Лев Абрамович Леонтьев

**Проблема равенства
в «Капитале» К. Маркса**

*

Редактор издательства *А. Е. Усвятцов*

Технический редактор *С. Г. Маркович*

РИСО АН СССР № 36-120В. Сдано в набор 29/IV 1960 г.

Подписано к печати 25/VII 1960 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.

Печ. л. 4,75. Усл печ. л. 7,79. Уч.-изд. л. 7,7 Тираж 10 000 экз.

Т-06575 Изд. № 4677. Тип. зак. № 114

Цена 4 руб. 50 коп. с 1/I-61 г—45 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

**3-я тип. Изд-ва АН СССР
Москва, Н.-Басманная, 23**

Цена 4 р. 50 к.
с 1/1 1961 45 к.